

НЕ СМЕЙТЕ
МЕНЯ СПАСАТЬ!

Ксения Соболева

Три Альфы?! Не смейте меня спасать!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74227392

Аннотация

Мой брат исчез, оставив мне флешку с компроматом на очень опасных людей. Теперь меня ищут те, кто хочет вернуть свои тайны, и охраняют трое мужчин, которые привыкли получать все, что считают своим.

Холодный бывший следователь. Молчаливый телохранитель, способный остановить меня одной рукой. И слишком обаятельный умник, которому нельзя верить ни одного слова.

Они заперли меня в загородном доме ради моей же безопасности. Установили правила. Отобрали телефон. Велели не выходить за ворота и не вмешиваться в их дела.

Кажется, эти трое еще не поняли, кого именно притащили в свое логово.

У меня есть бита, скверный характер и очень веская причина найти брата раньше них.

А еще я не принадлежу никому.

Даже если каждый из троих смотрит на меня так, будто готов доказать обратное.

Дорогие читатели, я завела собственный ТГ канал, который называется "Миры Ксении Соболевой". Буду рада, если подпишетесь. Так мы сможем оставаться на связи и быть ближе друг к другу. Канал можно найти через общий поиск. В нем анонсы, размышления, арты и прочее. Буду рада видеть Вас там!

В книге вас ждут:

– строго 18+ – трое очень опасных мужчин и одна девушка, которую они совершенно напрасно приняли за жертву – вынужденное соседство в закрытом загородном доме – бита героине не для красоты – дерзкие диалоги, ревность и борьба за право устанавливать правила – обратный гарем без декоративных мужчин – криминальная интрига, предательство и враг, который всегда оказывается на шаг ближе, чем хотелось бы – очень плохая идея влюбляться сразу в троих – еще более плохая идея пытаться выбирать за героиню – обязательный ХЭ

Содержание

Глава 1. Бита не для красоты	5
Глава 2. Человек, который шутит с простреленным боком	41
Глава 3. Похищение с комфортом	80
Глава 4. Правила Марка Северцева	119
Глава 5. Забор существует для того, чтобы через него перелезть	186
Глава 6. Звонок от пропавшего брата	226
Глава 7. Флешка без содержимого	264
Глава 8. Ужин с тремя надзирателями	296
Глава 9. Дом, в который уже смотрят	336
Глава 10. Временное перемирие	380
Глава 11. Старый шкафчик	426
Глава 12. Следовательские привычки	484
Глава 13. Урок правильного падения	530
Конец ознакомительного фрагмента.	590

Глава 1. Бита не для красоты

Артём умел исчезать именно тогда, когда его отсутствие становилось особенно заметным. Не пропадать окончательно, не уходить из жизни с драматическим хлопком двери и не растворяться без следа, как это делают люди, твердо решившие оставить прошлое позади. Нет, для таких поступков в нем всегда не хватало внутренней дисциплины. Он исчезал иначе: выключал телефон в середине важного разговора, не приходил на встречу, о которой сам напоминал трижды, забывал отправить документы, без которых чья-нибудь работа вставала намертво, и возникал через несколько часов или дней с виноватой улыбкой человека, искренне удивленного тем, что окружающие успели начать волноваться. В его представлении мир должен был ненадолго замереть, терпеливо подождать, пока он разберется с очередным маленьким жизненным затруднением, а потом снова прийти в движение без претензий и лишних вопросов.

Кира знала эту особенность брата слишком хорошо, чтобы немедленно впадать в панику. Последние десять лет ее жизнь можно было при желании пересказать как длинную последовательность поисков Артёма Воронцова в местах, куда нормальные взрослые люди стараются не попадать. Она забирала его из отделения полиции после драки возле бара, в которой он, разумеется, оказался единственным человеком,

совершенно ни в чем не виноватым. Привозила деньги в мастерскую, когда Артём решил самостоятельно починить чужую машину и внезапно выяснил, что талант автомеханика не появляется вместе с уверенностью в себе. Несколько раз вытаскивала его из долгов, хотя каждый раз клялась, что это последний. Однажды среди ночи ехала через половину города, потому что брат пообещал помочь приятелю перевезти мебель и умудрился запереть ключи внутри арендованного фургона вместе с телефоном, документами и зимней курткой. В январе. При минус двадцати.

Поэтому, когда в половине девятого вечера она получила от него короткое сообщение: «Заедь в клуб после закрытия. Надо поговорить. Это важно», первой мыслью Киры было не предчувствие беды, а раздражение. Она как раз собиралась принять ванну, заказать что-нибудь неприлично калорийное и провести остаток вечера перед ноутбуком, не решая чужих проблем. День выдался мерзким: управляющий торгового центра снова прислал владельцу клуба претензию из-за музыки, тренер подростковой группы перепутал расписание, а один из новых клиентов попытался убедить Киру, что администратор обязана немедленно сделать ему скидку только потому, что он «в перспективе постоянный». К девяти часам ей хотелось одного: перестать быть взрослым ответственным человеком хотя бы до утра.

Но Артём написал не просто «заедь». Он добавил: «Пожалуйста».

Этим словом брат пользовался редко. Обычно считал, что родственные связи отменяют необходимость вежливых формулировок и длинных объяснений. Если ему требовалась помощь, он предпочитал сообщить о проблеме таким тоном, словно они с Кирой заранее договорились, что она немедленно отложит любые дела и примчится спасать старшего родственника от последствий его собственного таланта принимать сомнительные решения. Поэтому короткое «пожалуйста» испортило ей настроение сильнее, чем мог бы испортить прямой звонок из полиции.

Кира ответила, что будет через сорок минут, переделалась, собрала волосы в небрежный высокий хвост и долго стояла в прихожей, глядя на ключи от машины. За окном медленно оседал мокрый снег, превращавшийся на асфальте в серую кашу. Начало марта выдалось именно таким, каким март обычно бывает в городе, не имеющем ни малейшего представления о весне: холодным, грязным и раздраженным. Навигатор обещал сорок семь минут до клуба, хотя по пустым вечерним улицам дорога обычно занимала не больше получаса. Где-то впереди случилась авария, центр стоял в пробке, и Кира почти решила позвонить брату, чтобы предложить перенести разговор на утро. Тогда она заметила, что последнее сообщение так и осталось непрочитанным.

На первый звонок Артём не ответил. На второй тоже. После третьего автоматически включился голосовой ящик, и Кира, уже садясь за руль, процедила сквозь зубы несколько

слов, которые очень не понравились бы их покойной матери. Потом все-таки оставила сообщение: велела брату не отходить никуда из клуба, предупредила, что едет, и пообещала лично убить его, если выяснится, что он опять выключил звук на телефоне и сидит с приятелями в ближайшем баре.

Угроза прозвучала привычно и почти успокаивающе. В их семье любовь вообще редко выражалась нежными словами. Мать, пока была жива, могла назвать Артёма бессовестным оболтусом и тут же поставить перед ним тарелку с горячим ужином, хотя тот пришел домой за полночь. Отец ворчал на Киру за упрямство, но всегда оставлял включенным свет в коридоре, если она задерживалась на тренировке. После их гибели в автомобильной аварии брат и сестра остались вдвоем и быстро выяснили, что заботиться друг о друге умеют только при помощи взаимных претензий, грубоватых шуток и регулярных угроз причинить ближнему физические страдания за очередную глупость.

Разумеется, Кира никогда не была брата по-настоящему. Хотя за некоторые решения Артёма, по ее искреннему мнению, уголовное законодательство должно было предусматривать исключение.

Бойцовский клуб занимал первый этаж старого кирпичного здания на окраине делового района, который городские власти последние несколько лет пытались превратить во что-то модное и респектабельное. В бывших промышленных корпусах открывались кофейни с необоснованно до-

рогим кофе, студии йоги, дизайнерские мастерские и бары, названия которых невозможно было произнести без неловкой паузы. Однако стоило свернуть с центральной улицы во двор, как тщательно поддерживаемая иллюзия благополучия рассыпалась: потрескавшийся асфальт, ржавые мусорные контейнеры, тусклый фонарь над служебным входом и облезлая стена соседнего склада возвращали району его настоящее лицо.

Кира припарковалась возле крыльца, выключила двигатель и несколько секунд не выходила из машины. Вывеска над входом не горела. За темными окнами нельзя было различить ни движения, ни света. Последняя вечерняя тренировка заканчивалась в половине девятого, уборщица обычно уходила около девяти, а Артём должен был ждать ее внутри. Ничего необычного в тишине не было. И все же Кира поймала себя на том, что смотрит не на дверь, а по сторонам, пытаясь понять, что именно ей не нравится.

Во дворе стояли три машины. Ее собственная, старенький фургон службы доставки возле соседнего здания и темный седан без включенных фар, припаркованный у дальней стены. Седан выглядел слишком чистым для здешней грязи и слишком дорогим для случайного посетителя. За рулем никого не было. Снег успел припорошить крышу тонким слоем, но на лобовом стекле оставались прозрачные полосы от недавно работавших дворников.

Кира задержала взгляд на машине, затем достала теле-

фон и снова набрала номер брата. Где-то внутри клуба едва слышно заиграла знакомая мелодия. Артём не отвечал, но телефон находился в здании.

Это должно было успокоить. Вместо этого Кира почувствовала, как внутри медленно, без всякой причины затягивается тугой узел.

Она вышла из машины, захлопнула дверь и направилась к входу. Каблуки для поездки на окраину она благоразумно не надела, выбрав тяжелые ботинки на толстой подошве, темные джинсы и короткую кожаную куртку поверх свитера. Морозный воздух неприятно царапнул горло. Со стороны проспекта доносился далекий шум машин, но во дворе было тихо, почти неестественно тихо для города, который редко замолкал окончательно даже ночью.

Входная дверь оказалась приоткрыта.

Кира остановилась в нескольких шагах от нее и нахмурилась. Артём никогда не отличался педантичностью, однако клуб был не его личной квартирой. Здесь хранилось оборудование, стояли дорогие тренажеры, в кабинете лежали документы и небольшая сумма наличными для текущих расходов. Последний человек, покидавший помещение, обязан был закрыть дверь и поставить сигнализацию. Она сама проверяла это каждый вечер, если оставалась до конца смены. Сегодня дежурил Артём.

– Великолепно, – тихо произнесла Кира, толкая дверь носком ботинка. – Просто великолепно.

В холле горел только аварийный свет над стойкой администратора. Его тусклое зеленоватое сияние делало привычное помещение чужим и плоским, словно декорацию после окончания спектакля. На стойке лежала раскрытая тетрадь посетителей, рядом стояла чашка с недопитым кофе. Кира машинально отметила, что кофе еще не остыл окончательно: над темной поверхностью поднимался едва заметный пар. Артём терпеть не мог холодные напитки и обычно выливал остатки сразу, как только кофе переставал обжигать язык.

Она вошла внутрь и осторожно прикрыла дверь за собой, не запирая. Телефон брата снова зазвонил где-то в глубине клуба. Мелодия доносилась со стороны коридора, ведущего к раздевалкам и большому тренировочному залу.

– Артём? – позвала Кира.

Ответа не последовало.

Она подошла к стойке, включила фонарик на телефоне и осветила помещение. На первый взгляд все выглядело почти нормально. Пластиковые стаканчики возле кулера, стопка рекламных буклетов, забытые кем-то перчатки на скамье у стены. Только стул администратора почему-то оказался отодвинут далеко назад, будто сидевший на нем человек резко вскочил. На полу возле стойки валялась ручка. Еще дальше, почти у самого коридора, темнело что-то небольшое и блестящее.

Кира подошла ближе и увидела связку ключей. Не клубных, а личных: брелок в форме маленькой боксерской пер-

чатки она подарила брату на прошлый день рождения. Артём шутил, что вещь выглядит слишком мило для взрослого мужчины, но брелок не снял.

Она подняла ключи и сжала их в ладони.

– Артём, хватит дурить, – громче сказала Кира. – Выходи немедленно. Мне это уже не нравится.

Тишина ответила ей глухим равнодушием.

В кабинет администратора она заглянула первым делом. Там никого не было. Монитор компьютера светился, на экране оставалась открытой таблица с абонементом. В ящике стола лежала касса, деньги никто не тронул. На полке стояли аккуратно расставленные папки. Окно было закрыто. Если кто-то вошел в клуб ради ограбления, действовал он странно: не обращал внимания ни на технику, ни на наличные, ни на вещи, которые можно было быстро забрать и вынести.

Кира вышла обратно в коридор и замерла. Теперь она отчетливо слышала другой звук, едва заметный под тихим гудением вентиляции. Не шаги. Не голоса. Что-то вроде короткого скрежета, будто кто-то задел металлическую стойку и тут же остановился.

Звук пришел из тренировочного зала.

Здравый смысл предлагал вернуться к машине, вызвать полицию и ждать снаружи. Именно так поступил бы любой разумный человек, обнаружив открытый клуб, брошенные ключи и отсутствие брата, который несколько часов назад зачем-то попросил приехать. Кира прекрасно понимала это.

Она даже представила себе голос диспетчера, который спокойным тоном велит не входить внутрь здания и не подвергать себя опасности.

Но внутри мог находиться Артём.

Вся проблема здравого смысла заключалась в том, что он замечательно работал до тех пор, пока опасность не касалась близкого человека.

Кира медленно пошла по коридору. Свет включать не стала. Если в помещении действительно находился кто-то посторонний, лучше было не сообщать о своем приближении слишком явно. Возле двери в малый зал она остановилась, прислушалась и ничего не услышала. Потом заглянула внутрь. Пусто. Несколько боксерских мешков висели неподвижно, в зеркале на противоположной стене отражался узкий луч телефонного фонарика. На полу лежали скакалки и свернутый тренировочный мат, оставленный детской группой. Все выглядело нормально.

До большого зала оставалось несколько метров.

Телефон Артёма зазвонил снова. Теперь совсем близко.

Кира толкнула дверь и сразу увидела его: аппарат лежал на полу возле стены, экраном вверх, вибрировал и медленно вращался на гладком покрытии от каждого нового сигнала. Защитное стекло пошло трещинами. Рядом валялся пластиковый чехол, отлетевший в сторону после сильного удара.

Она вошла внутрь и подняла фонарик выше.

Большой зал выглядел так, словно здесь закончилась дра-

ка, о которой никто не успел предупредить администратора. Один из боксерских мешков сорвался с крепления и лежал поперек прохода. Металлическая скамья возле стены перевернулась. На полу рассыпались блины от штанги, несколько бутылок с водой и мелкие осколки зеркала. В дальнем углу темнела размазанная полоса, и Кира не сразу поняла, что это кровь. Не киношная яркая лужа, а несколько неровных пятен, словно раненый человек пытался пройти вдоль стены, опираясь на нее ладонью.

Первой мыслью было: Артём.

Кира бросилась вперед, забыв об осторожности, и едва не споткнулась о лежащую на полу гантель. Свет фонарика дернулся, скользнул по зеркалам, стенам и спортивному оборудованию. Сердце ударило слишком резко, болезненно, будто попыталось проломить грудную клетку изнутри.

– Артём!

На этот раз ей ответили.

– Стой.

Голос прозвучал тихо, почти бесцветно, но в нем было достаточно силы, чтобы Кира действительно остановилась.

Мужчина сидел на полу за перевернутой скамьей, прильнув спиной к стене. Несколько секунд Кира видела только вытянутые вперед ноги в темных брюках и одну руку, лежащую на бедре. Другой рукой он прижимал к боку что-то темное, вероятно собственную куртку или сложенную ткань. Когда луч фонарика поднялся выше, незнакомец поморщил-

ся и отвернул лицо.

Он был не старше тридцати пяти, хотя в таком освещении определить возраст точно было трудно. Темные волосы, спутанные после драки, упали на лоб. На скуле наливался синяк, нижняя губа была разбита. Белая рубашка под расстегнутым пальто пропиталась кровью сбоку и почти почернела. Выглядел мужчина плохо, но оставался в сознании и, судя по взгляду, прекрасно понимал, где находится.

Пистолет в его правой руке тоже выглядел вполне настоящим.

Кира остановилась не потому, что испугалась оружия. Испугаться она попросту не успела. Скорее тело отреагировало раньше сознания, мгновенно уловив опасность и заставив замереть на безопасном расстоянии. Телефонный фонарик продолжал слепить незнакомца, но он не потребовал убрать свет и не направил ствол на Киру. Держал пистолет низко, возле бедра, будто рука стала слишком тяжелой.

– Где мой брат? – спросила она.

Мужчина посмотрел на нее внимательнее. Его взгляд задержался на лице, затем скользнул по кожаной куртке, ботинкам и снова вернулся к глазам. Он оценивал не внешность. Пытался понять, кто перед ним и насколько серьезной проблемой может оказаться неожиданная посетительница.

– Кто ваш брат?

– Артём Воронцов. Он должен был ждать меня здесь.

На мгновение в лице незнакомца что-то изменилось. Не

удивление и не облегчение. Скорее раздраженное понимание человека, который наконец увидел последнюю недостающую часть картины и обнаружил, что она делает происходящее еще хуже.

– Вы Кира, – сказал он.

Это прозвучало не как вопрос.

Она стиснула телефон крепче.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Он показывал фотографию.

– Кто показывал? Артём? Где он?

Мужчина медленно вдохнул, и это простое движение явно причинило ему боль. На виске выступил пот, хотя в помещении было прохладно. Он прижал ткань к боку сильнее, на секунду закрыл глаза и снова посмотрел на Киру.

– Здесь его нет.

– Это я уже заметила. Где он?

– Вам нужно уйти.

Кира не сдвинулась с места.

– Я задала вопрос.

– А я дал совет, которым стоит воспользоваться.

– Незнакомый мужчина с пистолетом сидит в клубе моего брата среди разбитых зеркал и крови, после чего советует мне уйти. Вы действительно думаете, что этого достаточно?

Уголок его губ едва заметно дернулся. Возможно, при других обстоятельствах выражение лица можно было бы принять за улыбку. Сейчас оно выглядело скорее как корот-

кая судорога.

- Обычно люди слушаются быстрее, если видят оружие.
- Обычно люди с оружием не истекают кровью у стены.
- Справедливое замечание.

Кира медленно отступила на шаг, не сводя глаз с незнакомца. Страх наконец пришел, но совсем не такой, какого она ожидала. Не оглушающий и не парализующий. Холодный, неприятно ясный. Он заставил внимательнее посмотреть на зал, отметить расстояние до ближайшей двери, положение пистолета, пятна крови и слишком бледное лицо мужчины. Где-то рядом оставалась ее машина. В кармане лежал телефон. До выхода можно было добежать за несколько секунд, если никто не перекрыл коридор.

Но Артём исчез.

- Я вызываю скорую и полицию, – сказала Кира.
- Скорую вызывайте, если очень хочется. Полицию не надо.
- Именно это всегда говорят люди, которым необходимо вызвать полицию.
- Именно это говорят люди, которые знают, что полиция придет слишком поздно или слишком быстро. В нашем случае оба варианта одинаково плохи.

Она нахмурилась.

- Кто вы такой?
- Данила.
- Я спрашивала не имя.

– А я пока не в состоянии предоставить подробное резюме.

Слишком спокойный тон раздражал. Человек сидел на полу с дыркой в боку, держал пистолет и отвечал на вопросы так, будто они встретились не на месте недавней драки, а в кофейне, где он просто не успел допить эспрессо. Это могло быть признаком железного самообладания. Или большой кровопотери. Кира не собиралась выяснять опытным путем.

– Если вы знаете моего брата, – медленно произнесла она, – расскажите, что здесь случилось.

– Не сейчас.

– Почему?

– Потому что через несколько минут сюда придут люди, которым лучше вас не видеть.

– Те же, которые сделали это?

– Скорее всего.

– А вы, значит, хороший?

Данила посмотрел на пистолет в своей руке, затем на кровь на рубашке и снова поднял глаза на Киру.

– На вашем месте я бы пока не делал поспешных выводов.

– Удобная позиция.

– Очень. Особенно если учесть, что я не могу нормально встать.

Он попытался изменить положение, но движение оказалось неудачным. Лицо мужчины мгновенно побелело еще сильнее, дыхание сбилось. Кира невольно шагнула вперед,

однако Данила поднял руку с пистолетом чуть выше. Не направил оружие на нее, но ясно обозначил границу.

– Не надо.

– Я не собираюсь вас добивать.

– Рад слышать.

– Вам нужна помощь.

– Мне нужно, чтобы вы ушли.

– А мне нужно найти брата.

– Если останетесь здесь, вы ему ничем не поможете.

Слова прозвучали слишком уверенно. Не как предположение, а как знание. Кира почувствовала, как раздражение уступает место тревоге, которую уже невозможно было объяснить обычными неприятностями Артёма. Брат не просто снова влип в историю. На этот раз история выглядела так, будто в ней стреляли, дрались и оставляли раненых людей на полу.

– Он жив? – спросила Кира.

Данила молчал слишком долго.

– Насколько мне известно, да.

– Что значит «насколько вам известно»?

– То и значит. Когда я видел его в последний раз, он был жив.

– Когда?

– Сегодня.

– Где?

– Здесь.

Она посмотрела на разбитый телефон, кровь и перевернутую скамью.

– Он был здесь во время драки?

– Был.

– И куда ушел?

– Не знаю.

– Не знаете или не хотите говорить?

– Сейчас это одно и то же.

Кира не выдержала и шагнула ближе. Данила следил за ней внимательно, но оружие больше не поднимал. Возможно, понял, что стрелять в сестру человека, которого он знал, не собирается. Возможно, просто не имел сил. На расстоянии нескольких метров стало видно, насколько серьезно он ранен. Кровь проступала между пальцами, которыми мужчина прижимал ткань к боку. На полу рядом с ним лежал второй телефон, не Артёмов, и небольшой черный предмет, похожий на флешку.

– Отдайте мне телефон, – сказала Кира. – Я вызову скорую.

– Своим пользуйтесь.

– Вы сказали, что звонить опасно.

– Я сказал, что полицию вызывать не стоит. Скорая уже не изменит ситуацию настолько, чтобы о ней имело смысл спорить.

– Вы говорите загадками, потому что считаете это привлекательным?

На этот раз Данила действительно усмехнулся, хотя усмешка быстро превратилась в болезненную гримасу.

– Нет. Обычно я намного обаятельнее. Сейчас условия не располагают.

– Потрясающе. Рада, что вы не теряете оптимизма.

– Профессиональная привычка.

– У вас есть профессия?

– Иногда.

Кира уже собиралась набрать номер экстренной службы, когда Данила резко повернул голову к двери. Движение было почти животным: мгновенным, настороженным, совершенно не похожим на ленивую иронию предыдущих минут. Он замер, прислушиваясь, и Кира тоже услышала звук.

Снаружи, во дворе, хлопнула автомобильная дверь.

Затем еще одна.

Кто-то говорил приглушенно, слов разобрать было невозможно. Шаги приблизились к крыльцу и остановились. Всего несколько секунд ничего не происходило, но напряжение в помещении изменилось так резко, будто воздух стал плотнее. Данила выпрямился, насколько позволяла рана, и перехватил пистолет удобнее.

– Выключите фонарик, – сказал он.

Кира подчинилась. Зал мгновенно погрузился в полумрак, нарушаемый только аварийным светом из коридора. Через открытые двери вытянулась узкая зеленоватая полоса.

– Кто там? – шепотом спросила она.

– Если бы это были мои люди, они бы позвонили.

– А если полиция?

– Они бы не стали заходить молча.

Шаги снова слышались в холле. Осторожные, неторопливые. Люди явно не боялись, что их обнаружат, но и не собирались заранее выдавать присутствие. Кто-то задел входную дверь, и та негромко скрипнула.

Кира медленно огляделась. До выхода через коридор теперь было не добраться: неизвестные находились именно там. В другой части зала имелась служебная дверь, ведущая к небольшому складу и дальше к запасному выходу во двор. До нее – около пятнадцати метров открытого пространства. Кира знала помещение достаточно хорошо, чтобы пройти в темноте, однако Данила едва мог двигаться.

Он проследил за ее взглядом.

– Идите через склад, – тихо сказал он. – За стойкой с инвентарем есть дверь. Она не заперта.

– А вы?

– Я задержусь.

– В таком состоянии?

– Другого пока нет.

– Вы не сможете даже дойти до двери.

– Поэтому и не пойду.

Кира посмотрела на него с недоверием.

– Вы предлагаете мне просто оставить вас здесь?

– Я предлагаю вам сделать одну разумную вещь за сего-

дняшний вечер.

– Вы меня совсем не знаете.

– Уже начинаю догадываться.

Шаги приблизились. Кто-то вошел в коридор. Свет фонаря скользнул по стене, на секунду отразился в зеркале малого зала и исчез. Незнакомцы проверяли помещения одно за другим. До большого зала оставалось совсем немного времени.

Кира сделала шаг к складу, остановилась и снова посмотрела на Данилу. Тот сидел неподвижно, прислонившись к стене. В темноте лица почти не было видно, только слабый блеск глаз и пистолета. Он выглядел человеком, прекрасно понимавшим, что шансов у него немного, и принявшим это без особого драматизма. Кира всегда подозревала, что подобное спокойствие существует только в кино. В реальности люди должны цепляться за жизнь, паниковать, просить помощи, пытаться спастись любой ценой. Данила не делал ничего из этого. Он просто ждал.

И именно поэтому Кира не смогла уйти.

– Вставайте, – прошептала она.

– Что?

– Я сказала: вставайте. До склада пятнадцать метров. Если можете шутить, сможете пройти.

– Очень оптимистичный медицинский подход.

– А другого специалиста у вас все равно нет.

Данила медленно покачал головой.

– Вы не понимаете. Им нужна не только флешка.

Кира перевела взгляд на черный предмет возле его ноги.

– Какая флешка?

– Уже неважно.

– По-моему, как раз наоборот.

– Кира, уходите.

Он впервые произнес ее имя без иронии. Тихо, жестко и почти зло. В этом тоне было не раздражение, а страх – не за себя, а за нее. Чужой человек, которого она увидела несколько минут назад, смотрел так, словно прекрасно представлял, что произойдет, если люди из коридора войдут в зал и обнаружат здесь сестру Артёма.

Это подействовало лучше любых объяснений.

Кира быстро убрала телефон в карман, шагнула к стойке с тренировочным инвентарем и на ощупь нашла то, что искала. Деревянная бита стояла в углу рядом с несколькими гимнастическими палками и роликами для растяжки. Она принадлежала клубу скорее как сувенир: Артём когда-то притащил ее после очередного разговора о том, что интерьеру не хватает характера. Кира несколько лет играла в софтбол в университете и иногда использовала биты на тренировках, объясняя подросткам, как работает перенос веса и движение корпуса. Большинство клиентов считали ее декоративной деталью.

Большинство клиентов ошибались.

Кира обхватила рукоять и вернулась к Даниле.

– Вы правда собираетесь драться с вооруженными людьми битой? – спросил он тихо.

– Нет. Я собираюсь помочь вам встать. Бита нужна на случай, если переговоры пойдут плохо.

– Есть основания считать, что они пойдут плохо.

– Тогда не будем тратить время.

Она протянула ему руку. Данила посмотрел на ладонь, затем на ее лицо и, видимо, понял, что спорить бесполезно. Убрал флешку в карман пальто, стиснул зубы и попытался подняться, опираясь на стену. Кира подхватила его под левую руку. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и гораздо слабее, чем пытался показать. На несколько секунд почти весь вес мужчины лег на нее, но Данила быстро выпрямился и сделал вдох, после которого на виске снова выступил пот.

– Если упадете, – прошептала Кира, – я вас не подниму.

– Постараюсь падать красиво.

– У вас нездоровая тяга к шуткам.

– Помогает не орать.

Они успели сделать три шага.

В коридоре мелькнул луч фонаря. Кто-то остановился возле двери большого зала. Данила мгновенно потянул Киру вниз, за стойку с гантелями, и сам опустился рядом. Движение обошлось ему дорого: дыхание сорвалось, ладонь судорожно прижалась к боку. Кира чувствовала запах крови, металла и терпкого мужского одеколona, который казался нелепо неуместным среди спортивных матов и разбитых зеркал.

Из коридора донесся голос:

– В зале посмотри.

Другой мужчина тихо выругался.

– Там темно.

– Поэтому и посмотри.

Луч фонаря появился в дверном проеме и медленно пополз по полу. Осветил перевернутую скамью, рассыпанные блины, кровь у стены. Задержался на несколько секунд. Кира сжала битую обеими руками. Сердце билось так громко, что ей казалось невозможным, будто люди у двери его не слышат.

Данила наклонился ближе к ее уху.

– Когда скажу, идите к складу. Не оборачивайтесь.

– А вы?

– Не начинайте снова.

– Я не уйду одна.

– Посмотрим.

Луч света приблизился. Теперь он скользнул по боксерскому мешку, затем поднялся выше и осветил край металлической стойки, за которой они прятались. Еще несколько секунд – и фонарик упрется прямо в лицо Киры.

Данила медленно поднял пистолет.

Все произошло слишком быстро.

Сначала раздался резкий окрик из коридора. Затем вспышка. Звук выстрела ударил по залу так сильно, что Кира на мгновение перестала слышать вообще что-либо. Пуля врезалась в металлическую стойку чуть выше их голов, вы-

била искру и заставила Данилу дернуться назад. Он выстрелил в ответ почти сразу, не поднимаясь полностью. Кто-то вскрикнул у двери, луч фонарика метнулся по потолку и погас.

– Бегите! – крикнул Данила.

Кира не успела ни подумать, ни возразить. Он толкнул ее в сторону склада, и она бросилась вперед, пригнувшись, прижимая биту к бедру. За спиной снова грохнули выстрелы. Один, второй, третий. В зеркале на стене что-то разлетелось с тонким, почти музыкальным звоном. Осколки посыпались на пол.

До служебной двери оставалось несколько шагов.

Кира схватилась за ручку, рванула на себя и едва не вскрикнула от ярости: дверь не открылась. Либо заело замок, либо кто-то запер ее с другой стороны. Она дернула еще раз. Бесполезно.

– Черт!

Из большого зала донесся тяжелый удар. Потом короткий стон. Кира обернулась.

Данила больше не сидел за стойкой. Он оказался на полу возле стены, пистолет отлетел в сторону. В дверном проеме стоял высокий мужчина в темной куртке, держа оружие обеими руками. За его спиной двигался второй силуэт. Они еще не заметили Киру: внимание было приковано к раненому.

– Живой? – спросил кто-то из коридора.

– Пока да.

– Ратников сказал привезти, если сможет говорить.

Имя ничего не сказало Кире. Она только увидела, как первый мужчина шагнул к Даниле и носком ботинка оттолкнул пистолет еще дальше. Данила попытался подняться, но получил удар в лицо и снова рухнул на пол.

Разумная часть Киры кричала, что нужно спрятаться. Замереть. Не двигаться. Дождаться момента и попытаться найти другой выход. Она не знала этих людей, не понимала, что происходит, и не имела ни малейшего представления, насколько легко человек с пистолетом способен выстрелить в незнакомую женщину, внезапно возникшую у него за спиной.

Но Данила лежал на полу, почти не двигаясь. Еще минуту назад он пытался остаться в зале один, чтобы дать ей возможность уйти.

А Кира никогда не умела спокойно смотреть, как кого-то бьют.

Она сделала два быстрых шага вперед, обеими руками перехватила рукоять и ударила.

Бита попала мужчине не по голове – Кира в последний момент изменила движение, потому что прекрасно понимала: киношные удары по черепу заканчиваются вовсе не красивым обмороком на несколько минут. Дерево врезалось в предплечье, которым он держал оружие. Раздался сухой неприятный хруст. Мужчина закричал и выронил пистолет.

Кира ударила второй раз, уже по колену.

Он рухнул, пытаясь развернуться к ней, и снес плечом металлическую скамью. В коридоре выругались. Второй силуэт метнулся вперед.

Кира отступила, подняв биту. Руки дрожали сильнее, чем ей хотелось бы, но хватка оставалась правильной. Ноги стояли устойчиво. Она успела увидеть лицо нападавшего – обычное, злое, напряженное, совершенно не похожее на лицо киношного злодея. Мужчина был старше сорока, коротко стриженный, с глубокими складками возле рта. Его пистолет уже поднимался.

Данила, лежавший на полу, схватил отброшенное оружие и выстрелил.

Пуля ударила в стену рядом с дверью. Возможно, он промахнулся. Возможно, специально стрелял так, чтобы заставить противника отшатнуться. Этого оказалось достаточно. Кира бросилась к Даниле, схватила его за ворот пальто и попыталась оттащить за стойку. Мужчина помогал как мог, упираясь ногами в пол, однако двигался плохо. Второй нападавший снова показался у двери.

– Оставьте его! – крикнул он. – Девчонку берите живой!

Слова ударили сильнее выстрела.

Они знали о ней.

Не случайная свидетельница. Не человек, оказавшийся не в том месте. Ее собирались взять живой, а значит, пришли сюда, заранее понимая, кого могут встретить.

Кира почувствовала, как внутри поднимается холодная

ярость. Артём написал ей приехать в клуб. Артём исчез. Незнакомые вооруженные люди знали о ее существовании. Где-то между этими фактами находилась правда, которую брат снова не счел нужным объяснить.

– К стене, – выдохнул Данила. – Ложитесь.

– Что?

– Ложитесь!

Он попытался закрыть ее собой, хотя едва держался в сознании. Кира машинально пригнулась, и в тот же момент входная дверь клуба разлетелась от мощного удара. Не распахнулась, а именно разлетелась: стекло с грохотом осыпалось в холле, металлическая рама застонала, ударившись о стену. Из коридора донеслись крики, быстрые тяжелые шаги и короткая команда, произнесенная таким голосом, что даже Кира на секунду замерла.

– Оружие на пол. Немедленно.

Кто-то выстрелил первым.

Ответ оказался оглушительным.

Зал наполнился вспышками, грохотом и звоном разбитого стекла. Кира лежала на полу рядом с Данилой, прижимая к груди битую, которая несколько минут назад казалась достаточным аргументом в споре с миром. Теперь деревяшка выглядела почти смешно. Пули ударили в стены. Кто-то кричал. В коридоре раздался тяжелый топот, затем короткий стон и звук падения.

Данила все еще пытался приподняться, но силы оконча-

тельно оставили его. Пистолет выскользнул из пальцев. Он посмотрел на Киру мутным взглядом и неожиданно усмехнулся, будто даже сейчас происходящее казалось ему чем-то вроде дурной шутки.

– Кажется, – выдохнул он, – познакомиться нормально уже не получится.

– Заткнитесь и не отключайтесь.

– Командный тон вам идет.

– Я серьезно.

– Я тоже.

В дверях большого зала появился мужчина.

Высокий, широкоплечий, в черной куртке поверх темной футболки. Он двигался спокойно и быстро, не суетясь и не оглядываясь без необходимости. В правой руке держал пистолет, направленный вниз, но готовый подняться в любую секунду. На лице не было ни паники, ни растерянности, ни следов той оглушающей суматохи, которая только что прокатилась по клубу. Он взглянул на лежащего у двери нападавшего, затем на Данилу и только после этого заметил Киру.

Его глаза остановились на бите в ее руках.

Кира поднялась на одно колено, не выпуская рукоять. Она не знала, кто перед ней: еще один человек Ратникова, новый неизвестный союзник Данилы или очередная разновидность неприятностей, которые старший брат притащил в ее жизнь вместе с просьбой приехать поговорить.

Мужчина оценил ее положение, оружие на полу и кровь

на рубашке Данилы. Потом посмотрел прямо в глаза.

– Биту опустите, – сказал он.

Голос был низким, ровным и совершенно не терпящим возражений.

Кира стиснула зубы.

– Сначала объясните, кто вы такой.

Несколько секунд мужчина молчал. Где-то в холле продолжали двигаться люди, кто-то отдавал короткие распоряжения, кто-то проверял помещения. Снаружи хлопнула дверь машины. В воздухе стоял резкий запах пороха.

– Тимур, – наконец ответил незнакомец.

– Фамилия?

– Сейчас не имеет значения.

– Удивительно. Сегодня у всех проблемы с подробными резюме.

Тимур перевел взгляд на Данилу. Тот попытался улыбнуться, но вместо этого закашлялся и прижал ладонь к боку. На пальцах снова проступила кровь.

– Его нужно в больницу, – сказала Кира.

– Нужно.

– Тогда вызывайте скорую.

– Уже вызвали другую машину.

– Какую еще другую машину?

Тимур убрал пистолет за пояс и шагнул к ним.

– Ту, на которой мы отсюда уедем.

Кира поднялась, крепче перехватив биту.

– Я никуда с вами не поеду.

Тимур остановился совсем близко. Теперь стало ясно, насколько он крупный: Кира никогда не считала себя хрупкой, но рядом с ним неожиданно почувствовала собственные размеры слишком отчетливо. Мужчина смотрел без угрозы и без раздражения, однако это спокойствие не успокаивало. Наоборот. Оно принадлежало человеку, который привык действовать в опасных обстоятельствах и не видел смысла долго обсуждать очевидные вещи.

– Поедете, – сказал Тимур.

– Это была не просьба?

– Нет.

– Тогда у нас проблема.

– У нас их много.

Кира уже открыла рот, чтобы сообщить, что думает о мужчинах, возникающих среди ночи с оружием и приказным тоном, когда в холле снова раздался выстрел. Тимур мгновенно повернулся на звук, схватил Киру за плечо и рывком увел в сторону, закрывая собой. Пуля ударила в стену, выбив белую крошку штукатурки.

Снаружи кто-то закричал:

– Еще машина во дворе!

Тимур коротко выругался, наклонился к Даниле и одним движением поднял его с пола. Раненый застонал, но не потерял сознание. Второй рукой Тимур перехватил Киру за запястье.

– Дверь через склад, – сказал он.

– Она заперта.

– Уже нет.

Словно подтверждая его слова, в дальней части зала запахнулась служебная дверь. На пороге появился еще один мужчина в темной одежде и быстро махнул рукой.

– Чисто. Машина сзади. У нас минуты две, не больше.

Тимур потянул Киру к выходу.

Она уперлась.

– Отпустите меня.

Он даже не замедлил шага.

– Потом.

– Я сказала: отпустите!

– Слышал.

– Я не поеду неизвестно куда с вооруженными людьми!

– Останетесь здесь – поедете с другими вооруженными людьми. Они вам понравятся меньше.

– А вы, конечно, образец дружелюбия.

– Сегодня не лучший мой день.

Несмотря на происходящее, Кира едва не рассмеялась от возмущения. Похоже, все мужчины, связанные с Артёмом, проходили какой-то специальный отбор по умению вывести ее из себя максимально короткими фразами. Тимур тащил Данилу почти на себе и одновременно удерживал ее так легко, словно Кира была не взрослой женщиной с битой, а особенно беспокойной сумкой, которую необходимо доне-

сти до машины.

В складе пахло резиной, старой краской и пылью. Между стеллажами оставался узкий проход, по которому невозможно было идти быстро вдвоем. Кира попыталась выдержать руку, но пальцы Тимура только сильнее сомкнулись на запястье.

– У меня машина у входа, – сказала она.

– Забудьте о ней.

– Там мои документы.

– Восстановите.

– Телефон.

– Выключите.

– Что?

Тимур резко остановился и посмотрел на нее.

– Телефон выключите прямо сейчас. Лучше достаньте батарею.

– В моем телефоне батарея не снимается.

– Тогда отдайте мне.

– Еще чего.

Он не стал спорить. Просто протянул руку ладонью вверх.

В любой другой ситуации Кира посоветовала бы ему убрать ее куда-нибудь подальше. Но за стеной снова хлопнули выстрелы, и помещение на секунду озарила вспышка автомобильных фар. Данила тяжело дышал, почти повиснув на плече Тимура. Где-то совсем рядом закричал человек.

Кира достала телефон и вложила его в протянутую ла-

доть.

Тимур выключил аппарат, сунул в карман куртки и снова двинулся вперед.

– Вернете, – сказала она.

– Обязательно.

– И расскажете, где мой брат.

На этот раз он ничего не ответил.

Запасной выход вел в узкий двор между зданиями. Там стоял черный внедорожник с открытой задней дверью. За рулем уже находился мужчина, лица которого Кира не успела разглядеть. Еще двое прикрывали проход со стороны улицы. Все происходило быстро, слаженно и настолько профессионально, что окончательно становилось страшно. Эти люди явно не впервые вытаскивали раненого товарища из здания под выстрелами. Для них ночь не была безумием, внезапно ворвавшимся в привычную жизнь. Она была рабочей ситуацией.

Тимур усадил Данилу на заднее сиденье. Тот откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

– Не отключайся, – сказал Тимур.

– Не планировал.

– Врешь.

– Немного.

Кира стояла возле машины, все еще держа битую. В нескольких метрах темнел переулок. Если бежать прямо сейчас, можно было добраться до улицы, остановить первую по-

павшуюся машину, вызвать полицию, спрятаться в кругло-суточном магазине или просто закричать. Любое действие казалось разумнее, чем добровольно сесть в автомобиль к людям, которых она видела впервые в жизни.

Она сделала шаг назад.

Тимур мгновенно оказался перед ней.

– Не надо.

– Я никуда не поеду.

– Кира.

То, что он знал ее имя, подействовало хуже, чем если бы мужчина снова схватил за руку.

– Откуда вы меня знаете?

– Потом.

– Все сегодня любят это слово.

– Потому что сейчас не время разговаривать.

– А когда будет время? После того как вы увезете меня неизвестно куда и запрете в подвале?

– Подвала нет.

– Очень утешает.

Тимур посмотрел поверх ее плеча в сторону переулка. Выражение лица едва заметно изменилось.

– В машину.

Кира обернулась.

На дальнем конце двора появились люди. Сначала один силуэт, затем второй. От света фонаря на мокром асфальте вытянулись длинные тени. Кто-то поднял руку.

Тимур толкнул Киру к открытой двери внедорожника.

Выстрел ударил в кирпичную стену рядом с ними.

Она успела пригнуться сама, но мужчина все равно закрыл ее собой, почти навалившись сверху. Второй выстрел разбил боковое зеркало машины. Один из охранников возле прохода ответил короткой очередью. Кира не понимала, кто куда стреляет. Видела только рваные вспышки в темноте и чувствовала тяжелую ладонь Тимура на затылке.

– В машину! – рывкнул он.

Теперь Кира не спорила. Забралась внутрь, почти упала рядом с Данилой и прижала битую к груди. Тимур захлопнул дверь, обошел внедорожник и сел спереди. Машина рванула с места раньше, чем он успел полностью закрыть свою дверь.

Киру бросило назад. За окном мелькнула кирпичная стена, мусорные контейнеры, темный седан у главного входа и двое людей, выбегающих из переулочка. Кто-то снова выстрелил. Заднее стекло покрылось сетью трещин, но не рассыпалось.

Внедорожник вылетел со двора на улицу, резко повернул и набрал скорость.

Несколько секунд никто не говорил.

Кира сидела, вцепившись пальцами в битую. В ушах все еще звенело после выстрелов. Сердце колотилось слишком быстро, дыхание никак не хотело выравниваться. Рядом Данила прижимал ладонь к ране и смотрел на нее сквозь полуприкрытые веки.

– Вы все-таки не ушли, – тихо произнес он.

– Наблюдательный.

– Зря.

– Это еще предстоит выяснить.

Данила улыбнулся, но глаза снова закрылись.

Кира повернулась к переднему сиденью.

– Куда мы едем?

Тимур не обернулся.

– В безопасное место.

– Где мой брат?

Молчание.

– Я задала вопрос.

– Слышал.

– Тогда ответьте.

Он посмотрел на нее через зеркало заднего вида. В полумраке салона его лицо казалось еще жестче, чем в клубе.

– Артём исчез, – сказал Тимур. – И сейчас это все, что я могу вам сообщить.

– Не можете или не хотите?

– Не имеет значения.

– Для меня имеет.

– Привыкайте к тому, что ближайшие несколько часов не все будет происходить так, как вам хочется.

Кира медленно выпрямилась. Страх все еще сидел внутри холодным тяжелым комком, однако рядом с ним уже поднималось знакомое чувство, гораздо более удобное и привыч-

ное. Ярость.

Она посмотрела на битую в своих руках, затем снова на Тимура.

– Вы, кажется, еще не поняли одну важную вещь.

– Какую?

– Я крайне плохо привыкаю к чужим приказам.

На этот раз в зеркале мелькнуло нечто, почти похожее на усталую усмешку.

– Уже заметил.

Машина неслась по мокрым ночным улицам, оставляя позади бойцовский клуб, разбитые стекла, кровь на полу и ту жизнь, которая еще час назад казалась Кире раздражающе сложной. Она не знала, куда ее везут. Не понимала, кем были вооруженные люди, устроившие охоту в здании, где должен был ждать брат. Не представляла, почему Данила знал ее имя и зачем кому-то понадобилось брать ее живой.

Она знала только одно.

Артём снова втянул ее в свои неприятности.

Но впервые в жизни Кира не была уверена, что успеет вытащить его прежде, чем неприятности доберутся до нее самой.

Глава 2. Человек, который шутит с простреленным боком

Первые несколько минут Кира была уверена, что за ними гонятся. В темноте любое движение казалось подозрительным: свет фар в боковом зеркале, слишком быстро приближающийся на перекрестке автомобиль, белая машина, свернувшая следом за внедорожником на широкую улицу, даже автобус, тяжело выползший из переулка и на несколько секунд закрывший обзор. Она не знала, чего ждать. В ее прежней жизни погоня существовала как понятие исключительно в кино, где герои могли проехать половину города, не встретив ни одного светофора, ни одной медленно ползущей машины и ни одного человека, который внезапно решит перестроиться без поворотника. В реальном городе ночное движение не исчезало полностью даже после десяти вечера. Оно становилось разреженным, сонным, раздражающе обычным. Где-то торопился домой курьер на мопеде, возле круглосуточной аптеки притормозило такси, на остановке трое подростков смеялись над чем-то, уткнувшись в один телефон. Мир продолжал жить так, будто несколько минут назад в бойцовском клубе не стреляли.

Внедорожник шел быстро, но не безумно. Водитель не пытался изображать героя боевика, не выжимал из двигателя

все возможное и не подрезал машины на каждом повороте. Он просто выбирал улицы, на которых было меньше камер и больше съездов, несколько раз резко менял направление, проезжал дворами и снова возвращался на широкие проспекты. Тимур сидел впереди и время от времени коротко называл адрес или поворот. Его голос оставался спокойным, почти бесцветным, словно речь шла о дороге на деловую встречу, а не о попытке оторваться от вооруженных людей.

Кира смотрела то на него, то на раненого мужчину рядом с собой.

Данила держался хуже, чем хотел показать. В клубе он еще пытался стоять на ногах, стрелять и одновременно разговаривать так, словно происходящее доставляет ему не больше неудобств, чем сломанный зонт во время дождя. Теперь адреналин постепенно отступал, и вместе с ним исчезала способность скрывать боль. Мужчина откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза и прижимал к боку сложенную ткань, которую Тимур передал ему сразу после посадки. Ткань быстро темнела. Кира не разбиралась в огнестрельных ранениях, но даже ей было ясно: если человек за несколько минут пропитывает кровью уже вторую салфетку, шутки должны перестать быть главной проблемой.

– Он теряет кровь, – сказала она.

Тимур не обернулся.

– Вижу.

- Тогда почему мы едем не в больницу?
- Потому что в больнице нас будут ждать.
- Это вы так решили?
- Это уже проверили.
- Каким образом?
- Быстро.

Кира стиснула зубы. В другое время подобный ответ вызвал бы у нее желание немедленно продолжить спор и встрясти из собеседника хотя бы несколько нормальных человеческих предложений. Сейчас спорить было трудно. Рядом Данила едва заметно дрожал, хотя в салоне работало отопление.

Она наклонилась к нему ближе.

– Эй.

Мужчина открыл глаза не сразу.

– Очень рад, что вы наконец решили перейти на более теплый тон, – тихо произнес он. – Еще немного, и я начал бы думать, что первое впечатление испорчено окончательно.

– Вы можете не разговаривать?

– Могу.

– Тогда попробуйте.

– Но зачем?

– Чтобы не тратить силы.

– Боюсь, если перестану разговаривать, Тимур решит, что я умер, и начнет мстить раньше времени. В городе станет слишком шумно.

– Данила, – сказал Тимур с переднего сиденья.

– Видите? Уже нервничает.

Голос раненого оставался насмешливым, однако в середине фразы дыхание сорвалось. Данила замолчал, прикрыл глаза и сильнее прижал ткань к боку. Кира посмотрела на его пальцы, на побелевшие костяшки и тонкую полосу крови, стекающую к запястью.

– Где аптечка? – спросила она.

– Под сиденьем, – ответил Тимур.

Кира нагнулась, нашарила пластиковый чемоданчик и вытащила его наружу. Внутри лежало заметно больше вещей, чем в обычной автомобильной аптечке: бинты, перчатки, антисептик, упаковки с непонятными названиями, ножницы, пластыри, несколько шприцев, компактный жгут и серебристый пакет, напоминающий термоодеяло. Она замерла на секунду, рассматривая содержимое.

– У вас всегда с собой полевая операционная?

– Не всегда, – сказал Тимур.

– Только когда планируете похищать женщин из бойцовских клубов?

– Вас никто не похищал.

– Именно так обычно и начинают люди, которые меня похитили.

Данила тихо рассмеялся, но сразу поморщился.

– Не смешите его, – резко сказала Кира.

– Это вы его смешите.

– Замечательно. Значит, мы все нашли свое призвание.

Она надела перчатки, хотя не была уверена, что делает все правильно. Пытаться самостоятельно вытащить пулю или накладывать сложную повязку Кира не собиралась. Она прекрасно понимала пределы собственных знаний. Однако ткань в руках Данилы уже не справлялась, а сидеть рядом и наблюдать, как человек истекает кровью, оказалось невозможно.

– Поднимите руку, – сказала она.

– Как строго.

– Данила.

– Уже поднимаю.

Он попытался выполнить просьбу, но движение вышло неловким. Кира помогла, осторожно отодвинула край пальто и посмотрела на рубашку. Ткань сбоку пропиталась кровью почти до пояса. Входное отверстие находилось чуть выше ребер. Выходного Кира не видела и не знала, хорошо это или плохо.

– Его задело в клубе? – спросила она, не отрывая взгляда от раны.

– Раньше, – ответил Тимур. – До вашего приезда.

– И он после этого остался там?

– Да.

– Зачем?

Тимур на секунду замолчал.

– Ждал Артёма.

Кира подняла голову.

– Они должны были встретиться?

– Да.

– Для чего?

– Не сейчас.

Она уже собиралась сказать, что слышит эту фразу слишком часто, когда внедорожник резко ушел вправо. Киру отбросило к сиденью. Данила застонал сквозь стиснутые зубы, но не позволил себе ничего больше.

– Извини, – сказал водитель.

– Ничего, – выдохнул Данила. – Всегда мечтал проверить, насколько крепко внутренние органы держатся на положенных местах.

– Машина сзади? – спросил Тимур.

– Пока не уверен. Серый седан три поворота за нами.

Кира мгновенно посмотрела в заднее стекло. Оно осталось покрытым трещинами после выстрела, поэтому картинка распадалась на мелкие неровные фрагменты. Среди света фар действительно можно было различить машину, державшуюся на расстоянии. Она ехала не слишком близко и не пыталась обогнать внедорожник. Просто повторяла маршрут.

– Это они? – спросила Кира.

– Возможно, – ответил Тимур.

– Очень содержательно.

– Точного ответа пока нет.

– А план есть?

– Есть.

– Какой?

– Уйти от наблюдения.

– Вы поразительно щедры на детали.

– Я стараюсь.

Данила снова приоткрыл глаза.

– Не обижайтесь на него. Тимур считает длинные предложения проявлением слабости.

– Я уже заметила.

– Если однажды услышите от него сложноподчиненную конструкцию, бегите. Значит, ситуация действительно критическая.

Тимур ничего не ответил. В зеркале заднего вида мелькнул его взгляд, тяжелый и усталый. Кажется, он давно привык к манере Данилы разговаривать даже тогда, когда разумнее было бы молчать, но сейчас терпение давалось ему нелегко.

Кира снова занялась раной. С помощью новых салфеток и бинта она попыталась усилить давление, не причиняя мужчине лишней боли. Данила наблюдал за ее действиями внимательно, однако не вмешивался.

– Вы врач? – спросил он.

– Нет.

– Медсестра?

– Нет.

– Тогда должен предупредить, что моя страховка не по-

крывает медицинские эксперименты в движущемся автомобиле.

– Ваша страховка, судя по всему, не покрывает даже здравый смысл.

– Это отдельный пакет услуг.

– Замолчите.

– Вам очень нравится отдавать приказы.

Кира затянула бинт чуть сильнее, чем собиралась. Данила резко вдохнул и посмотрел на нее с упреком.

– Случайность, – сказала она.

– Безусловно.

Внедорожник снова свернул, затем еще раз. Серый седан оставался позади. Он то исчезал за другими машинами, то снова появлялся в зеркале. Кира пыталась понять, действительно ли их преследуют или после стрельбы в клубе ей уже начинает мерещиться опасность в каждом случайном автомобиле.

– Нам нужно менять машину, – сказал водитель.

– Где? – спросил Тимур.

– До точки семь минут. Если они сядут плотнее, не доедем.

Тимур достал телефон и набрал короткое сообщение. Затем посмотрел на Данилу через плечо.

– Сколько продержишься?

– До пенсии.

– Нормально ответь.

– Минут двадцать точно. Может, больше. Смотря сколько еще поворотов решит пройти Саша на ручнике.

– Не ворчи, – сказал водитель. – Я стараюсь не дать тебе умереть красиво.

– Умереть некрасиво еще обиднее.

Кира вытерла кровь с пальцев и посмотрела на Данилу. В его лице появилось что-то тревожно прозрачное. Ирония оставалась, но больше не скрывала состояние полностью. Кожа побледнела, губы приобрели сероватый оттенок, возле висков выступил холодный пот.

– Вам нельзя ждать двадцать минут, – сказала она.

– Согласен. Лучше сразу перейти к бессмертию.

– Я серьезно.

– Я тоже. Очень перспективное направление.

– Тимур, он отключится.

– Не отключится, – сказал тот.

– Потому что вы приказали?

– Потому что знает последствия.

Данила с трудом поднял руку.

– Можно уточнить, что именно он имеет в виду? Если я отключусь, меня будут реанимировать или читать лекцию о дисциплине?

– И то и другое, – ответил Тимур.

Кира невольно почувствовала странное, почти неуместное облегчение. Между мужчинами существовало что-то, чего она пока не понимала. Не служебная вежливость, не

случайное партнерство и не холодная привычка людей, выполняющих одну работу. Тимур беспокоился. Просто его тревога не проявлялась в суете или лишних словах. Она становилась еще большей собранностью, еще более короткими командами и тем тяжелым спокойствием, с которым он контролировал дорогу, телефоны и каждый вдох сидевшего рядом друга.

Кира знала подобный способ заботы. Сама часто вела себя почти так же, когда Артём попадал в очередные неприятности. Сначала решала проблему, потом задавала вопросы, потом ругалась. Если оставались силы.

Мысль о брате мгновенно вернула ярость.

– Что произошло в клубе до моего приезда? – спросила она.

Тимур не ответил.

– Вы сказали, Данила ждал Артёма. Значит, знаете, зачем они встречались. Вы знаете, кто стрелял. Знаете человека по фамилии Ратников. Знаете мое имя. А я должна просто сидеть в машине и молча ехать неизвестно куда?

– Да, – сказал Тимур.

Кира даже не сразу нашлась с ответом.

– Вы всегда настолько невыносимы?

– Когда необходимо.

– А сейчас, разумеется, необходимо?

– Сейчас за нами может идти машина людей, которые несколько минут назад пытались забрать вас живой. Поэто-

му да.

- Тем более я должна знать, что происходит.
- Узнаете.
- Когда?
- Когда будем в безопасности.
- А если я не хочу ехать с вами?
- Уже обсуждали.
- Нет. Вы просто схватили меня и затолкали в машину.
- Потому что в вас стреляли.
- Благородно.
- Практично.
- Это не дает вам права решать за меня.

Тимур повернулся настолько, насколько позволял ремень безопасности, и посмотрел прямо на нее. В полумраке салона его лицо оставалось жестким, словно высеченным из темного камня. Ни раздражения, ни желания спорить. Только предельная сосредоточенность человека, который не собирался тратить время на объяснение очевидного.

– Сейчас право решать за вас имеет тот, кто пытается сохранить вам жизнь, – сказал он. – Позже можете ненавидеть меня сколько угодно.

Кира почувствовала, как внутри поднимается знакомая горячая волна.

- Ошибаетесь.
- В чем?
- Ненавидеть вас я вполне могу уже сейчас.

Данила снова рассмеялся. На этот раз слишком резко. Смех перешел в кашель, и он согнулся, прижимая ладонь к боку. Кира мгновенно повернулась к нему.

– Не двигайтесь.

– У вас удивительный талант создавать вокруг себя спокойную атмосферу.

– А у вас удивительный талант нарываться даже с простреленным боком.

– Надо пользоваться сильными сторонами.

Она придержала его за плечо. Под пальцами ощущалось напряжение мышц, затем оно неожиданно ослабло. Данила на несколько секунд закрыл глаза и перестал отвечать.

– Эй, – сказала Кира. – Данила.

Он не отреагировал.

– Тимур.

Тот обернулся сразу.

– Данила.

– Он потерял сознание.

– Данька, открой глаза.

Никакой реакции.

Тимур коротко выругался, достал телефон и быстро набрал номер.

– Мы будем через пять минут, – сказал он, едва дождался ответа. – Он отключился. Огнестрельное в бок, кровопотеря серьезная. Подготовь все. Нет, в больницу не повезем. У нас хвост.

Он завершил звонок и посмотрел на водителя.

– Саша.

– Понял.

Машина резко ускорилась. Серый седан тоже прибавил скорость. Теперь сомнений почти не осталось: расстояние между автомобилями начало сокращаться.

Кира придерживала Данилу, стараясь не позволить ему завалиться на бок. Его голова тяжело опустилась ей на плечо. От мужчины пахло кровью, холодным воздухом и чем-то терпким, едва заметным. Куртка Киры быстро намокала в месте, где его тело прижималось к ней, но она не обращала внимания.

– Что мне делать? – спросила она.

– Говорите с ним, – ответил Тимур.

– Он без сознания.

– Все равно говорите.

Кира посмотрела на бледное лицо Данилы.

– О чем?

– О чем угодно.

Она нервно выдохнула.

– Великолепно. Просто великолепно. Хорошо. Данила, если вы собираетесь умереть в машине, предупреждаю заранее: я буду крайне недовольна. Во-первых, я так и не узнала, где мой брат. Во-вторых, мне придется объяснять, почему на моей куртке столько крови. В-третьих, вы раздражаете меня слишком сильно, чтобы вот так просто потерять сознание и

оставить последнее слово за собой.

Данила не шелохнулся.

– Продолжайте, – сказал Тимур.

– Я не умею разговаривать с людьми, которые меня не слушают.

– Судя по всему, умеете.

Она бросила на него злой взгляд.

– И вы тоже начинаете шутить?

– Нет.

– Тогда это еще хуже.

Кира снова посмотрела на Данилу.

– Вы слышите? Даже ваш мрачный друг решил поддерживать беседу. Ситуация действительно критическая. Откройте глаза хотя бы из любопытства.

На этот раз ресницы мужчины дрогнули. Он едва заметно нахмурился, словно голос мешал ему провалиться в темноту.

– Данила, – тверже сказала Кира. – Эй. Я не разрешала вам отключаться.

– Слишком... командный тон, – почти беззвучно произнес он.

Кира почувствовала облегчение настолько резкое, что на секунду стало трудно дышать.

– Вот и отлично. Можете язвить дальше.

– Знал... что вы оцените.

– Не преувеличивайте свои достижения.

– Стараюсь.

Тимур медленно выдохнул и снова повернулся к дороге. Если бы Кира не смотрела в тот момент именно на него, то не заметила бы, как сильно мужчина сжимал телефон в руке.

Серый седан приблизился. Его фары отражались в треснувшем заднем стекле и заполняли салон неровным белым светом. Саша резко перестроился в левый ряд, обогнал медленно идущий грузовик и тут же вернулся обратно. Седан повторил маневр.

– Плотно сели, – сказал водитель.

– Еще сколько? – спросил Тимур.

– Три минуты.

– Уйдем дворами?

– Не на этой машине.

– Тогда веди к точке.

Кира оглянулась. Серый автомобиль держался всего в нескольких десятках метров. Через треснувшее стекло невозможно было разглядеть людей внутри.

– У вас оружие есть? – спросила она.

Тимур бросил короткий взгляд через плечо.

– Есть.

– А у меня?

– Бита.

– Очень смешно.

– Это не шутка.

– Если нас догонят, я не смогу отбиваться от пистолетов деревяшкой.

– Отбиваться не придется.

– Потому что вы снова все решите?

– Потому что мы не дадим им догнать машину.

– А если дадите?

Тимур немного помолчал.

– Тогда делайте то, что скажу.

Кира посмотрела на битую, лежавшую у ее ног. На рукояти оставалась кровь человека, которого она ударила в клубе. До сих пор мозг избегал думать об этом прямо. Она видела, как мужчина рухнул, слышала хруст, ощущала отдачу в руках. Не знала, сломала ему кость или только сильно ушибла. Не знала, что случилось с ним после того, как люди Тимура ворвались внутрь. В фильмах удар выглядел просто: короткое движение, враг падает, герой бежит дальше. В жизни дерево встретилось с живой плотью неприятно, тяжело, почти вязко. Кира до сих пор чувствовала это ладонями.

Она не считала себя человеком, способным на насилие. Да, в университете занималась софтболом. Да, несколько лет тренировалась в клубе, иногда выходила на спарринги и вполне могла поставить на место слишком самоуверенного новичка, перепутавшего спортивный зал с площадкой для демонстрации мужского превосходства. Но ударить человека по-настоящему – не в перчатках, не на мате, не в пределах правил – оказалось совсем другим действием. Между тренировкой и дракой пролежала бездна, которую невозможно было заметить заранее.

И все же, если бы пришлось повторить, она бы повторила. Потому что Данила лежал на полу, не способный защитить себя.

Потому что вооруженные люди пришли за ней.

Потому что брат исчез.

Мысль оказалась пугающе ясной. Кира не хотела насилия, но еще меньше хотела стоять в стороне и ждать, пока другие решат, что с ней делать.

Впереди появился темный проезд между двумя складскими зданиями. Саша резко свернул туда, едва сбросив скорость. Серый седан пролетел перекресток по инерции, затормозил и начал разворачиваться. Внедорожник мчался по узкой дороге, подпрыгивая на выбоинах. Справа тянулся высокий бетонный забор, слева темнели глухие стены старых промышленных корпусов.

– Они вернутся через минуту, – сказал водитель.

– Успеем, – ответил Тимур.

– Хотелось бы.

В конце проезда стояли две машины: белый микроавтобус без опознавательных знаков и темный кроссовер. Возле них ждали трое людей. Один сразу открыл боковую дверь микроавтобуса, второй подбежал к внедорожнику, едва тот остановился.

– Быстро, – приказал Тимур.

Все начали двигаться одновременно. Передняя дверь распахнулась, Тимур вышел наружу, обошел машину и открыл

заднюю. Кира не успела спросить, что делать, потому что мужчина уже наклонился к Даниле.

– Помоги придержать плечи.

Она подчинилась. Вдвоем они осторожно вытащили раненого из автомобиля. Данила пришел в себя от движения, поморщился и попытался выпрямиться.

– Я сам.

– Молчи, – сказал Тимур.

– Обстановка располагает к диалогу.

– Еще слово – понесу на плече.

– Это прозвучало почти романтично.

Несмотря на тревогу, Кира чуть не рассмеялась. Человек действительно обладал каким-то патологическим талантом говорить глупости в моменты, когда любой нормальный собеседник давно замолчал бы.

– Кроссовер ваш, – сказал Саша. – Мы уводим седан дальше.

– Справитесь? – спросил Тимур.

– Конечно.

Водитель пересел в микроавтобус вместе с одним из мужчин. Двигатель взревел, машина сорвалась с места и поехала дальше по проезду. Внедорожник остался стоять посреди дороги с распахнутыми дверями. Через несколько секунд вдали появились фары серого седана.

– В машину, – сказал Тимур.

Кира помогла усадить Данилу на заднее сиденье кроссо-

вера и собиралась сесть рядом, но Тимур остановил ее.

– Вперед.

– Я останусь с ним.

– Вперед, Кира.

– Он может снова отключиться.

– С ним будет врач.

Из темноты вышла женщина лет сорока в длинной темной куртке, с медицинской сумкой в руке. Ее волосы были собраны в тугий хвост, лицо выглядело усталым и недовольным.

– Даня, ты когда-нибудь научишься проводить встречи без огнестрельных ранений? – спросила она, забираясь на заднее сиденье.

– Это был несчастный случай, Вера.

– Разумеется. Ты случайно встретил пулю боком.

– Она первая начала.

– Замолчи.

– Сегодня все женщины удивительно единодушны.

Вера бросила на Киру быстрый оценивающий взгляд, затем сразу занялась раненым. Тимур снова указал на переднее сиденье.

– В машину.

Кира осталась стоять.

– Я не поеду дальше.

Он медленно повернулся к ней.

– Что?

– Вы увезли меня из клуба, потому что там стреляли. Хо-

рошо. Возможно, это действительно спасло мне жизнь. Но сейчас мы сменили машину, за нами уехали другие люди, у Данилы есть врач. На этом все. Верните телефон. Я вызову полицию и поеду искать брата.

На несколько секунд во дворе стало почти тихо. Где-то вдали приближался серый седан. Микроавтобус уже исчез за поворотом. Тимур смотрел на Киру так, словно пытался понять, действительно ли она собирается спорить именно сейчас.

– Вы не можете остаться здесь, – сказал он.

– Я и не собираюсь. Вызову такси.

– Ваш телефон отслеживается.

– Тогда дайте другой.

– Вам нельзя звонить.

– Не вам решать.

– Пока мне.

– Вы постоянно это повторяете. Но похищение не становится законным только потому, что похититель уверен в своей правоте.

Тимур шагнул ближе.

– Люди, которые пришли в клуб, знали, что вы туда приедете.

– Я слышала.

– Они приказали взять вас живой.

– Тоже слышала.

– Ваш брат исчез. Данила ранен. За нами до сих пор идут.

А вы хотите вызвать такси и поехать искать Артёма самостоятельно?

– Да.

– Куда?

Вопрос остановил ее всего на секунду.

– Разберусь.

– Как?

– Это не ваше дело.

– Теперь мое.

– Нет.

– Кира, – голос Тимура оставался спокойным, но в нем появилось что-то новое, тяжелое и почти угрожающее, – вы не понимаете масштаба ситуации.

– Потому что никто не желает ничего объяснять.

– Объясним, когда окажемся в месте, где нас не будут слушать посторонние.

– А до тех пор я должна довериться вооруженным незнакомцам?

– Не доверяйтесь. Просто садитесь в машину.

– Очень убедительно.

– Мне не нужно вас убеждать.

Кира почувствовала, как пальцы сильнее сжимают рукоять биты. Она до сих пор держала ее в правой руке, забыв положить после выхода из внедорожника. Тимур перевел взгляд на дерево, затем снова посмотрел ей в лицо.

– Не надо, – сказал он.

- Что именно?
- Даже не думайте.
- Самоуверенно.
- Вы не ударите меня.
- Почему?
- Потому что знаете: я не враг.

Кира коротко рассмеялась.

– Вы вытащили меня из клуба, отобрали телефон, не отвечаете ни на один вопрос и теперь собираетесь увезти неизвестно куда. У меня пока недостаточно оснований считать вас другом.

- Но достаточно оснований сесть в машину.

Серый седан появился в конце проезда. Его фары метнулись по стене склада.

Тимур изменился мгновенно. Спокойствие осталось, но теперь стало жестче. Он одной рукой открыл переднюю дверь кроссовера, другой перехватил Киру за локоть.

- Садитесь.

Она попыталась вырваться.

- Отпустите.
- Нет времени.
- Уберите руку.
- Потом будете возмущаться.
- Я уже возмущаюсь.
- Заметил.

Он не тянул ее грубо, не причинял боли и не пытался про-

демонстрировать силу. Просто двигался так уверенно, что сопротивляться оказалось почти невозможно. Кира успела упереться ладонью в дверь машины.

– Я не поеду, пока вы не скажете, где мой брат.

Тимур посмотрел ей в глаза.

– Я не знаю.

Ответ прозвучал впервые без попытки уйти от разговора.

– Но вы знаете больше, чем говорите.

– Да.

– Он жив?

– Надеюсь.

– Это не ответ.

– Другого нет.

Серый седан приближался. Позади скрипнули тормоза. Кто-то из людей Тимура открыл огонь, коротко, без предупредительных криков. Пули ударили в бетонную стену, в темноте посыпались искры.

Тимур буквально поднял Киру за талию и посадил на переднее сиденье.

– Вы с ума сошли?! – выкрикнула она.

– Возможно.

Он захлопнул дверь, обошел машину и сел за руль. Кроссовер рванул с места. Киру бросило к спинке. Бита больно ударила по колену, но она удержала ее в руках.

– Пристегнитесь, – сказал Тимур.

– Сначала верните телефон.

- Пристегнитесь.
- Вы невыносимы.
- Кира.

В его голосе было столько спокойной силы, что она все-таки потянулась к ремню. Машина резко повернула, выскочила из проезда через другой выезд и набрала скорость. Сзади раздались новые выстрелы. Кира оглянулась, но увидеть что-либо через темное стекло было трудно.

На заднем сиденье Вера работала быстро и сосредоточенно. Она разрезала рубашку Данилы, проверяла рану, что-то коротко спрашивала. Данила отвечал с паузами, однако сознание больше не терял.

– Пуля навывлет не прошла, – сказала Вера. – Давление низкое. Нужна нормальная операционная.

– Доедем, – ответил Тимур.

– Надеюсь, у вас наконец появилось место, которое не придется покидать через десять минут после прибытия.

– Появилось.

– Обнадеживает.

Кира повернулась к Тимуру.

– Куда мы едем?

– В дом.

– Какой дом?

– Безопасный.

– И долго я там пробуду?

Тимур посмотрел на дорогу.

– Пока не разберемся.

– С чем?

– Со всем.

Она медленно выдохнула, пытаясь не сорваться на крик.

– Это называется удержанием против воли.

– Называйте как хотите.

– Вы понимаете, что я могу обратиться в полицию?

– Когда будет безопасно – обращайтесь.

– Вы не имеете права меня запирать.

– Возможно.

– И вас это не беспокоит?

– Сейчас меня беспокоят люди с оружием, которые знают ваше имя и маршрут. Юридические формулировки обсудим позже.

Кира стиснула зубы и отвернулась к окну. За стеклом мелькали незнакомые улицы. Машина снова меняла направление, уводя их все дальше от центра. Город постепенно становился темнее: меньше вывесок, меньше прохожих, больше складов, пустых парковок и закрытых автосервисов.

На заднем сиденье Данила шевельнулся.

– Не сердитесь на него, – произнес он слабым голосом.

– Я сама решу, на кого сердиться.

– Конечно. Но Тимур иногда забывает, что человеческий язык допускает слова длиннее одного слога.

– Я заметила.

– В действительности он очень добрый.

Тимур бросил взгляд в зеркало.

– Данила.

– И чуткий.

– Замолчи.

– Особенно когда угрожает похищенным женщинам.

– Я не угрожал.

– Ты посадил ее в машину руками.

– Потому что она собиралась остаться под пулями.

– У нее был план.

– Такси.

Данила приоткрыл глаза и посмотрел на Киру с искренним интересом.

– Вы хотели вызвать такси?

– Я хотела уехать.

– В разгар преследования?

– Это было до того, как преследование снова началось.

– Потрясающе.

– Что именно?

– Вы либо самая смелая женщина из всех, кого я встречал, либо совершенно не умеете оценивать риски.

– Одно другому не мешает.

– Справедливо.

Вера прижала новую салфетку к ране и нахмурилась.

– Даня, еще одна шутка – и я сама введу тебе столько обезболивающего, что ты проспишь до лета.

– Заманчиво.

– Я серьезно.

– Все сегодня серьезные.

– Потому что ты подстрелен.

– Не вижу причин делать из этого культ.

Кира повернулась к нему полностью.

– Вы можете хотя бы ненадолго перестать изображать человека, которому все нипочем?

Данила посмотрел на нее внимательнее. Ирония на секунду исчезла.

– Могу, – тихо ответил он. – Но тогда станет страшнее.

Кира не нашлась с ответом.

За шутками действительно скрывался страх. Не театральный и не преувеличенный. Простой, человеческий. Данила прекрасно понимал, что теряет кровь в машине, которая несется неизвестно куда, потому что обычная больница слишком опасна. Понимал, что Артём исчез. Понимал, что люди Ратникова нашли клуб и теперь охотятся за женщиной, случайно оказавшейся рядом. И все равно продолжал шутить не потому, что считал себя бессмертным, а потому, что иначе пришлось бы честно признать: ситуация хуже, чем он готов произнести вслух.

Кира медленно отвернулась.

Она слишком хорошо знала этот механизм. Сама пользовалась им чаще, чем хотела бы признавать.

Когда умерли родители, Артём несколько месяцев говорил исключительно глупостями. Шутил в очередях, шутил в

морге, шутил во время оформления документов. На поминках рассказывал соседям какую-то историю о том, как отец однажды перепутал гаражи и полчаса пытался открыть чужую дверь. Кира тогда ненавидела брата почти физически. Ей казалось, что он предаёт память родителей своей легкостью, отказывается переживать боль вместе с ней, прячется от реальности. Только потом она поняла: Артём шутил не потому, что ему было легко. Наоборот. Потому что иначе не смог бы произнести ни слова.

– Ладно, – сказала она. – Шутите.

Данила приподнял бровь.

– Разрешаете?

– Временно.

– Большая честь.

– Но если умрете, я вас возненавижу.

– Это звучит почти как начало хороших отношений.

– Даже не мечтайте.

Тимур покачал головой, но ничего не сказал.

Дорога заняла еще около двадцати минут. За это время город окончательно остался позади. Фонари встречались все реже, по обе стороны дороги тянулись темные поля и редкие коттеджные поселки за высокими заборами. Снег усилился, крупные мокрые хлопья летели навстречу фарам и исчезали под колесами.

Кира пыталась запомнить маршрут, но быстро поняла, что Тимур сознательно усложняет задачу. Машина несколь-

ко раз сворачивала на второстепенные дороги, петляла между поселками, возвращалась почти в прежнем направлении и снова уходила в сторону. Возможно, мужчина проверял, нет ли хвоста. Возможно, не хотел, чтобы Кира понимала, куда ее везут. Оба варианта раздражали одинаково.

Наконец впереди появились высокие металлические ворота. Тимур сбросил скорость, набрал код на телефоне и подождал. Ворота бесшумно разъехались в стороны. За ними тянулась дорожка, освещенная низкими фонарями. В глубине участка стоял большой двухэтажный дом: темный кирпич, широкие окна, закрытая веранда и отдельный гараж сбоку. Никакой романтической загородной идиллии. Дом выглядел не уютным, а надежным. Высокий забор, камеры по углам, тяжелые ворота, ровно подстриженные кусты, за которыми невозможно спрятаться. Даже снег на дорожках был убран так тщательно, будто люди здесь готовились не встречать гостей, а отражать осаду.

Кира посмотрела на дом и почувствовала, как раздражение окончательно смешивается с тревогой.

– Это и есть ваше безопасное место?

– Да, – ответил Тимур.

– Очень похоже на тюрьму повышенной комфортности.

– Окна открываются.

– Какая роскошь.

Машина остановилась возле бокового входа. Дверь дома распахнулась еще до того, как Тимур выключил двигатель.

На крыльцо вышли двое мужчин, за ними женщина в медицинской форме. Вера сразу начала отдавать распоряжения. Данилу осторожно переложили на носилки.

Кира открыла дверь и выбралась наружу. Холодный воздух мгновенно ударил в лицо, заставил глубоко вдохнуть и немного прийти в себя. Она все еще держала битую. Пальцы затекли, ладони болели, но выпускать рукоять не хотелось.

Данилу уже несли внутрь, когда он повернул голову.

– Кира.

Она подошла ближе.

– Что?

– Не пытайтесь сбежать через ворота.

– Почему?

– Тимур расстроится.

– Переживет.

– Не уверен. Он очень чувствительный.

– Данила, – мрачно сказал Тимур.

Раненый слабо улыбнулся и закрыл глаза.

Носилки исчезли за дверью. Кира осталась на крыльце вместе с Тимуром. Некоторое время они молчали. Снег оседал на плечах его куртки, таял на темных волосах. Мужчина выглядел уставшим, но напряжение не отпускало его ни на секунду. Он наблюдал за воротами, двором, окнами дома, словно продолжал ждать нападения даже здесь.

– Телефон, – сказала Кира.

– Нет.

– Вы обещали вернуть.

– Верну позже.

– Когда именно?

– Когда Данила будет в безопасности и я пойму, что за нами никто не пришел.

– Я хочу позвонить в полицию.

– Знаю.

– И брату.

– Его телефон выключен.

– Я все равно попробую.

– Позже.

Кира почувствовала, что еще немного – и терпение действительно закончится.

– Послушайте меня внимательно. Я благодарна, что вы вытащили нас из клуба. Правда. Возможно, без вас мы бы не выбрались. Но это не означает, что теперь вы можете удерживать меня здесь против воли. Мне нужно найти Артёма. Если вы не собираетесь помогать, я уйду сама.

– Не уйдете.

– Попробуйте остановить.

Тимур посмотрел на битую в ее руках. Потом перевел взгляд на лицо Киры.

– Вы хотите ударить меня?

– Пока нет.

– Успокаивает.

– Но если снова попытаетесь поднять меня и посадить ку-

да-нибудь без разрешения, желание может появиться.

– Учту.

– Значит, вы отдадите телефон и откроете ворота?

– Нет.

– Тогда вы ничего не поняли.

– Я понял достаточно.

Он шагнул ближе, но на этот раз не пытался схватить ее. Просто остановился на расстоянии вытянутой руки.

– В клубе вы ударили человека битой, потому что он целился в Данилу. Потом пытались тащить раненого к выходу, хотя сами находились под огнем. Затем собирались вызвать такси в промышленном районе, когда за нами шла машина преследователей. Сейчас хотите выйти за ворота и искать брата, не имея ни адреса, ни информации, ни поддержки. Правильно?

Кира подняла подбородок.

– Я не собираюсь сидеть и ждать.

– Именно это я и сказал.

– Нет. Вы пытаетесь выставить меня безрассудной.

– Вы безрассудная.

– А вы самодовольный.

– Возможно.

– И невыносимый.

– Уже слышал.

– И считаете, что можете управлять чужими жизнями только потому, что у вас есть пистолет и охрана.

В лице Тимура ничего не изменилось, но голос стал тише.

– Нет. Я считаю, что обязан остановить человека, который в панике пытается войти в горящий дом.

– Я не в панике.

– Это хуже.

Кира молчала.

– Вы прекрасно понимаете, что опасность реальна, – продолжил Тимур. – Видели кровь. Видели людей с оружием. Слышали, что вас приказали взять живой. Но все равно готовы идти наружу, потому что там Артём. Не потому, что у вас есть план. Потому что привыкли его спасать.

Слова задели слишком точно.

Кира сжала биту сильнее.

– Вы ничего обо мне не знаете.

– Знаю достаточно.

– Откуда?

– От Артёма.

– Вы были знакомы?

– Мы разговаривали.

– Когда?

– Несколько раз.

– О чем?

Тимур посмотрел в сторону дома.

– Это расскажет другой человек.

– Какой еще другой человек?

Словно отвечая на вопрос, боковая дверь снова откры-

лась. На крыльцо вышел мужчина, которого Кира раньше не видела. Он был одет слишком аккуратно для глубокой ночи и загородного дома: темные брюки, светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами, жилет, который подчеркивал строгую собранность фигуры. Никакого оружия напоказ, никакой суеты, никакого видимого удивления. Темные волосы, внимательный холодный взгляд и лицо человека, давно привыкшего встречать плохие новости без лишних эмоций.

Он остановился в дверях, посмотрел сначала на Тимура, затем на Киру и задержал взгляд на бите в ее руках.

– Данила? – спросил он.

– В операционной, – ответил Тимур. – Вера занимается.

– Нас вели?

– Хвост увели на резервную машину. Саша проверяет.

Незнакомец кивнул и снова посмотрел на Киру.

– Кира Воронцова.

Это тоже прозвучало не вопросом.

– Все сегодня знают мое имя, – сказала она. – Удивительно приятно чувствовать себя знаменитой.

– Марк Северцев.

– Мне должно быть легче от того, что вы представились?

– Было бы удобно.

– Для кого?

– Для всех.

Кира коротко рассмеялась.

– Тогда начнем с самого удобного. Где мой брат?

Марк не ответил сразу. Он оглядел ее внимательно, без откровенного любопытства и без мужского оценивающего взгляда, который Кира привыкла замечать слишком быстро. Северцев изучал факты: мокрые волосы, следы крови на куртке, сжатые пальцы на бите, напряжение плеч, готовность спорить даже после ночной стрельбы. Будто пытался составить предварительное заключение и уже понимал, что оно ему не понравится.

– Мы не знаем, где Артём, – сказал он наконец.

– Тогда расскажите, что знаете.

– Расскажу.

– Сейчас.

– Когда вы войдете в дом.

– Я не собираюсь оставаться.

– Собираетесь.

Кира медленно перевела взгляд с Марка на Тимура и обратно.

– У вас это какая-то общая болезнь?

– Какая именно? – спросил Марк.

– Уверенность, что чужое согласие не имеет значения.

– Сейчас действительно не имеет.

– Великолепно. Значит, я все-таки пленница.

– Вы человек, за которым охотятся вооруженные люди.

– И поэтому должны добровольно довериться другим вооруженным людям?

Марк посмотрел на Тимура.

– Она всегда такая?

– Видимо.

– Я стою рядом, – холодно сказала Кира.

– Вижу.

– Тогда можете разговаривать со мной.

– Хорошо. Кира, вы останетесь в доме до тех пор, пока мы не поймем, где находится Артём, кто именно пришел за вами в клуб и насколько глубоко успела распространиться утечка. Внутри есть комната, душ, одежда, еда и возможность поспать. Утром мы поговорим подробно.

– Я не буду ждать до утра.

– Будете.

– Не испытывайте мое терпение.

– Ваше терпение сейчас не относится к числу приоритетных вопросов.

Она шагнула вперед.

– А что относится?

Марк тоже подошел ближе. Теперь между ними осталось совсем небольшое расстояние. Его спокойствие отличалось от тимуровского. Тимур напоминал стену, которую невозможно сдвинуть, потому что она не видит причин участвовать в споре. Марк был другим. Он видел каждое возражение, заранее оценивал его и сознательно отбрасывал, если считал несущественным. Подобный человек не просто привык командовать. Он привык быть уверенным, что командует правильно.

– Жизнь Данилы, – сказал Марк. – Безопасность дома. Поиск вашего брата. Информация, которую он пытался передать нам до исчезновения. И причина, по которой люди Ратникова знали, что сегодня вы приедете в клуб.

Кира замерла.

– Какая информация?

– Внутри.

– Нет. Сначала ответ.

Марк посмотрел на биту.

– Это обязательный аксессуар разговора?

– Пока да.

– Вы умеете ею пользоваться?

– Один из ваших противников подтвердит.

Тимур едва заметно качнул головой.

– Умеет.

На несколько секунд в глазах Марка мелькнуло что-то похожее на интерес. Не веселье и не одобрение. Скорее понимание, что первоначальная схема усложнилась.

– Тем более вам лучше войти, – сказал он.

– Почему?

– Потому что за воротами вы начнете искать способ спасти Артёма самостоятельно.

– И что?

– И нам придется спасать уже вас.

Кира подняла подбородок.

– Не смейте меня спасать.

Впервые за все время выражение лица Марка едва заметно изменилось. Уголок рта дрогнул, словно мужчина почти позволил себе улыбку, но сразу передумал.

– Боюсь, – сказал он, – этот поезд уже ушел.

Снег продолжал падать на темную дорожку, на плечи Тимура, на волосы Киры и на биту, которую она так и не выпустила из рук. Где-то внутри дома врачи пытались сохранить жизнь человеку, которого она знала меньше часа. За высоким забором оставался город, в котором исчез Артём и где вооруженные люди уже успели узнать ее имя. Перед ней стояли двое мужчин, не считавших нужным просить разрешения даже тогда, когда собирались решать ее судьбу.

Кира понимала, что должна войти. Хотя бы потому, что без объяснений действительно не знала, куда идти дальше. Хотя бы потому, что Данила остался внутри. Хотя бы потому, что имя Ратникова перестало быть случайным набором звуков и превратилось в первую ниточку, за которую можно было потянуть.

Но понимание не означало согласия.

Она посмотрела на Марка, затем на Тимура и медленно поднялась по ступеням.

– Хорошо, – сказала Кира. – Я войду. Но если вы думаете, что заперли здесь перепуганную девочку, которая будет молча сидеть в комнате и ждать, пока взрослые мужчины разберутся с ее жизнью, приготовьтесь разочароваться.

Марк отступил, пропуская ее внутрь.

- Уже приготовился.
- И верните телефон.
- Утром.

Кира остановилась на пороге.

- Я вас возненавижу.
- Не сомневаюсь.
- Обоих.
- Тимур переживет.
- А вы?

Марк посмотрел ей прямо в глаза.

- Посмотрим.

Кира вошла в дом, все еще сжимая в руке битую. Дверь за ее спиной закрылась негромко, почти вежливо. Только тяжелый щелчок замка прозвучал слишком отчетливо.

Так закончилась ночь, в которую она приехала поговорить с братом.

И началась ночь, в которую трое совершенно незнакомых мужчин решили, что имеют право ее спасти.

Глава 3. Похищение с комфортом

Дом изнутри оказался еще хуже, чем снаружи.

Не потому, что в нем было мрачно, холодно или неудобно. Как раз наоборот. Если бы Кира приехала сюда при других обстоятельствах, она, вероятно, отметила бы удачный вкус хозяина: светлые стены, темное дерево, мягкий рассеянный свет, широкая лестница с прозрачным ограждением, большая гостиная, в которой не было ни одной бессмысленной дорогой вещи, поставленной исключительно ради демонстрации денег. Здесь не пахло пылью, сыростью или нежилым помещением. В камине за стеклом ровно горел огонь. На длинной кухонной стойке стояла кофемашина, рядом лежали аккуратно расставленные кружки. В глубине коридора виднелась закрытая дверь, за которой кто-то говорил коротко и быстро, называя давление, сатурацию и еще несколько медицинских показателей, значения которых Кира не понимала, но по интонации угадывала: с Данилой все было достаточно плохо, чтобы никто не позволял себе расслабиться.

Именно это раздражало сильнее всего.

Если бы ее притащили в сырой подвал, заперли в комнате без окон и оставили под присмотром двух молчаливых типов в спортивных костюмах, ситуация приобрела бы понятную форму. Тогда не пришлось бы гадать, кем считать людей, которые забрали у нее телефон, не дали вызвать поли-

цию и привезли за город, не спрашивая согласия. В подвале существовало бы только одно правильное слово – похищение. В доме с камином, мягкими диванами, хорошим кофе и гостевой комнатой, которую ей уже собирались предоставить, формулировка почему-то становилась менее очевидной. Словно удобная кровать и чистое полотенце могли превратить принуждение в заботу.

Кира остановилась посреди гостиной, все еще не выпуская битую из рук, и медленно осмотрелась. На первый взгляд дом не выглядел крепостью. Обычные окна без решеток. Межкомнатные двери без тяжелых замков. Полки с книгами. Низкий столик перед диваном. Несколько фотографий в простых рамках возле стены, хотя рассмотреть изображенных людей она не успела. Однако стоило приглядеться внимательнее, и детали начинали складываться в другую картину. Камеры по углам коридора. Датчики на окнах. Слишком толстое стекло входной двери. Электронный замок, который щелкнул за ее спиной сразу после того, как Тимур вошел следом. Небольшой экран возле стены, показывающий изображение с ворот, подъездной дороги и нескольких участков периметра.

Дом был уютным ровно настолько, насколько может быть уютной хорошо оборудованная камера.

Марк прошел вперед, не снимая жилета и не проявляя ни малейшего желания объяснить, почему среди глубокой ночи выглядит так, словно только что вышел из кабинета после за-

тянувшегося совещания. Он остановился возле стойки, налил воду из графина и поставил стакан перед Кирой.

– Сядьте, – сказал он.

– Не хочу.

– Тогда стойте.

– Благодарю за разрешение.

Марк посмотрел на биту в ее руках, затем на следы крови на рукаве куртки.

– Вода вам все равно не повредит.

– Мне не нужна вода.

– Вы пережили стрельбу, драку и поездку с раненым человеком. Адреналин скоро начнет спадать. Выпейте.

Тон был ровным, почти спокойным. В нем не слышалось открытого приказа, и именно поэтому Кира ощутила желание разозлиться еще сильнее. Мужчина разговаривал с ней так, будто уже заранее знал, в каком состоянии она находится, что будет чувствовать через пять минут и каким образом поведет себя дальше. Как с человеком, чьи реакции можно разложить по ячейкам и учесть в плане операции.

Она посмотрела на стакан.

– Телефон, – сказала Кира.

Тимур, стоявший возле входной двери, снял куртку и повесил ее на спинку стула. Под темной футболкой отчетливо проступали напряженные мышцы плеч. Он выглядел так, будто только что не участвовал в перестрелке, а вернулся после обычной поздней тренировки. Только едва заметная сса-

дина на скуле и темное пятно на рукаве выдавали, насколько беспокойным оказался вечер.

– Позже, – ответил он.

– Сейчас.

– Нет.

– Это мой телефон.

– Именно поэтому я его не отдам.

– Вы вообще слышите, насколько безумно это звучит?

– Слышу.

– И вас ничего не смущает?

– Нет.

Кира коротко рассмеялась, хотя веселья не ощущала.

– Прекрасно. Тогда я объясню еще раз, медленно и понятными словами. Вы забрали меня из клуба против воли. Увезли неизвестно куда. Отобрали личные вещи. Отказываетесь сообщать, где находится мой брат. Не разрешаете позвонить в полицию. Теперь удерживаете в доме за городом. Есть какое-нибудь более точное определение происходящего, чем похищение?

– Защитное перемещение, – сказал Марк.

Она медленно повернула голову к нему.

– Что?

– Если вам необходима другая формулировка.

– Вы сейчас серьезно?

– Более чем.

– Защитное перемещение?

– Да.

– Это выражение вы используете, когда хотите похитить женщину, но сохранить ощущение юридической аккуратности?

Марк сделал глоток воды из второго стакана.

– Обычно женщины, которых приходится защищать, не пытаются ударить битой каждого человека, мешающего им выйти под огонь.

– Я никого из вас пока не ударила.

– Пока?

– Не искушайте судьбу.

Тимур едва заметно выдохнул. В другом человеке это можно было бы принять за подавленный смех, но Кира уже успела понять: у Тимура любые эмоции проявлялись настолько экономно, будто он выдавал их себе по строгому лимиту.

– Полицию, – повторила она. – Я хочу вызвать полицию. Немедленно.

На этот раз мужчины обменялись быстрым взглядом. Не растерянным и не виноватым. Скорее оценивающим. Словно заранее знали, что разговор неизбежен, но до последнего надеялись отложить его хотя бы до утра.

Марк поставил стакан на стойку.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте начнем с полиции.

– Наконец-то.

– Вы хотите позвонить в дежурную часть, сообщить о на-

падении в клубе и назвать свое имя.

– Да.

– После этого оператор зафиксирует звонок, адрес и ваш номер. Информация окажется в системе. Дальше сообщение передадут ближайшему экипажу и дежурному следователю. Кто-то начнет оформлять происшествие, кто-то запросит записи с камер, кто-то внесет ваши данные как потерпевшей или свидетеля. Вы уверены, что среди всех людей, которые увидят эту информацию в течение первого часа, нет ни одного человека Ратникова?

Кира нахмурилась.

– Это должно убедить меня довериться вам больше, чем полиции?

– Нет. Это должно объяснить, почему звонок не является безопасным действием.

– Если Ратников действительно настолько влиятельный, как вы пытаетесь показать, почему он вообще еще ходит на свободе?

– Потому что влияние редко выглядит как чемодан с деньгами, который человек передает начальнику полиции в темном переулке, – спокойно ответил Марк. – Обычно все устроено гораздо проще. Один сотрудник обязан ему карьерой. У другого родственник работает в его компании. Третий получает информацию через посредника и может даже не понимать, кому помогает. Четвертый уверен, что сотрудничает с человеком, который поддерживает порядок и реша-

ет проблемы быстрее государства. Не нужно контролировать всю систему. Достаточно знать, к кому попадет нужный документ и кто первым увидит нужное имя.

Кира молчала.

До этого момента фамилия Ратников оставалась почти отвлеченной. Она слышала ее в клубе, когда один из нападавших сказал, что Данилу нужно привезти живым, если тот способен говорить. Затем Тимур и Марк упоминали этого человека так, будто имя само по себе объясняло происхождение. Но Кира не знала никакого Ратникова. Возможно, встречала фамилию в новостях или видела на рекламном щите, однако не могла восстановить лицо. В ее жизни существовали другие проблемы: аренда клуба, расписание тренировок, задолженности Артёма, сломанный бойлер, поставки экипировки и вечное желание хотя бы один вечер провести без необходимости спасать кого-нибудь от последствий чужой глупости.

Теперь ей предлагали поверить, что где-то рядом существует человек, способный узнавать о звонках в полицию раньше, чем полиция успеет приехать.

– Предположим, – сказала Кира медленно, – вы правы. Предположим, кто-то действительно получает информацию из системы. Почему нельзя обратиться напрямую к человеку, которому вы доверяете? Вы же не собираетесь рассказывать, что во всем городе не осталось ни одного честного полицейского.

– Остались, – ответил Марк.

– Тогда в чем проблема?

– В том, что сейчас мы не знаем, кого именно успели засветить. И не знаем, насколько глубоко противник видит наши действия.

– Наши?

– Теперь и ваши.

– Не надо включать меня в вашу войну без моего согласия.

– Вас включил Артём, – сказал Марк.

Слова прозвучали спокойно, но ударили сильнее, чем Кира ожидала.

Она поставила битку вертикально, опираясь рукоятку в пол, и посмотрела на мужчину внимательнее.

– Что именно сделал мой брат?

Марк не торопился отвечать.

– До определенного момента мы сами не были уверены.

– А сейчас?

– Сейчас у нас появились основания считать, что он пытался передать Даниле материалы.

– Какие материалы?

– Архив.

– Это слово ничего не объясняет.

– Финансовые документы. Переписка. Записи разговоров. Информация о людях, которые работают на Ратникова или связаны с ним через посредников. Возможно, доказательства нескольких преступлений.

– Возможно?

– Мы не успели получить содержимое полностью.

– Почему?

Марк перевел взгляд на Тимура.

– Потому что встреча сорвалась.

Кира тоже посмотрела на Тимура.

– Вы были там?

– Нет, – ответил он. – Должен был приехать позже.

– Значит, Данила встречался с Артёмом один?

– Да.

– И что произошло?

– Когда мы вошли в клуб, Артёма уже не было. Данила был ранен. Люди Ратникова оставались внутри.

– Почему вы вообще не вызвали полицию?

– Потому что не знали, кто придет первым.

– Это удобно, – холодно сказала Кира. – Каждый неудобный вопрос можно закрыть фразой о продажной полиции.

Тимур посмотрел на нее без раздражения.

– В клубе стреляли в вас.

– Я заметила.

– Вы слышали, что вас приказали взять живой.

– Тоже заметила.

– Если хотите проверить нашу версию, позвоните в дежурную часть, назовите адрес и подождите, кто придет следующим.

Кира стиснула зубы.

– Вы прекрасно знаете, что я не стану рисковать настолько глупо.

– Значит, хотя бы в одном вопросе мы согласны.

Она отвернулась, прошла несколько шагов по гостиной и остановилась возле окна. За стеклом виднелся темный двор, покрытый ровным слоем снега. Низкие фонари вдоль дорожки создавали небольшие островки света. Ворота оставались закрыты. Возле них стоял человек в темной одежде, время от времени оглядывая дорогу. Еще один прошел вдоль забора и исчез за углом дома.

Кира почувствовала странное желание открыть окно, вдохнуть холодный воздух и убедиться, что это обычное стекло, а не прозрачная стена аквариума. Она коснулась ручки. Окно действительно открылось. Внутри сразу ворвался морозный воздух, принес запах снега и мокрой земли. Никакой решетки. Никакой сигнализации, во всяком случае слышимой. Первый этаж. До земли меньше двух метров.

– Не рекомендую, – сказал Тимур за спиной.

Кира не обернулась.

– Что именно?

– Прыгать.

– Я открыла окно.

– Пока да.

– И вы уже решили, что собираюсь бежать?

– Да.

– У вас богатое воображение.

– У вас бита в руке, кровь на куртке и выражение лица человека, который считает окно более надежным собеседником, чем мы.

– Окно хотя бы не пытается принимать решения за меня.

– Оно ведет во двор. Двор закрыт.

Кира повернулась.

– Вы даже не скрываете, что я не могу выйти.

– Сейчас не можете.

– А если попробую?

Тимур немного помолчал.

– Остановлю.

– Силой?

– При необходимости.

Марк стоял возле стойки и наблюдал за разговором с тем выражением, какое бывает у человека, рассматривающего сложную задачу. Не раздражение. Не удовольствие от чужой беспомощности. Скорее холодная готовность принять неприятное решение, если обстоятельства потребуют.

– Вы оба понимаете, что это незаконно? – спросила Кира.

– Понимаем, – ответил Марк.

– И вас это устраивает?

– Нет.

– Но отпускать меня вы не собираетесь.

– Нет.

– Потому что вам так спокойнее.

– Потому что за воротами вас попытаются найти раньше,

чем вы доедете до ближайшей заправки.

Кира закрыла окно резким движением.

– Тогда дайте мне оружие.

Тимур посмотрел на нее так, словно не был уверен, правильно ли расслышал.

– Что?

– Вы говорите, что я в опасности. Хорошо. Дайте оружие.

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы не умеете с ним обращаться.

– Научите.

– Не сейчас.

– Значит, ваш план заключается в том, чтобы запереть меня в доме и надеяться, что все плохие люди исчезнут сами?

– Нет.

– А какой план?

– Найти Артёма, открыть архив и понять, почему Ратников решил, что вы ему нужны.

Кира медленно вернулась к стойке.

– Он мог решить это потому, что я сестра Артёма.

– Мог, – сказал Марк.

– И вы думаете иначе?

– Думаю, что Артём слишком долго пытался перестраховаться.

– Это похоже на него.

– Он избегал прямых разговоров. Не передавал весь ар-

хив одному человеку. Менял места встреч. Использовал разные каналы связи. Исчезал на несколько дней, затем снова выходил на связь. Каждый раз говорил, что ему нужно еще немного времени.

– Это тоже похоже на него.

– Но последнюю неделю он вел себя иначе.

– Как?

Марк достал телефон, открыл что-то на экране и положил аппарат перед Кирой.

Она увидела фотографию. Артём выходил из какого-то здания, обернувшись через плечо. Снимок был сделан изда- лека, вероятно из машины. Брат выглядел уставшим. Щети- на, слишком тонкая для холодной погоды куртка, глубокие тени под глазами. Кира узнала его сразу и одновременно не узнала совсем. Обычно Артём даже в плохие дни сохранял внешнюю легкость, будто рассчитывал обмануть мир друже- любной улыбкой. На фотографии улыбки не было.

– Когда это снято?

– Три дня назад.

– Где?

– Возле одного из офисов Ратникова.

– Что он там делал?

– Не знаем.

– Вы следили за ним?

– Пытались следить.

– Без его ведома?

– С его ведома было бы проще.

Кира посмотрела на фотографию еще раз.

– Почему вы вообще помогаете ему?

Марк забрал телефон не сразу.

– Потому что материалы, которые Артём обещал передать, могут остановить человека, до которого мы пытаемся добраться несколько лет.

– Кто такой Ратников?

– Вадим Сергеевич Ратников. Владелец строительного холдинга, нескольких управляющих компаний, благотворительного фонда и сети реабилитационных центров. Его фамилию вы наверняка видели в новостях. Он финансирует спортивные площадки, ремонтирует больницы, появляется на городских мероприятиях и любит рассказывать о социальной ответственности бизнеса.

Кира нахмурилась. Теперь в памяти действительно мелькнуло знакомое лицо: мужчина лет пятидесяти, ухоженный, спокойный, в идеально сидящем костюме. Она видела его на рекламных баннерах возле нового жилого комплекса, возможно, слышала интервью по радио. Ратников выглядел именно так, как должен выглядеть человек, которого приглашают перерезать ленточку на открытии детской площадки: уверенно, респектабельно, слегка скучно.

– И вы утверждаете, что он посылает вооруженных людей в бойцовские клубы?

– Не лично, – сказал Марк. – Лично он почти ничего не

делает.

– Очень удобно.

– Именно.

– Тогда откуда вы знаете, что приказ исходит от него?

На этот раз Марк замолчал. Всего на секунду, но Кира заметила паузу.

– Потому что несколько лет назад мы уже пытались доказать это, – сказал он. – И потеряли человека, который согласился дать показания.

– Потеряли?

– Его убили.

В комнате стало тише, хотя за стеной по-прежнему говорили врачи, а в коридоре кто-то быстро прошел к лестнице. Кира посмотрела на Марка внимательнее. Мужчина не отвел глаза и не изменился внешне, однако теперь в его спокойствии проступило другое содержание. Оно оказалось не врожденной холодностью и не привычкой командовать. Скорее следствием давно принятого решения больше никогда не позволять обстоятельствам выходить из-под контроля.

– И после этого вы ушли из полиции? – спросила Кира.

Марк не удивился.

– Да.

– Значит, вы все-таки были полицейским.

– Следователем.

– А теперь?

– Теперь вопрос несущественный.

– Для человека, которого удерживают в загородном доме трое вооруженных мужчин, любой вопрос становится существенным.

– Справедливо.

– И все-таки?

– Теперь я занимаюсь тем, что приходится делать, когда официальные способы не работают.

– Звучит почти как признание.

– Считайте как хотите.

Кира снова взяла стакан воды и на этот раз выпила половину. Только теперь заметила, насколько сильно пересохло во рту. Руки дрожали меньше, но напряжение не уходило. Оно просто меняло форму. В клубе страх был прямым и понятным: выстрелы, кровь, неизвестные люди, поднятый пистолет. Здесь опасность растворилась в разговорах, фотографиях, фамилиях и недосказанности. От этого становилось не легче, а хуже. Физически можно было отбиваться. Информацией – нет.

– Где моя сумка? – спросила она.

– В машине, – ответил Тимур.

– Принесите.

Он посмотрел на Марка.

– Принеси, – сказал тот.

Тимур без возражений вышел через боковую дверь. Кира проводила его взглядом.

– Он всегда делает то, что вы говорите?

- Нет.
- Но сейчас делает.
- Сейчас мы согласны в главном.
- В том, что меня нужно запереть.
- В том, что вас нельзя выпускать наружу.
- Разница исключительно стилистическая.
- Возможно.

Через несколько минут Тимур вернулся с ее сумкой и положил на стойку. Кира сразу раскрыла молнию, проверила кошелек, ключи, документы. Все осталось на месте, кроме телефона.

- Телефон, – напомнила она.
 - Нет, – снова сказал Тимур.
 - Хотя бы дайте позвонить брату с другого номера.
 - Его аппарат выключен.
 - Я оставляю сообщение.
 - Нельзя.
 - Почему?
 - Потому что мы не знаем, у кого сейчас его телефон.
- Кира застыла.
- Вы думаете, он у людей Ратникова?
 - Не исключаем.
 - Тогда они уже видят, что я звонила.
 - Ваши прежние звонки – да.
 - И мое сообщение о том, что я еду в клуб.
 - Да.

Мысль оказалась неприятной настолько, что на несколько секунд Кира перестала дышать. Она сама предупредила неизвестно кого о своем приезде. Написала брату, что будет через сорок минут. Потом звонила несколько раз. Оставила сообщение. Если телефон Артёма оказался не у него, люди Ратникова знали не только ее имя, но и точное время появления.

– Поэтому они ждали, – тихо сказала она.

– Возможно, – ответил Марк.

– Не возможно. Они знали, что я приеду.

Никто не стал возражать.

Кира посмотрела на свои руки. На правой ладони осталась тонкая царапина, вероятно от осколка стекла. Под ногтями темнела кровь – не ее собственная. Данилина или того мужчины, которого она ударила битой. Куртка была испачкана, волосы растрепались, на колене джинсов проступило грязное пятно после пола в тренировочном зале. Еще два часа назад она собиралась принять ванну, заказать еду и провести тихий вечер дома. Теперь стояла в чужом загородном доме и слушала, как незнакомые мужчины объясняют: полиция может быть опасна, брат, вероятно, использовал ее в своих играх, а человек с рекламных баннеров отправил за ней вооруженных людей.

– Вы говорили об архиве, – сказала Кира. – Он у вас?

Марк посмотрел на нее спокойно.

– Частично.

– Что значит частично?

– Данила успел забрать носитель.

– Ту флешку, которая лежала рядом с ним?

– Да.

– Тогда почему вам нужно искать Артёма? Откройте ее и передайте материалы журналистам.

– Все сложнее.

– Разумеется. Сегодня все обязательно должно быть сложнее.

Марк едва заметно кивнул, словно признавая справедливость замечания.

– Архив зашифрован.

– И?

– У нас нет ключа.

– Данила не знает?

– Нет.

– Вы думаете, ключ у Артёма.

– Возможно.

Кира закрыла глаза на несколько секунд.

– Скажите честно: хотя бы одно обстоятельство сегодня может оказаться простым?

– Вы не пострадали, – сказал Тимур.

Она посмотрела на него.

– Это вы сейчас пытаетесь меня успокоить?

– Констатирую факт.

– Очень трогательно.

– Пуля могла попасть выше.

– Еще немного поддержки, и я расплачусь от благодарности.

Тимур молча подошел к кофемашине, нажал несколько кнопок и поставил перед Кирой чашку. Запах кофе неожиданно напомнил о чашке Артёма на стойке администратора. Недопитой. Еще теплой, когда она вошла. Значит, брат находился в клубе совсем недавно. Возможно, ушел за несколько минут до ее приезда. Возможно, его вывели через другую дверь. Возможно, он наблюдал откуда-то, как сестра подъезжает к зданию, и не мог предупредить.

Или мог, но не захотел.

Эта мысль была хуже остальных.

– Без сахара, – сказал Тимур.

Кира перевела взгляд на чашку.

– Откуда вы знаете?

– Артём говорил.

– Он рассказывал вам, как я пью кофе?

– Упоминал.

– Зачем?

– Не помню.

– Вы лжете.

– Нет.

– Тогда это еще более странно.

Тимур ничего не ответил.

Кира не притронулась к кофе. Даже если напиток был со-

вершенно обычным, принимать его из рук человека, только что отобравшего телефон и сообщившего, что свободу ей вернут позже, казалось неправильным. Слишком символичным. Похищение с хорошим сервисом. Клетка, в которой предусмотрены горячие напитки и индивидуальные предпочтения пленницы.

Из коридора вышла Вера. Медицинская куртка была застегнута небрежно, перчатки она уже сняла, волосы выбились из хвоста. Лицо выглядело усталым, но не испуганным.

Тимур сразу повернулся к ней.

– Как он?

– Пуля застряла, но крупные сосуды, похоже, не задела. Крови потерял много. Я стабилизировала, дальше нужен хирург.

– Он едет?

– Уже в дороге. Через двадцать минут будет.

– Больница точно не нужна?

Вера посмотрела на него жестко.

– Нужна. Нормальная операционная нужна. Рентген нужен. Анализы нужны. Но если ты спрашиваешь, можно ли продержат его здесь до приезда хирурга, то да. Можно. Если ничего не ухудшится.

– Понял.

– И еще. Он спрашивал о девушке.

Кира невольно подняла голову.

– Обо мне?

Вера посмотрела на нее внимательнее.

– Видимо. Сказал передать, что бита была убедительной.

Несмотря на все происходящее, Кира почувствовала, как уголок рта дернулся.

– Он шутил?

– Даня шутит, пока способен дышать. Иногда и после этого, если дать ему кислород.

– Значит, будет жить?

– Я не люблю обещать то, что зависит не только от меня. Но пока шансы хорошие.

Кира медленно выдохнула. Только теперь поняла, насколько сильно ждала именно этих слов.

Вера перевела взгляд на Марка.

– Она остается?

– Да, – сказал он.

– Добровольно?

Кира ответила раньше:

– Нет.

Вера закрыла глаза на секунду, словно это подтверждало худшие ожидания.

– Тогда постарайтесь хотя бы не довести ее до желания поджечь дом. У меня и без того работы достаточно.

– Я никого не поджигаю, – сказала Кира.

Вера посмотрела на биту.

– Хорошо. Это обнадеживает.

– Вы тоже считаете нормальным удерживать меня здесь?

– Я считаю нормальным не выпускать человека туда, где в него стреляют. Остальное обсуждайте с этими двумя. Я врач, а не дипломат.

– Вы работаете на них?

– Иногда спасаю им жизнь. Это не одно и то же.

– Часто приходится?

Вера вздохнула.

– С Даней – чаще, чем хотелось бы.

Она ушла обратно в коридор, оставив после себя ощущение, что в этом доме даже медицинская помощь организована как часть давно отработанной системы. Кира снова посмотрела на закрытую дверь. Где-то там лежал человек, который меньше часа назад пытался прикрыть ее собой, хотя едва держался на ногах. Человек, знавший Артёма и флешку. Единственный, кто мог рассказать, что произошло в клубе до ее приезда.

– Я хочу поговорить с Данилой, – сказала она.

– Не сейчас, – ответил Тимур.

– Когда он придет в себя.

– После операции.

– Хорошо.

– И только если врач разрешит.

– Вы удивитесь, но я не собираюсь допрашивать человека сразу после того, как из него достанут пулю.

– Уже удивился несколькими вашими решениям.

– Не начинайте.

Марк отошел от стойки.

– Вам нужно переодеться.

– Спасибо, сама разберусь.

– Ваша одежда в крови.

– Тоже заметила.

– Наверху есть гостевая комната. В шкафу найдутся вещи.

Возможно, не вашего размера, но на первое время подойдут.

– У вас регулярно остаются женщины, которых вы защищаете перемещением?

На этот раз Марк действительно почти улыбнулся.

– Дом используется не только для вас.

– Разочарована.

– Переживете.

– Не сомневайтесь.

Он указал на лестницу.

– Вторая дверь справа. Ванная внутри. Дверь не запирается снаружи.

– Какая щедрость.

– Окно открывается.

– Тимур уже сообщил.

– Прыгать не рекомендую.

Кира посмотрела на них обоих.

– У вас действительно есть заранее подготовленная инструкция для раздраженных пленниц?

– Нет, – сказал Марк. – Обычно люди после стрельбы проявляют больше осторожности.

– Обычно люди не узнают, что их брат исчез, а трое незнакомцев решили распоряжаться их жизнью.

– Нас пока двое, – заметил Тимур.

– Данила очнется – станет трое.

– Данила на вашей стороне, – сказал Марк.

– Он пытался отправить меня через служебный выход одну. Это не делает его союзником.

– Зато показывает, что он не хотел использовать вас как приманку.

Кира замолчала.

Эта мысль до сих пор не приходила в голову в ясной форме. Данила действительно мог поступить иначе. Мог удержать ее рядом. Мог попытаться обменять на возможность выбраться. Мог ничего не объяснять и использовать как отвлекающий маневр. Вместо этого, истекая кровью, велел уходить. Потом пытался задержать вооруженных людей один. Не лучший способ заслужить доверие, но значительно лучший, чем поведение большинства незнакомцев этой ночью.

– Я поднимусь, – сказала Кира. – Переоденусь. Потом вернусь и получу нормальные ответы.

– Утром, – ответил Марк.

– Сейчас.

– Вы устали.

– Это не означает, что перестала понимать слова.

– Вам нужно поспать.

- А вам нужно перестать говорить со мной как с ребенком. Марк выдержал ее взгляд.
- Хорошо. Один вопрос сейчас.
- Только один?
- Остальное утром.
- Это торг?
- Компромисс.
- Вы плохо умеете идти на компромиссы.
- Зато быстро учусь.

Кира подумала. Вопросов было слишком много. Где Артём? Что именно находится на флешке? Почему брат рассказывал Тимуре о ее кофе? Кто такой Данила и почему он рисковал собой? Как давно за Артёмом следили? Почему люди Ратникова хотели взять ее живой? Есть ли среди ее знакомых тот, кто мог передать информацию о клубе? Каждый вопрос тянул за собой еще несколько, и выбрать один казалось почти невозможным.

Но главный все-таки существовал.

- Артём знал, что я буду в опасности? – спросила она. Марк не ответил сразу.

Это молчание оказалось красноречивее любых слов.

- Вы думаете, что знал, – сказала Кира.
- Думаю, что допускал такую вероятность.
- И все равно попросил меня приехать в клуб.
- Мы не знаем, писал ли сообщение он.
- Но если писал?

Марк посмотрел на нее внимательно.

– Тогда утром нам придется выяснить, зачем.

Кира чувствовала, как внутри снова поднимается злость. На этот раз не на Марка, не на Тимура и даже не на Ратникова, которого она по-прежнему знала только по фамилии и чужим объяснениям.

На Артёма.

Потому что вся ее жизнь состояла из бесконечного движения следом за братом. Она догоняла, подхватывала, исправляла, закрывала чужие долги, выслушивала обещания и снова позволяла себе поверить, будто в следующий раз он справится самостоятельно. Но раньше последствия его решений выглядели хотя бы человечески понятными: деньги, драки, неудачные сделки, приятели, которые исчезали при первых признаках реальной ответственности. Теперь на полу клуба осталась кровь. В нее стреляли. Незнакомый мужчина лежал за стеной с пулей в боку. А Артём, возможно, сам позвал сестру в ловушку.

Кира подняла сумку и битую.

– Где комната?

– Наверху, вторая дверь справа, – повторил Марк.

Она пошла к лестнице, но на первой ступени остановилась и обернулась.

– Я не останусь здесь надолго.

– Посмотрим, – сказал Марк.

– Нет. Не посмотрим. Утром вы расскажете все, что знае-

те. Вернете телефон. И либо поможете найти Артёма, либо я найду способ уйти сама.

– У ворот охрана, – сказал Тимур.

– Значит, придумаю другой способ.

– Забор высокий.

– Вы удивительно верите в заборы.

– Обычно они работают.

– Обычно меня не пытаются удержать внутри.

Тимур смотрел на нее несколько секунд, потом спокойно кивнул.

– Учту.

Кира поднялась на второй этаж.

Гостевая комната оказалась просторной и почти безличной. Большая кровать с темным покрывалом, кресло возле окна, комод, шкаф, дверь в небольшую ванную. На тумбочке стояла лампа, рядом лежала запечатанная бутылка воды. Полотенца были сложены аккуратной стопкой. В шкафу действительно нашлась одежда: несколько футболок, спортивные брюки, толстовка, новые носки в упаковке. Все чистое, нейтральное, подобранное так, чтобы подойти человеку приблизительно ее комплекции.

Кира поставила сумку на кровать, прислонила битую к тумбочке и подошла к окну.

Оно открылось легко.

Внизу тянулась заснеженная дорожка, дальше темнели кусты и забор. От второго этажа до земли было уже значительно-

но выше, чем из гостиной. Прыгать без риска сломать ногу не стоило. Слева виднелась часть крыши веранды. При желании можно было выбраться через окно, спуститься на нее и уже оттуда попытаться добраться до земли. Не лучший путь, но реальный.

Кира задержала взгляд на дворе.

Один из охранников прошел вдоль стены дома, поднял голову и посмотрел прямо на ее окно. Не случайно. Видимо, камера уже сообщила, что створка открыта.

Она закрыла окно.

Потом прошла в ванную и включила свет. В зеркале отразилась незнакомая женщина. Растрепанные волосы, бледное лицо, тонкая царапина на щеке, грязная куртка, кровь на рукаве и пальцах. Кира долго смотрела на себя, словно пыталась найти ту границу, после которой обычный вечер окончательно превратился в чужую жизнь.

Граница существовала.

Она пролежала не через первый выстрел. Не через разбитое стекло. Даже не через момент, когда бита ударила человека по руке.

Все изменилось раньше.

В тот момент, когда Артём написал: «Заедь в клуб. Это важно».

Кира сняла куртку, бросила ее на край раковины и начала смывать кровь с рук. Вода быстро окрасилась розовым, затем снова стала прозрачной. Под ногтями оставались тем-

ные следы. Она терла пальцы сильнее, чем требовалось, пока кожа не покраснела.

На полке возле зеркала лежали одноразовые зубные щетки, запечатанная расческа, маленькие флаконы шампуня и геля для душа. Все необходимое для человека, который оказался в доме внезапно и без вещей. Это должно было казаться заботой. Почему-то казалось доказательством того, что подобные ситуации здесь происходят не впервые.

Кира приняла быстрый душ, переоделась в темную футболку и спортивные брюки, оказавшиеся немного велики, затем вернулась в комнату. Куртку решила не выбрасывать и не отдавать в стирку. В карманах могло остаться что-нибудь важное. Она проверила их один за другим: ключи, смятый чек из магазина, резинка для волос, несколько мелких монет. Телефона не было. Ничего полезного тоже.

Тогда она снова подошла к окну.

Не открывая, оценила расстояние до крыши веранды. Потом посмотрела на дверь. Она действительно не была заперта. Кира вышла в коридор и прислушалась. Внизу говорили Марк и Тимур. Слов разобрать не получалось, но интонации оставались напряженными. Где-то дальше работала медицинская аппаратура. Дом не спал.

На втором этаже находились еще три двери. Одна вела в ванную, другая оказалась закрыта, третья – приоткрыта. Кира заглянула внутрь и увидела небольшой кабинет: письменный стол, книжные полки, компьютер, несколько папок. На

секунду возникло желание войти и начать искать ответы самостоятельно, но шаги на лестнице заставили остановиться.

Тимур поднялся наверх с ее чашкой кофе в руке.

– Остыл, – сказал он. – Сделал новый.

Кира посмотрела на напиток.

– Вы решили задобрить пленницу?

– Решил, что вам нужен кофе.

– Мне нужен телефон.

– Телефон не принесу.

– Тогда кофе можете оставить себе.

Тимур поставил чашку на тумбочку в коридоре.

– Оставлю здесь.

Кира скрестила руки на груди.

– Вы пришли проверить, не лезу ли я в окно?

– Нет.

– Врете.

– Не только поэтому.

– А еще?

Он посмотрел в сторону закрытой двери медицинской комнаты на первом этаже, хотя оттуда ничего не было видно.

– Данилу готовят к операции.

– Хирург приехал?

– Да.

– Он будет жить?

– Вера говорит, шансы хорошие.

Кира кивнула.

– Это хорошо.

– Да.

Они замолчали. Разговор с Тимуром всегда напоминал попытку вытянуть воду из камня. Он отвечал ровно столько, сколько считал необходимым, и не испытывал ни малейшего желания заполнять паузы. Кира привыкла к людям другого типа. Артём, например, мог говорить десять минут подряд, не сообщив ни одного полезного факта. Тимур, вероятно, считал десять слов чрезмерной расточительностью.

– Он часто так делает? – спросила она.

– Как?

– Шутит, когда ему больно.

– Всегда.

– Раздражает.

– Да.

– Но вы все равно его терпите.

– Да.

– Почему?

Тимур посмотрел на нее внимательнее.

– Потому что он свой.

Ответ прозвучал просто. Без пафоса, без долгих объяснений и без желания произвести впечатление. Именно поэтому в нем ощущалось больше, чем в любой красиво сформулированной речи.

Кира прислонилась плечом к стене.

– Артём тоже ваш?

Тимур не ответил сразу.

– Нет, – сказал он наконец.

– Но вы помогаете ему.

– Пытались.

– Почему?

– Марк объяснил.

– Он объяснил про архив. Я спрашиваю другое. Почему вы вообще поверили Артёму?

– Не поверили.

– Тогда почему пришли?

– Потому что иногда человек может лгать о себе и все равно говорить правду о чужих преступлениях.

Кира задумалась.

– Он рассказывал вам обо мне.

– Немного.

– Что именно?

Тимур снова замолчал. На этот раз не потому, что не хотел отвечать, а словно пытался выбрать слова, которыми не нарушит какое-то внутреннее правило.

– Что вы всегда приезжаете, – сказал он.

Кира нахмурилась.

– Куда?

– Если он просит помощи.

Слова оказались неприятнее, чем должны были быть.

– Значит, он знал, что я приеду.

– Да.

– И вы тоже знали.

– Не до сегодняшнего вечера.

– Но когда увидели меня в клубе, сразу поняли, кто я.

– Да.

Кира посмотрела на Тимура.

– Поэтому вы обращались со мной как с вещью, которую нужно срочно вынести из горящего здания?

– Поэтому тоже.

– А другие причины?

– Вы спорили под пулями.

– У меня были вопросы.

– У вас всегда есть вопросы?

– Когда меня хватают незнакомые мужчины – особенно.

– Понятно.

Он развернулся, собираясь уйти.

– Тимур.

Мужчина остановился.

– Вы действительно не знаете, где Артём?

– Нет.

– Но думаете, что он жив?

– Да.

– Почему?

– Если бы Ратников получил все, что хотел, за вами бы не пришли.

Кира медленно выпрямилась.

– Вы хотите сказать, я нужна им как способ добраться до

Артёма?

- Или до того, что он спрятал.
- Ключ от архива.
- Возможно.
- И вы думаете, он мог спрятать его у меня.
- Марк допускает.
- А вы?

Тимур посмотрел прямо в глаза.

- Я думаю, ваш брат привык принимать решения за других людей, если уверен, что делает это ради их пользы.

Кира коротко рассмеялась, но смех вышел безрадостным.

- В этом вы с ним похожи.

Тимур принял удар спокойно.

- Возможно.
- Только Артём хотя бы мой брат.
- Это не всегда преимущество.

Он ушел вниз.

Кира осталась в коридоре. Несколько секунд смотрела ему вслед, потом вернулась в комнату и закрыла дверь. Не заперла: замка с внутренней стороны действительно не было. Вероятно, хозяева дома считали его излишним. Пленница могла свободно ходить по коридорам, пить кофе, принимать душ, пользоваться мягкими полотенцами и даже открывать окна. Ей просто нельзя было выйти за ворота.

Она села на край кровати.

Сон не приходил. Адреналин окончательно отступал,

оставляя после себя тяжелую слабость, но мысли продолжали двигаться слишком быстро. Артём. Флешка. Ключ. Ратников. Данила в операционной. Марк с его холодной логикой. Тимур, который говорил мало, но каждым ответом попадал точнее, чем хотелось бы. Полиция, которой нельзя звонить. Телефон брата в чужих руках. Ее собственное сообщение, ставшее приглашением в ловушку.

Кира посмотрела на биту возле тумбочки.

Раньше она действительно была почти декоративной вещью. Напоминанием о студенческих годах, тренировках, матчах и той версии самой себя, которая считала главной проблемой пропущенную подачу или неприятный разговор с тренером. Сегодня бита впервые встретила не с мячом, а с человеческой рукой. Теперь дерево хранило следы удара, которые невозможно было стереть одним движением тряпки.

Она легла поверх покрывала, не раздеваясь полностью, и положила битку рядом. В обычной жизни подобное выглядело бы смешно. В доме с высоким забором и вооруженной охраной – разумно.

Через несколько минут дверь тихо открылась.

Кира мгновенно села, схватив битку.

На пороге стоял Марк.

Он посмотрел на нее, затем на оружие в руках и едва заметно приподнял бровь.

– Хорошая реакция.

– Стучаться вас не учили?

– Стучал.

– Не слышала.

– Очевидно.

– Что случилось?

– Операция началась. Данила пока стабилен.

– Хорошо.

Марк не уходил.

– И еще одно, – сказал он.

– Что?

– Мы проверили ваш клуб.

Кира почувствовала, как внутри все сжалось.

– И?

– Артёма там нет. Следов, по которым можно определить, куда он ушел, тоже пока нет.

– А камеры?

– Записи удалены.

– Полностью?

– За последние три часа.

– Значит, кто-то подготовился.

– Да.

– В клубе есть только два человека с доступом к системе.

Я и Артём.

Марк молчал.

Кира смотрела на него несколько секунд, затем опустила биту.

– Вы думаете, записи удалил он.

– Не исключаю.

– Зачем?

– Возможно, пытался скрыть свой маршрут.

– Или скрыть того, с кем встречался.

– Возможно.

– Или заманить меня туда так, чтобы никто не увидел.

Марк не стал спорить.

Кира почувствовала, как усталость внезапно исчезает.

Осталась только ясная, холодная злость.

– Утром, – сказала она, – вы расскажете мне все. Не часть.

Не безопасную версию. Не то, что считаете достаточным для женщины, которую нужно держать подальше от опасности. Все.

Марк смотрел спокойно.

– Хорошо.

– И если выяснится, что вы снова что-то скрыли, я уйду.

– Попытайтесь.

– Нет. Уйду.

– Кира, вы сейчас в доме, который охраняют люди Тимура.

– Тогда им не повезет.

На этот раз Марк действительно улыбнулся. Едва заметно, почти против воли.

– Спокойной ночи.

– Сомневаюсь.

Он вышел и прикрыл дверь.

Кира снова легла, но глаза не закрыла. За окном падал снег. Внизу кто-то прошел вдоль дорожки. В доме работали врачи, охрана меняла посты, Марк и Тимур продолжали решать вопросы, которые до сегодняшнего вечера не имели к ней никакого отношения.

Комната была теплой. Постель – мягкой. На тумбочке стояла вода. В ванной лежали чистые полотенца. Дверь не запиралась снаружи. Окно открывалось.

И все же Кира прекрасно понимала: она пленница.

Просто похитители оказались достаточно обеспеченными, чтобы предложить ей комфорт.

Глава 4. Правила Марка Северцева

Кира проснулась от тишины.

Не от скрипа половиц, не от шагов в коридоре, не от приглушенных голосов за дверью и не от какого-нибудь резкого звука, который заставил бы тело мгновенно вспомнить о выстрелах, крови и треснувшем стекле. Напротив. Дом словно затаился. Ночью он жил отдельной, скрытой от нее жизнью: кто-то быстро проходил по лестнице, где-то открывались и закрывались двери, внизу коротко переговаривались мужчины, на первом этаже работали врачи, а во дворе каждые полчаса менялся человек у ворот. Теперь все звуки исчезли разом, оставив после себя настолько полную тишину, что она казалась искусственной.

Несколько секунд Кира лежала неподвижно, глядя в потолок и пытаясь понять, где находится. Комната выглядела чужой даже при дневном свете. Серые стены, темная мебель, аккуратно сложенная на кресле толстовка, которую она надела ночью поверх футболки, почти нетронутая бутылка воды на тумбочке. Через неплотно задернутые шторы пробивался холодный утренний свет. За окном падал мелкий снег, уже не такой мокрый и тяжелый, как вечером. Он ложился на карниз тонким белым слоем и медленно таял возле стекла.

Бита лежала рядом.

Кира обнаружила, что во сне сдвинулась ближе к краю

кровати и положила ладонь на рукоять, будто боялась, что кто-то войдет без стука и придется защищаться раньше, чем успеет окончательно открыть глаза. От осознания собственной позы стало неприятно. Она всегда считала себя человеком собранным, умеющим действовать спокойно даже тогда, когда обстоятельства выходят из-под контроля. Теперь же выяснилось, что достаточно одной ночи с выстрелами, чтобы организм самостоятельно назначил деревянную палку средством психологической поддержки.

Часы на тумбочке показывали восемь двадцать семь.

Кира села, прислушалась и только тогда услышала слабый гул вентиляции. Больше ничего. Никаких признаков того, что в доме, кроме нее, находится хотя бы один человек.

Первой мыслью было проверить Данилу.

Она быстро умылась, собрала волосы в хвост и вышла в коридор. Биту брать не стала, хотя на пороге задержалась и посмотрела на нее внимательнее, чем хотелось бы признать. Оставлять единственную вещь, которая вчера хотя бы однажды оказалась полезной, было неразумно. Ходить по чужому дому с оружием в руках – тоже. В конце концов Кира прислонила биту к стене возле кровати так, чтобы при необходимости добраться до нее за несколько секунд, и прикрыла дверь.

Коридор второго этажа оказался пуст. Ночью она не успела рассмотреть дом внимательно, теперь же замечала детали одну за другой. Камеры здесь тоже были. Небольшие, по-

чти незаметные, встроенные в углы потолка. Не декоративные устройства из дешевой системы безопасности, а аккуратные темные полусферы, способные следить за каждым движением. На стенах висели несколько фотографий: лесная дорога, старый мост над рекой, горы на закате. Ни семейных снимков, ни вещей, позволяющих понять, кому принадлежит дом. Комнаты тоже выглядели так, словно ими пользовались не постоянно, а по необходимости. Гостиные спальни, кабинет, небольшой зал с тренажерами в конце коридора. Все удобное, качественное и совершенно безличное.

Кира спустилась вниз.

В гостиной никого не было. Камни в камине потемнели, только под стеклом тлели редкие угли. На кухонной стойке стояла кофемашина, возле нее лежали две чистые чашки и небольшой контейнер с капсулами. Стол оказался накрыт так, словно хозяева ожидали не пленницу, пережившую нападение, а обычного гостя: хлеб, сыр, масло, яйца, фрукты, каша в небольшой кастрюле, термос с горячей водой. Даже салфетки были сложены аккуратно.

На мгновение Кира почти разозлилась на сам завтрак.

Холодный металлический поднос с миской жидкой каши выглядел бы честнее. Запертая дверь – понятнее. Человек с оружием у входа – прямолинейнее. Но здесь все выглядело так, будто ей предлагали добровольно принять чужие условия в обмен на возможность существовать удобно. Никто не связывал ей руки. Никто не угрожал. Никто даже не запирали

комнату. Просто существовал высокий забор, электронные ворота, люди Тимура по периметру и полное отсутствие телефона.

Кира подошла к боковой двери, через которую ночью занесли Данилу. Она была закрыта, но не заперта изнутри. За ней тянулся короткий коридор, заканчивавшийся еще одной дверью. Та оставалась приоткрыта. Кира увидела часть помещения: медицинская стойка с аппаратурой, металлический столик, капельница и край кровати.

Данила лежал неподвижно, укрытый серым одеялом почти до груди. Лицо по-прежнему оставалось бледным, но не таким пугающе серым, как в машине. Волосы растрепались, под глазами залегли тени. На мониторе возле кровати двигалась зеленая линия. Ритмично, спокойно. От этого простого движения Кира почувствовала облегчение, хотя не была уверена, что имеет право переживать за человека, с которым познакомилась меньше суток назад.

– Живой, – сказала Вера.

Кира вздрогнула и повернулась.

Врач стояла у стены, скрестив руки на груди. Вид у нее был такой, будто ночь закончилась не больше десяти минут назад. Волосы она собрала заново, но несколько прядей все равно выбились. На лице не осталось косметики, если она вообще была. Белый медицинский халат поверх футболки сидел небрежно, под глазами проступали следы усталости.

– Я не хотела мешать, – сказала Кира.

– Вы и не мешаете.

– Как он?

Вера посмотрела на Данилу.

– Пулю достали. Крупные сосуды не задеты, внутренние повреждения неприятные, но не смертельные. Крови потерял много. Несколько дней придется провести в постели, потом еще долго изображать, что рекомендации врачей существуют не для него.

– Значит, все хорошо?

– В медицинском смысле – лучше, чем могло быть. В человеческом – он проснется и сразу начнет раздражать окружающих.

Кира едва заметно улыбнулась.

– Тогда точно выживет.

– К сожалению для всех нас.

Данила не пошевелился. Если и слышал разговор, то не подавал признаков.

– Он спрашивал обо мне, – сказала Кира.

– Несколько раз. До операции. В основном несвязно.

– Что именно?

Вера пожала плечами.

– Жива ли девушка с битой. Не заперли ли ее в кладовке. Не попыталась ли она ударить Тимура. Не начал ли Марк читать ей лекцию о безопасности. Еще просил передать, что вы напрасно отказались от выхода через склад. По его мнению, это был хороший план.

– Дверь оказалась заперта.

– Даяня никогда не позволяет фактам испортить уверенность в собственной гениальности.

Кира подошла немного ближе к кровати.

– Он был знаком с Артёмом давно?

Вера посмотрела на нее внимательнее.

– Это лучше спросить у него самого, когда проснется.

– Все здесь считают, что отвечать на вопросы опаснее, чем ловить пули?

– Нет. Просто я действительно не знаю подробностей. Даяня занимается своими расследованиями, Марк – своими, Тимур время от времени не дает обоим погибнуть. Я появляюсь, когда они снова забывают, что человеческое тело плохо приспособлено для реализации великих планов.

– Удобная система.

– Отвратительная. Но пока другой нет.

Вера подошла к аппарату, проверила показания и поправила капельницу. Делала это уверенно, без суеты. Кира наблюдала за движениями и неожиданно спросила:

– Вы доверяете им?

– Кому именно?

– Всем троим.

Вера задумалась всего на секунду.

– В пределах их компетенции.

– Это не ответ.

– Это самый честный ответ, который могу дать. Тимур у

доверю жизнь. Даниле – информацию, если он пообещает не превращать ее в красивую драму. Марку – план, если заранее приму, что он расскажет только ту часть, которую считает необходимой. Но доверять человеку и соглашаться со всеми его решениями – разные вещи.

– Значит, я не единственная, кого раздражает Марк Северцев.

– Нет. Просто большинство людей достаточно умны, чтобы не сообщать ему об этом каждые пять минут.

Кира посмотрела на врача.

– А я недостаточно умна?

– Не знаю. Но определенно недостаточно напугана.

Это прозвучало не как комплимент.

Кира перевела взгляд на Данилу.

– Когда он проснется?

– Через несколько часов. Возможно, раньше. Возможно, позже. Не пытайтесь вытрясти из него объяснения сразу.

– Не собираюсь.

– Выглядите как человек, который собирается.

– Мне нужны ответы.

– Вам нужны сон, еда и возможность хотя бы несколько часов не принимать решений.

– Я отлично принимаю решения.

Вера посмотрела на нее с тем же выражением, с каким, вероятно, смотрела на пациентов, пытающихся уйти из больницы сразу после операции.

– Именно это обычно говорят люди, которые всю ночь спали рядом с битой.

Кира замолчала.

– Камеры, – пояснила Вера. – Здесь камеры почти везде. Не в ванной и не в спальне, конечно. Но в коридоре видно, с чем вы вошли в комнату.

– Удивительно приятно узнать.

– Привыкайте. Или не привыкайте. Здесь мало кто любит этот дом.

– Даже вы?

– Особенно я. Он означает, что у кого-то снова большие проблемы.

Вера закрыла дверь медицинской комнаты чуть плотнее, оставив узкую щель.

– Идите завтракать. Марк ждет на кухне.

– Его там не было.

– Значит, появится, как только решит, что вы достаточно осмотрелись и успели почувствовать себя свободно.

Кира посмотрела на нее с недоверием.

– Это шутка?

– Почти.

Когда она вернулась в гостиную, Марк действительно сидел за столом.

Он появился бесшумно. Не то спустился из кабинета другим коридором, не то вошел через боковую дверь, пока Кира разговаривала с Верой. Перед ним стояла чашка кофе, рядом

лежал планшет. Мужчина успел сменить вчерашнюю рубашку на темно-серую водолазку и выглядел так, будто нормально спал всю ночь, хотя Кира была почти уверена: не спал вообще. Спокойный, собранный, раздражающе аккуратный. Даже волосы лежали так, словно утренний хаос не имел права к нему приближаться.

– Доброе утро, – сказал Марк.

– Для кого как.

– Данилу видели?

– Видела.

– Вера сказала, что состояние стабильное.

– Она объяснила.

– Хорошо.

Он указал на стул напротив.

– Садитесь. Нужно поговорить.

Кира не стала спорить только потому, что сама ждала этого разговора. Подошла к кофемашине, налила себе кофе и выбрала самый дальний стул, сохраняя между ними расстояние. Марк заметил, но ничего не сказал.

– Где Тимур? – спросила она.

– Проверяет внешний периметр.

– Дом охраняют всю ночь?

– Да.

– Сколько человек?

– Достаточно.

– Это секрет?

– Нет. Просто вам не нужно знать точное количество.

– Удивительно. Я думала, вы собираетесь сегодня отвечать на вопросы.

– На существенные.

– Для меня существенным является все, что касается места, где меня удерживают против воли.

– Тогда придется начать с терминологии.

Кира отставила чашку.

– Пожалуйста. Объясните еще раз, что похищение называется защитным перемещением.

– Вы останетесь здесь до тех пор, пока мы не поймем, насколько серьезной является угроза и почему люди Ратникова пытались забрать вас живой. Это не обсуждается.

– Разумеется. Потому что обсуждение предполагает наличие у собеседника права голоса.

– Право голоса у вас есть. Право выйти за ворота прямо сейчас – нет.

– Вы слышите противоречие?

– Слышу. Оно временное.

– Насколько временное?

– Не знаю.

– День?

– Возможно.

– Неделя?

– Возможно.

– Месяц?

Марк посмотрел на нее спокойно.

– Если понадобится.

Кира почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна раздражения.

– А если я не соглашусь?

– Вы уже не согласились.

– И?

– Это не изменило ситуацию.

– Вы очень уверены в себе.

– Иногда это полезно.

– Иногда опасно.

– Тоже верно.

Он говорил без высокомерия. В голосе не было желания подавить ее или продемонстрировать власть. Именно это делало разговор еще тяжелее. Если бы Марк наслаждался контролем, его можно было бы ненавидеть проще. Но он словно не видел в запретах ничего личного. Для него Кира была частью задачи, которую необходимо решить: сохранить жизнь, ограничить перемещения, исключить утечку информации, дожидаться прояснения обстоятельств. Он не хотел лишать ее свободы. Просто считал свободу временно менее важной, чем безопасность.

– Хорошо, – сказала Кира медленно. – Допустим, я не могу уйти. Что еще?

Марк разблокировал планшет.

– Телефон останется у нас.

– Нет.

– Да.

– Я хочу позвонить на работу.

– Нельзя.

– В клубе сотрудники. Клиенты. Тренеры. Через несколько часов начнутся занятия. Люди придут и увидят разбитые двери.

– Занятия уже отменены.

Кира замерла.

– Кто отменил?

– Тимур связался с управляющим клуба.

– Каким образом?

– Через доверенного человека.

– Без моего разрешения.

– Да.

– Что именно сказали?

– Техническая авария. Клуб временно закрыт. Всем сотрудникам рекомендовано не приезжать до отдельного сообщения.

– Люди Ратникова могут использовать сотрудников, чтобы добраться до меня.

– Поэтому никто не должен появляться там сегодня.

– А если кто-то уже приехал?

– У входа работает полиция.

– Какая полиция? Та самая, которой нельзя звонить?

– Официальный вызов поступил от соседей после стрель-

бы. Мы не можем отменить очевидное происшествие. Но ваши данные пока не фигурируют в первичном сообщении. Для полиции в клубе произошел вооруженный конфликт между неизвестными лицами. Вы не свидетель и не потерпевшая, потому что формально вас там не было.

Кира смотрела на него несколько секунд.

– Вы хотите сказать, что скрыли мое присутствие на месте стрельбы.

– Да.

– И считаете это нормальным?

– Считаю необходимым.

– А если полиция найдет мои отпечатки?

– Вы администратор клуба. Ваши отпечатки там не удивят никого.

– Камеры удалены.

– Да.

– Свидетели?

– Вашего появления никто не видел. Те, кто видел, либо работали на Ратникова, либо находятся под нашей охраной.

– Под вашей охраной? Вы взяли кого-то живым?

Марк не ответил сразу.

– Один из нападавших ранен и задержан.

– Где он?

– Не здесь.

– Вы допрашиваете его?

– Пытаемся поговорить.

Кира почувствовала неприятный холод.

– Насколько добровольно?

– Достаточно добровольно, чтобы не нарушать лишних законов.

– Очень убедительная формулировка.

– Мы не пытаем людей, Кира.

– Но удерживаете.

– Временно.

– Смотрю, это ваше любимое слово.

Марк отпил кофе.

– Иногда оно помогает пережить неприятную реальность.

Она откинулась на спинку стула и несколько секунд молчала. Кофе оказался хорошим. Не слишком крепким, без горечи, горячим ровно настолько, чтобы согреть руки через стенки чашки. От этого тоже хотелось раздражаться. В доме все было организовано разумно: кофе, еда, медицина, охрана, информация, даже лож выглядела аккуратно и функционально.

– Мне нужно написать сотрудникам самой, – сказала Кира. – Хотя бы управляющему. Если я исчезну после стрельбы в клубе, это вызовет вопросы.

– Составьте сообщение. Отправим после проверки.

Она медленно поставила чашку на стол.

– После проверки?

– Да.

– Вы будете читать мою переписку.

– Сообщения, которые отправляются из дома, будем проверять.

– Это уже не безопасность. Это контроль.

– Одно не исключает другого.

– Вы понимаете, насколько отвратительно звучите?

– Да.

– И продолжаете.

– Потому что неприятная формулировка не делает меру менее необходимой.

Кира посмотрела на него внимательнее.

– Вы всегда такой?

– Какой?

– Уверенный, что можете принять любое решение, если способны достаточно спокойно объяснить его необходимость.

Марк задумался.

– Не любое.

– Но за меня – можете.

– Пока да.

– Почему?

– Потому что вчера вы пытались вернуться в клуб под выстрелами, помогали раненому человеку вместо того, чтобы уйти, собирались вызвать такси во время преследования и до сих пор думаете, что сможете самостоятельно найти Артёма быстрее людей, которые занимаются этим профессионально.

– Возможно, смогу.

– Это не аргумент в вашу пользу.

– А в чью?

– В пользу забора.

Кира невольно усмехнулась.

– Тимур тоже очень верит в забор.

– Тимур видел, как люди переоценивают собственные возможности. Обычно последствия неприятны.

– А вы?

– Я видел, как погибают люди, которым позволили сделать то, что они считали правильным.

В голосе ничего не изменилось. Только последняя фраза прозвучала чуть тише, чем предыдущие.

Кира вспомнила вчерашний разговор. Свидетель, которого Марк не смог защитить. Человек, погибший вместе с женой после утечки информации. Возможно, именно поэтому Северцев теперь не допускал отклонений. Когда однажды цена чужой самостоятельности оказалась слишком высокой, проще было выстроить систему, в которой никто не получит возможности принимать опасные решения без разрешения.

Она могла понять логику.

Принять – нет.

– Вы не можете запереть каждого человека, которого хотите защитить, – сказала Кира.

– Не каждого.

– Только самых неудобных?

– Только тех, за кем уже пришли вооруженные люди.

- И как долго собираетесь прятать меня от мира?
- Пока не выясним, что именно нужно Ратникову.
- Флешка.
- Не только.

Марк коснулся экрана планшета и развернул его к ней.

На экране открылась фотография человека, которого Кира узнала сразу. Не Артём. Мужчина в темном пальто, с аккуратно уложенными седыми волосами и спокойным лицом. Он стоял на сцене возле баннера благотворительного фонда и вручал кому-то символический чек. Рядом улыбались люди, фотографы ловили удачный ракурс. Вадим Ратников выглядел не опасным и даже не особенно властным. Скорее уверенным в себе человеком, привыкшим, что окружающие заранее знают правила поведения рядом с ним.

- Видела его, – сказала Кира. – В новостях.
- Уверен.
- И что?

Марк провел пальцем по экрану. Появилась другая фотография. Ратников разговаривал с женщиной возле входа в ресторан. Еще одна – у здания городской администрации. Еще одна – на открытии спортивного центра. Лица рядом менялись: чиновники, бизнесмены, полицейские в форме, люди, которых Кира не знала.

– Он существует не отдельно от системы, – сказал Марк. – Он и есть часть системы. Не самая заметная, но одна из самых устойчивых. Ратников годами собирал вокруг себя

людей, которым что-то нужно: деньги, должность, защита, услуга, компромат на конкурента, возможность не заметить собственные нарушения. Он не требует верности напрямую. Просто однажды напоминает о долге.

– Вы говорили, что у него строительный холдинг.

– Строительство – основа. Через подрядчиков проходят деньги, разрешения, земельные участки, связи с администрацией. Реабилитационные центры дают другой ресурс: людей, исчезновение которых мало кого заинтересует сразу. Управляющие компании – доступ к адресам, камерам, документам. Благотворительность – репутацию.

Кира почувствовала, как холод медленно проходит по спине.

– Вы думаете, в его центрах удерживают людей?

– Думаю, некоторые из них используются не только по официальному назначению.

– И у вас нет доказательств.

– Были фрагменты. Недостаточно, чтобы довести дело до суда.

– Поэтому вам нужен архив Артёма.

– Да.

– А если он действительно есть, почему брат не передал его сразу?

– Потому что боялся.

– Это на него похоже.

– И потому что пытался оставить себе страховку.

Это тоже было похоже на Артёма.

Кира опустила взгляд на фотографию Ратникова. За спокойной улыбкой не угадывалось ничего демонического. Возможно, именно так и должны выглядеть по-настоящему опасные люди. Не кричать. Не размахивать оружием. Не появляться в темных переулках в сопровождении одинаковых охранников. Достаточно стоять перед камерами в дорогом костюме и позволять другим делать грязную работу.

– Вы сказали, что люди в клубе пришли не только за Артёмом, – произнесла Кира. – За мной тоже.

– Да.

– Откуда вы знаете?

– Потому что один из нападавших назвал вас по имени. Потому что приказ взять вас живой прозвучал еще до нашего входа. Потому что ваш маршрут отслеживали. И потому что на телефоне одного из них нашли вашу фотографию.

Марк коснулся экрана.

На планшете появилась Кира.

Снимок был сделан возле клуба днем. Она выходила из здания, держа в одной руке стакан кофе, в другой – папку с документами. Волосы собраны в хвост, на плече висит сумка. Рядом стоял тренер подростковой группы и что-то говорил, широко жестикулируя. Кира не смотрела в камеру. Даже не знала, что ее фотографируют.

– Когда? – спросила она.

– Два дня назад.

– Кто снимал?

– Пока не знаем.

– Вы нашли только одну фотографию?

Марк провел пальцем по экрану.

Следующая была сделана возле супермаркета. Еще одна – возле ее дома. Потом возле машины. Еще одна – в небольшом кафе рядом с клубом. На последней Кира сидела у окна и разговаривала с кем-то по телефону.

Она смотрела на фотографии и чувствовала, как внутри поднимается не страх, а глухое отвращение. Чужой человек наблюдал. Ждал. Знал ее привычки, маршрут, машину, место работы. Возможно, видел, как она возвращается домой, какие продукты покупает, во сколько выходит утром. Кира всегда считала город пространством анонимности. Можно идти по улице, сидеть в кафе, парковаться возле магазина и не задумываться о людях вокруг. Теперь каждая фотография доказывала: анонимность существовала только до тех пор, пока никто не решил сделать ее объектом наблюдения.

– Почему вы не сказали вчера? – спросила она.

– Потому что вы и без того пережили достаточно.

– Не решайте, что для меня достаточно.

– Хорошо.

– Это не ответ.

– Тогда другой: вчера вам нужно было остаться в доме.

Фотографии ничего не изменили бы, кроме уровня тревоги.

– Вы снова решили за меня.

– Да.

– И продолжаете считать это правильным.

– Да.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– Вы невероятно удобный человек для ненависти.

– Мне говорили.

– Часто?

– Достаточно.

Она забрала планшет и снова просмотрела фотографии. На одной из них Артём стоял возле ее машины. Снимок оказался старше остальных, сделан, судя по сухому асфальту, несколько недель назад. Брат выглядел привычно: небритый, в расстегнутой куртке, с телефоном у уха. Кира помнила тот день. Артём приехал без предупреждения, попросил ключи от клуба и уверял, что забыл внутри папку с документами. Она тогда раздражалась, потому что торопилась на встречу с управляющим торгового центра. Отдала ключи, не задавая лишних вопросов.

– Он использовал клуб, – сказала Кира.

– Возможно.

– Не возможно. Он приходил туда без меня. Несколько раз. Я думала, оставляет вещи или встречается с приятелями после закрытия. Он знал код сигнализации. У него были ключи.

– Мы тоже допускаем, что клуб служил ему местом встреч.

– Почему не офис? Не квартира?

– Потому что клуб принадлежал не ему. Если за Артёмом следили, он мог рассчитывать, что случайные визиты туда не вызовут подозрений.

– И втянул меня.

Марк молчал.

– Он понимал, что втягивает меня, – повторила Кира.

– Не знаю.

– Вы всегда так осторожны с формулировками?

– Когда не уверен.

– А я уверена. Артём прекрасно понимал. Просто решил, что контролирует ситуацию.

Она отодвинула планшет.

В памяти всплыли последние месяцы. Странные просьбы брата. Забрать посылку у знакомого. Оставить ключи. Не звонить несколько часов. Перевести небольшую сумму «до пятницы». Ничего из этого по отдельности не выглядело особенно подозрительно, потому что вся жизнь Артёма состояла из подобных мелких просьб. Он давно приучил окружающих считать хаос частью собственной натуры. Возможно, именно поэтому сумел спрятать настоящую опасность внутри привычной безответственности.

– Я хочу увидеть того человека, которого вы задержали, – сказала Кира.

– Нет.

– Почему?

– Потому что это ничего вам не даст.

– Он знает, кто фотографировал меня.

– Возможно.

– Знает, где Артём.

– Вряд ли.

– Откуда вы знаете?

– Людям такого уровня не сообщают больше, чем требуется для конкретной задачи.

– Но спросить можно.

– Уже спрашивают.

– Я хочу присутствовать.

– Нет.

– Вы собираетесь запрещать все подряд?

– Только то, что сочту опасным или бессмысленным.

– Очень широкая категория.

– Именно поэтому удобная.

Кира наклонилась вперед.

– Послушайте, Марк. Я не часть вашего плана. Не вещь, которую можно поставить в безопасный угол и забрать, когда станет удобно. Артём мой брат. В клубе стреляли в меня. За мной следили. Вы не можете просто сообщать факты порциями и ждать, что я буду послушно пить кофе до тех пор, пока мужчины решают, сколько правды мне выдержать.

– Не жду.

– Тогда что?

– Жду, что вы будете спорить, пытаться выйти наружу, за-

давать слишком много вопросов и проверять каждую дверь в доме.

Кира замерла.

– Вы следили за мной по камерам.

– Да.

– Включая кабинет наверху?

– Вы в него не вошли.

– Потому что слышала шаги.

– Тимур поднялся специально.

Несколько секунд она смотрела на Марка, не веря собственной ярости.

– Вы устроили проверку?

– Нет. Наблюдали, как вы будете действовать.

– Разница очень тонкая.

– Но есть.

– И к какому выводу пришли?

– К ожидаемому.

– Какому именно?

– Вы не станете сидеть спокойно.

– Это было сложно предсказать?

– Нет. Но теперь знаем, что именно будете делать: искать выход, собирать информацию, проверять окна, изучать распорядок охраны, пытаться получить доступ к телефону и выяснять, какие помещения закрыты.

Кира молчала.

Марк перечислял ее собственные действия настолько точ-

но, что возникло почти физическое ощущение вторжения. Он не просто наблюдал. Анализировал. Разбирал ее поведение на составные части, заранее подстраивал систему и, вероятно, уже решил, какие попытки допустит, а какие оставит.

– Вы отвратительный человек, – сказала она.

– Возможно.

– И вас совершенно не задевает чужое мнение.

– Задевает. Но не всегда меняет решения.

– Вы хотите, чтобы я подчинилась?

– Нет.

Ответ оказался неожиданным.

– Тогда чего хотите?

– Чтобы вы понимали правила. Подчинение предполагает доверие или признание моего права командовать. Ни того ни другого у вас нет. Поэтому достаточно, если будете знать последствия.

Марк встал из-за стола и подошел к небольшому экрану возле стены. Нажал несколько кнопок. На дисплее появилось схематичное изображение участка: дом, гараж, дорожка, ворота, периметр забора, несколько камер.

– Территория закрыта, – сказал он. – Ворота открываются только изнутри пункта охраны или по коду. Код меняется каждые сутки. Калитка заперта отдельно. Вдоль забора работают датчики движения. Камеры покрывают почти весь двор, кроме небольшого участка возле хозяйственного бло-

ка. Там тоже есть датчик. Пытаться перелезть через забор не стоит.

– Почему?

– Высоко. Сверху металлические элементы. Можно получить серьезную травму.

– Электричество?

– Нет.

– Собаки?

– Нет.

– Мины?

Марк посмотрел на нее.

– Нет.

– Уже утешает.

– Если решите выйти через окно второго этажа, выбирайте веранду. Прыгать прямо на дорожку опасно. Но лучше не решайте.

Кира прищурилась.

– Вы специально рассказываете о слабых местах?

– Нет слабых мест, которые позволят уйти незаметно. Зато есть способы не сломать ногу, если все-таки попытаетесь.

– Поразительная забота.

– Практичность.

– А если я просто выйду через дверь?

– Во двор – пожалуйста. За ворота – нет.

– И если попробую?

– Охрана остановит.

- Силой?
- Без причинения вреда, насколько возможно.
- Насколько возможно?
- Зависит от вас.

Кира усмехнулась.

- Наконец-то честный ответ.
- Других не будет.
- Телефон?
- Останется у нас.
- Ноутбук?
- В доме есть компьютер без выхода во внешнюю сеть.

Можете пользоваться.

- Интернет?
- Нет.
- Телевизор?
- Есть обычные каналы.
- Очень щедро.
- Связь с сотрудниками организуем через сообщения после проверки. При необходимости сможете поговорить с управляющим через защищенный канал и в нашем присутствии.

- В вашем присутствии.
- Да.
- Почему не под запись?
- При необходимости и под запись.

Кира покачала головой.

- У вас действительно все продумано.
- Не все. Поэтому вы здесь.
- Прекрасно. Что еще запрещено?
- Покидать территорию. Пытаться связаться с внешним миром без согласования. Заходить в медицинскую комнату без разрешения Веры. Трогать оружие. Вмешиваться в работу охраны. Открывать ворота. Рассказывать кому-либо, где находитесь, если получите доступ к связи.

- А дышать можно?
- Желательно.
- Есть по расписанию?
- Как захотите.
- Спать?
- Тоже.
- Пользоваться ванной?
- Без предварительного согласования.
- Какая свобода.

Марк выключил экран.

- Это не наказание, Кира.
- Вы часто говорите подобное людям, которых запираете?
- Редко приходится.
- Но дом подготовлен слишком хорошо для первого раза.
- Дом использовали как безопасное место и раньше.
- Для кого?
- Для свидетелей. Иногда для людей, которым угрожали. Иногда для тех, кого нужно было спрятать до передачи ин-

формации.

– Добровольно?

Марк посмотрел на нее прямо.

– Не всегда.

Кира ожидала уклончивого ответа. Честность неожиданно обезоружила.

– И сколько из них пытались сбежать?

– Несколько.

– Удалось?

– Одному.

– Что с ним случилось?

Марк не ответил сразу.

– Его нашли через два дня.

– Живым?

– Нет.

Тишина стала тяжелее.

Кира отвернулась к окну. Во дворе по-прежнему падал снег. Человек у ворот сменился: теперь там стоял другой охранник, высокий и худощавый, в темной куртке. Он медленно прошел вдоль забора, проверил калитку, посмотрел на камеры. Все выглядело буднично. Почти скучно.

– Вы рассказываете это, чтобы напугать меня, – сказала она.

– Да.

– Наконец-то признались.

– Страх иногда полезен.

– А если я все равно попытаюсь уйти?

– Тимур вас остановит.

– Почему именно Тимур?

– Потому что я предпочитаю не бегать за людьми по снегу.

Кира невольно улыбнулась.

– А он предпочитает?

– Он умеет.

Марк вернулся к столу.

– Есть еще один вопрос.

– Какой?

– Ваши вещи.

– Что с ними?

– Нам нужно проверить сумку, куртку и все, что было при вас.

– Уже проверили?

– Поверхностно.

– Без разрешения.

– Да.

– И теперь просите разрешение на более тщательный обыск?

– Нет. Предупреждаю.

Кира посмотрела на него с холодным недоверием.

– Что именно вы ищете?

– Любой предмет, который мог оставить Артём. Носитель информации, записку, ключ, карту памяти, метку, устройство слежения.

– Если он что-то подложил, я могла не заметить.

– Именно.

– И вы думаете, что я добровольно отдам все вещи?

– Да.

– Почему?

– Потому что несколько минут назад увидели фотографии и поняли: Артём мог использовать вас, не предупредив. Вы хотите знать, насколько далеко он зашел.

Кира сжала пальцы вокруг чашки.

Марк снова попал точно.

В ее сумке не было ничего особенного. Кошелек, ключи, документы, косметичка, блокнот, несколько чеков, зарядка, маленький складной зонт, упаковка обезболивающего, резинка для волос. Куртка тоже не скрывала тайн. Но уверенность исчезла. Артём имел доступ к квартире, машине и клубу. Мог положить что-нибудь куда угодно. В карман редко используемой сумки. В багажник. Среди спортивных вещей. В старую коробку с документами. Если действительно прятал часть архива, то выбрал бы место, которое считал безопасным.

Артём всегда считал сестру безопасным местом.

Кира встала.

– Хорошо.

Марк поднял взгляд.

– Что?

– Проверим вещи. Но при мне.

– Разумеется.

– И если найдете что-то, сначала покажете мне.

– Если это не создаст угрозу.

– Марк.

– Покажу.

– Без исключений.

Он немного помолчал.

– Хорошо.

– И еще. Я получу список всех вещей, которые заберете.

– Да.

– Копию сообщений, которые отправите от моего имени.

– Да.

– Возможность поговорить с управляющим клуба.

– После того как подготовим защищенный канал.

– Сегодня.

– Сегодня.

Кира скрестила руки на груди.

– Смотрите-ка. Иногда вы способны разговаривать как человек.

– Иногда вы способны вести переговоры.

– Не привыкайте.

– Не планировал.

Он собрал планшет и направился к двери.

– Через десять минут принесите вещи в кабинет наверху.

– Вы собираетесь обыскивать их лично?

– С вами будет женщина из охраны, если предпочитаете.

– Предпочитаю.

– Хорошо.

Кира уже собиралась уйти, но остановилась.

– И последнее.

Марк повернулся.

– Где мой телефон?

– В сейфе.

– Вы выключили его?

– Да.

– Можно проверить входящие, не включая связь?

– Позже.

– Почему позже?

– Потому что сначала нужно понять, какие сообщения безопасно открывать.

– Вы думаете, телефон заражен?

– Не исключаю.

– А если Артём попытается связаться?

– Увидим.

– Но отвечать не позволяйте.

– Пока нет.

– Даже если он попросит помощи?

– Особенно если попросит помощи.

Кира почувствовала, как внутри снова поднимается сопротивление.

– Вы не знаете моего брата.

– Знаю достаточно, чтобы понимать: он умеет создавать

проблемы, которые другим приходится решать вместо него.

– Это могу говорить я.

– Значит, согласны.

– Не означает, что позволю использовать его как приманку.

– И не означает, что Артём снова не попытается использовать как приманку вас.

Она замолчала.

Марк открыл дверь.

– Десять минут, Кира.

– Я не работаю по вашему расписанию.

– Сегодня работаете.

– Невыносимый человек.

– Мне говорили.

Он ушел.

Кира осталась возле стола. Кофе остыл, завтрак так и остался нетронутым. Есть не хотелось, хотя желудок напоминал, что последний нормальный прием пищи был еще вчера днем. Она взяла яблоко, машинально покрутила в ладони и снова положила на место.

Из медицинского коридора донесся слабый голос:

– Если будете спорить с Марком натошак, проиграете быстрее.

Кира мгновенно повернулась.

Данила стоял в дверях.

Точнее, не стоял. Полусидел на кровати, опираясь на под-

нятое изголовье, и выглядел так, будто даже это положение требует от него слишком много сил. Дверь медицинской комнаты оставалась открыта шире, чем раньше. Видимо, Вера вышла ненадолго и не заметила, что пациент пришел в сознание. Волосы Данилы растрепались еще сильнее. Лицо оставалось бледным, губы сухими. Но глаза были открыты, а в них уже появилось знакомое выражение человека, который считает любую ситуацию недостаточно плохой, пока не добавил к ней шутку.

Кира подошла ближе.

– Вы очнулись.

– Судя по всему.

– Вера разрешила разговаривать?

– Вера запретила разговаривать.

– Тогда молчите.

– Очень трогательно, что вы сразу начали заботиться о моем здоровье.

– Я пытаюсь не дать вам снова потерять сознание.

– Не переживайте. Второй раз уже не так впечатляет.

– Вы невозможный человек.

– Мне тоже говорили.

Кира остановилась у двери.

– Как себя чувствуете?

– Прекрасно. Всегда хотел узнать, что происходит, если в человеке сделать дополнительное отверстие.

– И?

– Переоцененный опыт. Не рекомендую.

– Почему не спите?

– Проснулся от голоса Марка. Он способен читать правила безопасности с таким выражением, что даже мертвые начинают сожалеть о нарушениях.

– Вы слышали разговор?

– Частично. Стены хорошие, но не настолько.

– Тогда знаете, что я не могу уйти.

– Знаю.

– И считаете это нормальным?

Данила посмотрел на нее внимательнее. Ирония осталась, но стала слабее.

– Считаю, что если выйдете за ворота сегодня, люди Ратникова найдут вас раньше, чем вы успеете вызвать такси.

– Все здесь любят вспоминать такси.

– Тимур уже рассказал. Подробно. В трех предложениях, что для него почти роман.

– Я не собиралась стоять посреди дороги с табличкой.

– Но собирались уйти.

– Потому что мой брат исчез.

– Именно поэтому вам нельзя идти одной.

Кира прислонилась плечом к косяку.

– Вы тоже начинаете читать лекции?

– Нет. У меня мало сил. Ограничусь дружеским предупреждением.

– Мы не друзья.

– Пока нет.

– Самоуверенно.

– Пуля делает человека оптимистом.

Она посмотрела на него внимательнее.

– Что произошло до моего приезда?

Данила прикрыл глаза на несколько секунд.

– Вера убьет меня, если начну рассказывать сейчас.

– Я могу подождать.

– Правда?

– Нет. Но сделаю вид.

Он улыбнулся.

– Артём назначил встречу. Сказал, что готов передать часть архива и объяснить, где взять остальное. Пришел раньше. Нервничал. Проверял окна, ходил по залу, курил возле служебного входа, хотя уверял, что бросил. Потом получил сообщение и сказал, что нужно выйти на несколько минут.

– От кого сообщение?

– Не показал.

– Вы отпустили?

– Попробуйте остановить вашего брата, если он уже решил, что знает лучше всех.

– Знакомо.

– Он ушел через служебную дверь. Через две минуты погас свет. Потом вошли люди.

– Вы думаете, Артём вас подставил?

Данила открыл глаза.

- Не знаю.
- Но допускаете.
- Допускаю все, что не противоречит фактам.
- Это фраза Марка?
- К сожалению, влияние среды.
- Почему вы остались в клубе после ранения?
- Ждал возвращения Артёма.
- Или меня?

На этот раз Данила замолчал.

Кира выпрямилась.

– Вы знали, что я приеду?

– Не сразу.

– Когда узнали?

– Увидел сообщение на телефоне Артёма.

– Телефон был у вас?

– На полу возле стойки. Экран загорелся, когда пришло ваше сообщение.

– Значит, он ушел без телефона.

– Да.

– Почему вы не позвонили мне сами?

– Потому что у меня не было вашего номера, а телефон оказался заблокирован.

– Но вы могли ответить, когда я звонила.

– Не мог. И даже если бы мог, не стал бы. За входом уже наблюдали.

Кира вспоминала момент, когда стояла возле машины и

звонила брату. Телефон играл внутри клуба. Она слышала мелодию. Данила находился в зале, раненый, с оружием в руке. Люди Ратникова, возможно, ждали во дворе или наблюдали из машины. А она сама вошла внутрь, потому что не умела отступить, если речь шла об Артёме.

– Вы могли уйти через служебный выход, – сказала она.

– Сначала мог.

– Почему не ушли?

Данила посмотрел на нее спокойно.

– Потому что понимал: если вы приедете и увидите открытый клуб, то войдете внутрь.

Кира не ответила.

– Вы знали меня меньше, чем сейчас, – сказала она наконец.

– Артём рассказывал.

– Что именно?

– Что вы приезжаете всегда.

Снова эти слова.

Тимур произнес их ночью почти тем же тоном. Теперь Данила повторил. Наверное, брат говорил об этом не однажды. Может быть, даже гордился. Улыбался своей обычной виноватой улыбкой и рассказывал, что сестра его не бросит. Никогда. Что бы ни случилось.

Когда-то эта уверенность казалась Кире формой любви.

Теперь – удобством.

– Поэтому вы ждали, – сказала она.

– Да.

– И получили пулю.

– Не из-за вас.

– Но могли уйти.

– Мог.

– Почему не ушли после того, как поняли, что Артём не вернется?

Данила усмехнулся, но в этот раз без веселья.

– Потому что вы бы вошли одна.

Кира посмотрела на него.

За окном падал снег. Где-то в глубине дома работала вентиляция. На кухне медленно остывал кофе. Данила лежал бледный, слабый, с повязкой под больничной рубашкой и капельницей в руке, но все равно пытался представить случившееся как неприятную бытовую случайность.

– Спасибо, – сказала Кира тихо.

Он приподнял бровь.

– Неожиданно.

– Не привыкайте.

– Постараюсь.

– И все-таки вы идиот.

– Это уже привычнее.

В коридоре послышались шаги.

Вера вошла в комнату, увидела открытые глаза пациента и остановилась.

– Я велела спать.

– Я пытался.

– Ты разговариваешь.

– Это разновидность дыхательной гимнастики.

– Я сейчас устрою тебе такую гимнастику, что несколько дней даже моргать будешь только с разрешения.

Она подошла к кровати и проверила капельницу.

– Кира, не позволяйте ему изображать героя.

– Не собиралась.

– Поздно, – сказал Данила. – Уже произвел впечатление.

– На кого?

– На девушку с битой.

Вера посмотрела на Киру.

– Он всегда такой после наркоза. Впрочем, до наркоза тоже.

– Я заметила.

– Пять минут закончились.

– Мы говорили меньше.

– Лжешь.

– Значит, чувствую себя лучше.

Вера поправила одеяло и посмотрела на Киру.

– Ему нужен покой.

– Я ухожу.

Кира развернулась, но Данила тихо окликнул:

– Кира.

Она остановилась.

– Что?

– Не лезьте через забор.

– И вы тоже?

– Особенно через северную сторону.

– Почему?

– Там камера слепнет на несколько секунд, когда идет сильный снег. Тимур давно собирался исправить.

Вера медленно повернула голову к нему.

– Даня.

– Что?

– Ты сейчас помогаешь ей сбежать?

– Предупреждаю об опасности.

– Очень убедительно.

Кира посмотрела на Данилу внимательнее.

– Северная сторона?

– Забудьте.

– Уже забыла.

– Прекрасно.

Вера закрыла дверь почти перед ее носом.

Кира осталась в коридоре одна.

Через десять минут она принесла вещи в кабинет. Женщина из охраны, представившаяся Ириной, проверяла сумку внимательно, но без унижительной тщательности. Каждую вещь выкладывала на стол, называла вслух, показывала Кире и записывала в небольшой список. Марк сидел напротив, наблюдая и время от времени задавая вопросы.

Ничего подозрительного не нашли.

Кошелек. Документы. Ключи. Зарядка. Косметичка. Зонт. Блокнот. Несколько ручек. Таблетки. Чеки. Маленькая упаковка влажных салфеток. Ничего, что могло бы объяснить интерес людей Ратникова.

Потом принесли куртку.

Ирина проверила карманы, прощупала подкладку, осмотрела швы. Нашла только мелочь и смятый магазинный чек. Перешла к джинсам, в которых Кира приехала. Потом к ботинкам. Сняла стельки. Проверила подошву.

– Чисто, – сказала она.

Марк не выглядел разочарованным.

– Машина?

– Уже осматривают, – ответила Ирина.

Кира подняла голову.

– Мою машину забрали из клуба?

– Да, – сказал Марк.

– Без разрешения.

– Если бы оставили, полиция зафиксировала бы ваше присутствие.

– Где она?

– В гараже на другом объекте.

– Я хочу получить ключи.

– Нет.

– Почему?

– Потому что за ворота вы не поедете.

Кира закрыла глаза на секунду.

– Вы способны хотя бы один разговор не заканчивать за-
претом?

– Когда появится возможность.

Ирина вышла, оставив вещи на столе. Марк собрал список
и передал Кире.

– Все останется у вас.

– Кроме телефона и машины.

– Да.

– Очень щедро.

Она взяла сумку и направилась к двери.

– Кира.

– Что еще?

– Не пытайтесь выйти через северную сторону.

Она остановилась.

– С чего вы решили, что попытаюсь?

– Данила проснулся.

– И?

– Он любит давать неправильные советы правильным лю-
дям.

Кира посмотрела на Марка.

– Вы подслушивали разговор?

– Вера рассказала.

– Я не собираюсь перелезть через забор.

– Конечно.

– Не собираюсь.

– Верю.

– Вы невыносимы.

– Мне говорили.

Она вышла из кабинета и закрыла дверь чуть сильнее, чем требовалось.

До обеда Кира старалась вести себя разумно.

Позвонила управляющему клуба через ноутбук, который Тимур принес в гостиную и поставил перед ней. Связь действительно шла через какую-то защищенную программу. Марк сидел неподалеку, делая вид, что занят планшетом, хотя Кира прекрасно понимала: слушает каждое слово. Управляющий выглядел растерянным и встревоженным. Сказал, что возле клуба полиция, внутрь никого не пускают, занятия отменены, сотрудники получили сообщения. Кира объяснила, что находится у знакомых, не пострадала, но несколько дней не сможет появиться на работе. Пришлось соврать о семейных обстоятельствах и попросить не пытаться связаться с ней напрямую. Ложь далась тяжелее, чем ожидалось. Управляющий задавал вопросы, Кира отвечала уклончиво, Марк молчал и только один раз едва заметно покачал головой, когда она почти назвала срок возвращения.

После разговора Тимур забрал ноутбук.

– Я могла бы сама закрыть программу, – сказала Кира.

– Могли бы.

– Но вы все равно забрали.

– Да.

– Вы нарочно делаете все максимально раздражающим

образом?

– Нет.

– Природный талант?

Тимур задумался.

– Возможно.

Кира поняла, что спорить с ним почти бесполезно. Не потому, что мужчина был невосприимчив к словам. Наоборот. Он слушал внимательно, замечал каждую интонацию и отвечал почти всегда по существу. Просто после ответа продолжал делать ровно то, что считал необходимым. Разозлить Тимура было трудно. Убедить – еще труднее.

Она пообедала, хотя аппетита почти не было. Потом прошла по дому, не скрывая любопытства. Заглянула в гостиную, на кухню, в небольшой тренажерный зал, в библиотеку, на закрытую веранду. Несколько дверей оставались закрытыми. Одна вела в гараж, другая – в подвальное помещение, третья – в рабочий кабинет на первом этаже. Марк не мешал. Тимур тоже. Камеры следили.

Кира вышла во двор.

Холодный воздух ударил в лицо. Снег почти прекратился, но небо оставалось тяжелым, серым. Дорожки были расчищены. За домом находилась небольшая беседка, дальше хозяйственный блок и узкая полоса земли вдоль забора. Ворота действительно выглядели внушительно: высокий металл, электронный замок, камера над калиткой, небольшая будка охраны сбоку. Человек Тимура стоял внутри, просматривая

экраны.

Кира прошла вдоль дома, затем свернула к задней части участка.

Никто не остановил.

Она чувствовала взгляд камер и знала, что за ней наблюдают. Это раздражало, но одновременно давало возможность изучить территорию без необходимости скрываться. Если Марк заранее ожидает попытки побега, разумнее сначала показать, что она не торопится. Улыбнуться охраннику. Пройтись. Подышать воздухом. Вернуться внутрь. Попытаться выглядеть человеком, который постепенно принимает правила.

Северную сторону Кира нашла легко.

Там забор проходил вдоль старых сосен. Ветви нависали над участком, создавая тень даже днем. Камера действительно стояла неудачно: высоко на металлической опоре, повернутая под углом к дорожке. Между двумя секциями оставался участок, который мог выпадать из обзора, особенно во время снегопада. Но датчики, о которых говорил Марк, наверняка работали исправно. Забор был высоким, около трех метров, сверху заканчивался острыми декоративными элементами. Перелезть без подготовки сложно. С лестницей – возможно.

Лестница стояла возле хозяйственного блока.

Кира заметила ее сразу. Складная алюминиевая, прислоненная к стене и закрепленная обычным ремнем. Наверное,

охрана не считала ее опасностью. Или специально оставила на виду, чтобы проверить, насколько быстро пленница попытается воспользоваться очевидной возможностью.

– Даже не думайте, – сказал Тимур.

Кира обернулась.

Он стоял в нескольких метрах, без куртки, только в темной толстовке, и смотрел то на лестницу, то на нее. Подошел бесшумно, как всегда.

– О чем?

– О лестнице.

– Я просто гуляю.

– Возле хозяйственного блока.

– Запрещено?

– Нет.

– Тогда в чем проблема?

– Вы смотрите на нее слишком заинтересованно.

– Возможно, люблю лестницы.

Тимур подошел ближе и встал рядом.

– Забор высокий.

– Марк сообщил.

– Сверху металл.

– Тоже сообщил.

– Перелезть неудобно.

– Проверяли?

– Да.

Кира повернула голову.

– Вы перелезали через собственный забор?

– Нужно было понять слабые места.

– И?

– С лестницей можно.

Она улыбнулась.

– Очень полезная информация.

– Без лестницы сложнее.

– Еще полезнее.

– Но вы не полезете.

– Почему?

– Потому что на улице холодно, у вас нет телефона, денег и машины. До ближайшего поселка несколько километров. Люди Ратникова могут искать вас. А мы заметим через десять секунд.

– Значит, вы пришли читать лекцию о рациональности?

– Нет.

– Тогда зачем?

Тимур посмотрел на нее спокойно.

– Поставить лестницу ближе.

Кира не сразу поняла.

– Что?

Он подошел к стене, расстегнул ремень, взял лестницу одной рукой и перенес к забору. Поставил рядом, прислонив к металлу.

– Так удобнее, – сказал Тимур.

Кира смотрела на него с недоверием.

– Вы издеваетесь?

– Нет.

– Предлагаете мне сбежать?

– Если все равно попытаетесь, лучше без перелома.

– А датчики?

– Сработают.

– Камеры?

– Тоже.

– Охрана?

– Придет.

– И вы меня снимете с забора.

– Скорее всего.

Кира почувствовала, как уголки губ сами собой приподнимаются.

– Вы всегда решаете проблемы настолько странно?

– Работает.

– Вы рассчитываете, что теперь я не полезу, потому что это слишком очевидно?

– Нет. Рассчитываю, что не сломаете ногу.

Он развернулся и пошел к дому.

– Тимур.

Мужчина остановился.

– Данила сказал, северная камера слепнет во время снегопада.

– Данила много говорит.

– Это правда?

– Иногда.

– Сейчас?

Тимур посмотрел на небо.

– Может быть.

– И вы все равно оставляете лестницу.

– Да.

– Почему?

– Потому что если решите сбежать, остановить вас придется не забором.

– А чем?

Он выдержал короткую паузу.

– Разговором.

Кира усмехнулась.

– Марк с этим не согласится.

– Марк предпочитает заборы.

– А вы?

Тимур посмотрел прямо ей в глаза.

– Я предпочитаю, чтобы люди понимали, почему остаются.

Он ушел.

Кира осталась возле лестницы.

Несколько минут смотрела вслед мужчине, затем подняла взгляд на забор. Металл темнел на фоне серого неба. С другой стороны находилась дорога, ведущая к поселку, городу, клубу, квартире, телефону, возможности искать Артёма самостоятельно. Там же могли находиться люди Ратникова,

которые фотографировали ее возле дома и ждали в клубе.

Разум говорил, что Тимур прав. Уходить сейчас глупо.

Раздражение отвечало, что остаться по приказу еще хуже.

Кира медленно коснулась холодной алюминиевой перекладины лестницы.

Потом повернулась и пошла в дом.

До вечера она больше не пыталась изучать забор. Разговаривала с Верой, которая разрешила ненадолго увидеть Данилу, когда тот снова проснулся. Ела почти без аппетита. Смотрела новости, где сообщалось о стрельбе в бойцовском клубе на окраине города. В коротком сюжете показывали полицейские машины, разбитую дверь и людей в форме, входящих внутрь. Диктор говорил о конфликте между неизвестными лицами, один из которых, предположительно, получил ранение. Никаких имен. Никаких сведений об Артёме. Никаких упоминаний о Кире.

Она смотрела на экран и испытывала странное ощущение раздвоения. На телевизоре существовала официальная версия ночи: неизвестные, конфликт, следственные действия. В доме – другая: архив, Ратников, исчезновение брата, слежка, фотографии, телефон в сейфе. Какая из них была ближе к правде, Кира не знала. Возможно, обе являлись лишь частями чего-то гораздо большего.

После ужина Марк снова появился в гостиной.

– Машину проверили, – сказал он.

Кира мгновенно подняла голову.

- И?
- Ничего подозрительного.
- Значит, ключа у меня нет.
- Не обязательно.
- Вы будете искать в квартире?
- Уже начали проверять возможные варианты.
- Без меня.
- Да.
- Вы проникли в мою квартиру?
- Нет. Пока только наблюдаем.
- Удивительно, что хотя бы это считаете границей.
- Границы существуют.
- Просто не там, где я ожидаю.
- Возможно.

Кира отложила чашку.

- Есть новости об Артёме?
- Нет.
- О задержанном?
- Говорит мало. Знает еще меньше.
- Имя?
- Павел Костров.

– Работает на Ратникова?

– Через посредника. Получил адрес клуба, фотографию Данилы и вашу. Задача – забрать носитель и доставить вас живой, если появитесь.

- Почему меня?

- Не знает.
- Или не говорит.
- И то и другое возможно.
- Кто дал приказ?
- Человек по имени Глеб. Фамилию не знает.
- Вы верите?
- Частично.
- Что дальше?
- Ищем Глеба.
- А я?
- Остаетесь здесь.
- Все дороги снова ведут к забору.
- Пока да.

Марк посмотрел в сторону окна.

- Тимур сообщил, что вы гуляли.
- Он докладывает обо всем?
- О существенном.
- Лестница тоже существенна?
- Особенно лестница.
- И что вы с ней сделали?
- Ничего.
- Почему?

Марк перевел взгляд на Киру.

- Потому что если убрать, вы найдете другой способ.
- Наконец-то начинаете понимать.
- Понимал с самого начала.

– Тогда зачем оставили?

– Посмотрим, действительно ли вы полезете.

Кира прищурилась.

– Вы проверяете меня?

– Наблюдаю.

– Это одно и то же.

– Не совсем.

– И что произойдет, если полезу?

– Тимур вас снимет.

– А потом?

– Поговорим.

– Снова правила?

– Возможно, новые.

– Вы звучите как директор школы, который устал от проблемного подростка.

– Вы ведете себя как человек, сознательно проверяющий границы.

– Потому что хочу знать, где они проходят.

– Уже знаете.

– Нет. Я знаю, что написано на бумаге. Но не знаю, насколько далеко вы готовы зайти, чтобы меня удержать.

На этот раз Марк ответил не сразу.

– Достаточно далеко, – сказал он наконец.

– Силой?

– Если понадобится.

– И вам будет легко?

– Нет.

Кира смотрела на него внимательнее.

– Но вы все равно сделаете.

– Да.

В голосе не было угрозы. Именно поэтому слова прозвучали особенно тяжело.

Марк действительно остановит. Не из желания сломить сопротивление, не из злости и не ради демонстрации власти. Просто потому, что уже решил: безопасность Киры важнее ее согласия. Он выдержит ненависть, ругань и любые обвинения, если сочтет их меньшей ценой по сравнению с риском.

Отчасти это пугало.

Отчасти – раздражало сильнее любых угроз.

– Спокойной ночи, Марк, – сказала Кира.

– Не советую.

– Что именно?

– Лезть через забор ночью. Снег усилится. Металл станет скользким.

– Спасибо за заботу.

– Это не забота.

– Практичность?

– Именно.

Он ушел.

Кира осталась у окна.

Снег действительно усилился ближе к полуночи. Крупные хлопья медленно падали в свете фонарей, скрывая дальнюю

часть двора. Камера на северной стороне то появлялась, то исчезала за белой завесой. Охранник прошел вдоль забора, проверил ворота и скрылся за углом дома. Следующая смена должна была появиться минут через двадцать.

Кира стояла в темной комнате и смотрела вниз.

Она понимала, что побег не имеет смысла. Без телефона, машины и четкого плана она не доберется далеко. Тимур заметит. Охрана перехватит. Даже если каким-то чудом удастся выйти за ворота, придется идти несколько километров по снегу, искать помощь и рисковать встречей с людьми Ратникова.

Но дело уже не только в побеге.

Марк установил правила. Тимур поставил лестницу. Дом наблюдал за каждым ее движением. Все трое, включая раненого Данилу, были уверены: Кира попытается проверить границы.

Если она останется в комнате только потому, что они оказались правы, это будет почти похоже на капитуляцию.

Кира надела толстовку, сунула ноги в ботинки и подошла к двери. На секунду задержалась, посмотрела на битую возле стены и решила оставить. Тащить ее через забор было глупо. Потом тихо вышла в коридор.

Дом спал не полностью. Внизу горел свет возле кухни. Где-то работал телевизор без звука. Возле медицинской комнаты сидела Вера с книгой в руках. Кира прошла другой лестницей, стараясь не шуметь, открыла боковую дверь и вы-

шла во двор.

Снег сразу осел на волосы и плечи.

Воздух был морозным, чистым, почти болезненно свежим после теплого дома. Кира медленно пошла вдоль дорожки, не ускоряя шага. Если камеры следят, резкое движение ничего не изменит. Лучше дать охране несколько секунд на сомнение: просто гуляет или действительно собирается делать глупость.

Лестница стояла там же.

Тимур не убрал.

Кира остановилась рядом, положила ладонь на холодный металл и посмотрела вверх. Забор казался выше, чем днем. Перекладины лестницы блестели от снега. На вершине действительно торчали острые декоративные элементы, способные порвать одежду или оставить глубокую царапину.

Разум снова предложил вернуться.

Кира поднялась на первую ступень.

Потом на вторую.

Камера на опоре едва заметно повернулась.

Она улыбнулась.

– Ну конечно.

Поднялась выше. Лестница немного качнулась, но стояла устойчиво. Снег падал в лицо, мешал видеть. На четвертой ступени стало ясно, что выбраться действительно возможно. Нужно подняться почти до конца, осторожно перекинуть ногу через верхнюю перекладину, не задев металл,

затем спуститься по другой стороне, цепляясь за секции забора. Неудобно. Опасно. Но реально.

Кира поднялась еще выше.

– Я же говорил, что с лестницей проще.

Голос прозвучал снизу.

Она замерла и посмотрела через плечо.

Тимур стоял у основания лестницы, скрестив руки на груди. Без куртки. Только в темной футболке, словно снег и холод не имели к нему никакого отношения. Волосы быстро покрывались белыми точками. На лице не было ни раздражения, ни удивления.

– Вы всегда ходите бесшумно? – спросила Кира.

– Почти.

– Следили?

– Ждал.

– Уверены были, что полезу?

– Да.

– Самоуверенно.

– Вы предсказуемы.

Кира нахмурилась.

– Это оскорбление.

– Наблюдение.

– И что теперь?

– Спускайтесь.

– А если не хочу?

– Все равно спускайтесь.

– Опять приказ?

– Совет.

– Неубедительный.

Она поднялась еще на одну ступень.

Тимур медленно выдохнул.

– Кира.

– Что?

– Металл скользкий.

– Вижу.

– Забор высокий.

– Уже слышала.

– За ним темно, холодно и несколько километров дороги.

– Тоже знаю.

– Телефона нет.

– Благодаря вам.

– Денег почти нет.

– Благодаря моей забывчивости.

– Люди Ратникова могут дежурить возле поселка.

– Возможно.

– И вы все равно хотите перелезть.

Кира посмотрела вниз.

– Хочу понять, сможете ли вы меня остановить.

Тимур поднял голову. Несколько секунд молчал.

– Смогу.

– Уверены?

– Да.

– Тогда попробуйте.

Она повернулась к забору и поднялась еще выше.

Тимур сделал шаг вперед, взялся за боковую перекладину лестницы и мгновенно оказался рядом. Двигался легко, несмотря на рост и широкие плечи. Кира не успела даже полностью развернуться. Одна его рука легла ей на талию, другая перехватила запястье, чтобы она не потеряла равновесие.

– Отпустите, – сказала Кира.

– Спускаемся.

– Я сама.

– Уже вижу.

– Тимур.

– Не дергайтесь.

– Я не ребенок.

– Поэтому не хочу ловить вас головой вниз.

Он снимал ее с лестницы осторожно, но без малейшего сомнения, словно речь шла о совершенно обычной задаче. Кира попыталась упереться ногой в перекладину, однако Тимур просто перехватил удобнее и спустился вместе с ней. Через несколько секунд они оказались на земле.

Он не отпустил сразу.

Кира стояла слишком близко. Ладонь мужчины оставалась на талии, пальцы другой руки все еще удерживали запястье. От него исходило тепло, совершенно неуместное посреди зимнего двора. Снег таял на темной футболке, на коротких волосах, на ресницах. Вблизи Тимур выглядел не

просто крупным, а почти опасно сильным. Не потому, что демонстрировал это. Напротив. Он даже не напрягался. Просто держал ее так легко, будто разница в силах не требовала доказательств.

– Отпустите, – повторила Кира тише.

Тимур разжал пальцы и отступил на шаг.

– Теперь проверили.

– Что именно?

– Я смогу остановить.

Кира сжала ладонь, словно пытаясь стереть ощущение его пальцев.

– Вы специально поставили лестницу.

– Да.

– Чтобы дожидаться, пока полезу.

– Чтобы вы не искали другой, более опасный способ.

– И Марк знал?

– Да.

– Вы двое невозможны.

– Данила тоже.

– Он хотя бы шутит.

– Это не преимущество.

Кира посмотрела на забор.

– Я все равно уйду, если решу.

– Возможно.

– Почему не говорите, что невозможно?

Тимур немного помолчал.

– Потому что невозможных заборов нет. Есть только время, инструменты и причина перелезть.

– Значит, вы понимаете.

– Понимаю.

– Но все равно остановите.

– Да.

– Почему?

Он смотрел спокойно.

– Потому что сейчас вы хотите выйти не ради плана. Ради доказательства, что никто не может вас удержать.

Кира молчала.

– Это плохая причина рисковать жизнью, – продолжил Тимур.

– А хорошая?

– Найти Артёма. Спасти человека. Не дать кому-то погибнуть. Но для этого сначала нужен план.

– Вы поможете его составить?

– Если Марк согласится.

– А если нет?

– Попробую убедить.

– Вы не всегда делаете то, что говорит Марк.

– Нет.

– Но сегодня согласны с ним.

– Да.

Кира выдохнула и посмотрела на дом. В одном из окон второго этажа горел свет. За стеклом стоял Марк. Не пря-

тался. Просто наблюдал, скрестив руки на груди.

– Он смотрит, – сказала Кира.

– Знаю.

– И наслаждается собственной правотой.

– Нет.

– Откуда знаете?

– Он редко наслаждается.

– Несчастный человек.

Тимур перевел взгляд на окно.

– Скорее усталый.

Кира посмотрела на него.

– Вы давно знакомы?

– Достаточно.

– И всегда вытаскиваете его из неприятностей?

– Иногда.

– Как Данилу?

– Данилу чаще.

– А меня теперь тоже?

Тимур снова посмотрел ей в глаза.

– Видимо.

– Не смейте.

– Уже поздно.

Он поднял лестницу, но не унес обратно к хозяйственному блоку. Просто поставил надежнее возле забора и закрепил ремнем.

– Зачем оставляете?

– Вдруг снова захотите проверить.

Кира не выдержала и рассмеялась. Коротко, почти беззвучно. Не потому, что стало весело. Просто вся ситуация оказалась слишком абсурдной: ночь, снег, высокий забор, лестница, огромный мужчина в футболке, который только что снял ее с перекладин и теперь заботливо оставлял средство побега на прежнем месте.

– Вы ненормальный, – сказала она.

– Возможно.

– И замерзнете.

– Нет.

– Самоуверенно.

– Практично.

Они пошли к дому рядом.

Возле двери Тимур пропустил ее вперед. Кира уже взялась за ручку, когда он сказал:

– Кира.

Она обернулась.

– Что?

– В следующий раз возьмите куртку.

– В следующий раз?

– Вы все равно попробуете еще что-нибудь.

Кира посмотрела на него внимательно.

– Обязательно.

– Тогда хотя бы не простудитесь.

Она вошла внутрь.

На лестнице стоял Марк.

– Удачная прогулка? – спросил он.

Кира сняла с волос снег и посмотрела на мужчину с раздражением.

– Восхитительная.

– Забор надежный?

– Проверка не завершена.

– Разумеется.

– Вы специально позволили мне выйти.

– Да.

– И позволили дойти до лестницы.

– Да.

– Чтобы Тимур снял меня.

– Чтобы вы сами убедились: уйти незаметно не получится.

Кира приблизилась.

– Вы могли просто сказать.

– Говорил.

– Я не обязана вам верить.

– Теперь знаете.

– Теперь знаю только одно.

– Что именно?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Ваши правила работают, пока я позволяю им работать.

Марк выдержал взгляд спокойно.

– А вы позволяете?

Кира улыбнулась.

– Сегодня – да.

Она прошла мимо и поднялась вверх.

В комнате по-прежнему лежала бита. Кира закрыла дверь, подошла к окну и посмотрела во двор. Тимур возвращался вдоль дорожки к хозяйственному блоку. Лестница осталась возле северного забора. Марк стоял внизу, почти не двигаясь, словно обдумывал последние слова.

Кира понимала: побег не удался.

Но это и не было настоящим побегом.

Она проверила забор. Проверила охрану. Проверила Тимура. Проверила Марка. Узнала, кто из них будет действовать силой, кто предпочтет наблюдать, кто оставит лестницу на месте и кто позволит ей дойти до границы, чтобы показать невозможность уйти.

Теперь очередь за ними.

Потому что правила Марка Северцева могли быть продуманными, строгими и разумными.

Но Кира никогда не умела жить по чужим правилам слишком долго.

Глава 5. Забор существует для того, чтобы через него перелезть

Кира продержалась почти сутки.

Если считать честно – немного меньше. Время после полуночи едва ли стоило включать в общую сумму: большую его часть она провела не во сне, а в бесполезных попытках убедить собственное тело, что мягкая кровать, чистое постельное белье и закрытая дверь гостевой комнаты действительно означают безопасность. Каждый раз, когда за окном шуршал снег или в коридоре раздавались шаги, Кира открывала глаза и несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь. Потом вспоминала, где находится, смотрела на битую возле тумбочки и злилась уже не на шум, а на саму себя.

Утром раздражение только усилилось. Дом продолжал существовать по своему тщательно выстроенному порядку, словно ничего чрезвычайного не происходило. На кухне появился завтрак. Во дворе охрана сменила дежурство. В медицинской комнате Вера проверила Даниле давление и запретила ему вставать без разрешения, что тот воспринял как личное оскорбление. Тимур несколько раз прошел через гостиную, каждый раз куда-то направляясь и не задерживаясь дольше необходимого. Марк исчез в кабинете почти сразу после разговора и больше не появлялся до обеда, хотя Ки-

ра прекрасно понимала: отсутствие не означает, что он перестал контролировать происходящее.

Система работала безупречно.

В этом и заключалась главная проблема.

Кира не могла сказать, что с ней обращались плохо. Ее не запирали в комнате. Не угрожали. Не заставляли отвечать на вопросы. Не отнимали вещи, кроме телефона и ключей от машины. Она могла ходить по дому, выходить во двор, брать еду с кухни, смотреть телевизор, читать книги из небольшой библиотеки и даже пользоваться тренажерным залом, если возникнет непреодолимое желание провести время за бессмысленным бегом на месте. Формально свободы оставалось достаточно много.

Фактически вся свобода заканчивалась у ворот.

Стоило приблизиться к калитке, и человек Тимура в будке охраны поднимал глаза от мониторов. Стоило пройти вдоль северной стороны забора, и камера едва заметно поворачивалась следом. Стоило открыть окно второго этажа, как через несколько минут внизу обязательно появлялся кто-нибудь из охраны, якобы совершенно случайно выбравший именно этот момент для обхода территории. Никто не бросался к ней с приказами и не пытался загнать внутрь. Наблюдение было спокойным, ненавязчивым и оттого особенно раздражающим.

Дом не запрещал Кира двигаться.

Он просто заранее знал, куда она направится.

После обеда Вера разрешила зайти к Даниле на несколько минут. Кира обнаружила его в том же положении, что и утром: полусидящим на кровати, с капельницей в руке и выражением лица человека, которого окружающие совершенно несправедливо лишили возможности участвовать в нормальной жизни.

– Выглядите лучше, – сказала она, остановившись у двери.

– Значит, зрение у вас ухудшилось.

– Вера утверждает, что операция прошла успешно.

– Вера склонна преувеличивать собственные достижения.

– Она достала из вас пулю.

– Именно. Теперь у меня стало меньше имущества.

Кира вздохнула и вошла. На столике возле кровати стояла кружка с водой, лежали таблетки, телефон и раскрытый ноутбук. Телефон, разумеется, принадлежал не ей. Данила даже после операции сохранял доступ к технике, тогда как Киру держали без связи с внешним миром. Несправедливость выглядела настолько очевидной, что она невольно задержала взгляд на аппарате.

Данила заметил.

– Даже не думайте, – сказал он.

– О чем?

– Вы смотрите на телефон так, будто собираетесь оглушить меня кружкой и забрать его.

– Неплохая идея.

– Не работает. У меня хорошая реакция.

– Человек с капельницей и швами в боку сейчас серьезно хвастается реакцией?

– Когда-то она была хорошей.

– Трогательное воспоминание.

Кира подошла ближе и села на стул. Данила выглядел лучше, чем ночью, но только по сравнению с собственным почти бессознательным состоянием в машине. Кожа оставалась бледной, движения – осторожными, дыхание иногда сбивалось после слишком длинной фразы. Под больничной рубашкой угадывалась плотная повязка. Вера, судя по всему, действительно сделала все возможное, но восстановление обещало оказаться долгим.

– Есть новости об Артёме? – спросила Кира.

Данила посмотрел на нее чуть внимательнее.

– Марк не рассказывал?

– Марк считает, что информация должна поступать мне маленькими порциями, чтобы не вызвать перегрузку организма.

– Разумный подход.

– Данила.

– Новостей нет.

– Совсем?

– Совсем.

– Вы проверили места, где он мог спрятаться?

– Проверяем.

– Какие именно?

– Кира.

– Что?

– Если Марк не рассказал, значит, считает, что пока не нужно.

Она несколько секунд смотрела на Данилу, не веря собственным ушам.

– Вы тоже?

– Что именно?

– Решили поддерживать эту коллективную игру в заботливых надзирателей?

– Я не надзиратель. Я временно прикован к кровати и не способен даже самостоятельно сходить за кофе.

– Не уходите от ответа.

Данила слабо улыбнулся.

– Я понимаю, почему вы злитесь.

– Сомневаюсь.

– Ваш брат исчез. Люди Ратникова знали, где и когда вы появитесь. Телефон отобрали. За ворота не выпускают. Марк разговаривает так, будто каждое его решение уже утверждено высшими силами. Тимур почти не разговаривает вообще. Вы хотите действовать, а вам предлагают сидеть в доме и ждать.

– Именно.

– Но иногда ждать действительно разумнее.

– Для кого?

– Для человека, которого несколько дней фотографировали возле квартиры и работы.

Кира напряглась.

– Это не означает, что я должна позволить распоряжаться собственной жизнью.

– Нет.

– Тогда дайте телефон.

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы позвоните Артёму.

– Конечно позвоню.

– Его аппарат может быть у людей Ратникова.

– Я знаю.

– Потом попробуете связаться с кем-нибудь из знакомых. Возможно, с сотрудниками клуба. Возможно, с подругой. Возможно, с полицией. Любой звонок создаст еще одну нитку, за которую можно потянуть.

– А если Артём пытается связаться со мной?

– Увидим входящий.

– Вы увидите.

– Да.

– А я должна поверить, что мне сообщат.

Данила помолчал.

– Справедливое замечание.

Кира откинулась на спинку стула.

– Единственное за сегодняшний день.

- Не преувеличивайте. У вас хороший кофе.
- Кофе не компенсирует похищение.
- В приличных отелях обычно компенсирует многое.
- Это не отель.
- Согласен. Обслуживание слишком навязчивое.

Кира невольно усмехнулась, но почти сразу снова стала серьезной.

- Если появится сообщение от Артёма, скажете мне?
- Если увижу первым – да.
- Даже если Марк запретит?

Данила посмотрел на нее с легким интересом.

- Вы быстро учитесь задавать правильные вопросы.
- И?
- Если сообщение не создаст прямой угрозы, скажу.
- А если создаст?
- Тогда сначала обсудим.
- С Марком.
- И с Тимуром.

- А мое мнение в этом собрании предусмотрено?
- Постараюсь напомнить.

Кира поднялась.

- Не перенапрягайтесь.
- Вы уже уходите?
- Боюсь, если останусь дольше, Вера решит, что я мешаю вашему восстановлению.
- Она и так решит.

– И будет права.

– Это не повод доставлять ей удовольствие.

Кира направилась к двери.

– Кира, – окликнул Данила.

Она обернулась.

– Что?

– Не пытайтесь сбежать через северный забор сегодня вечером.

Она замерла.

– Почему именно сегодня вечером?

– Снегопад усилится. Камера снова будет работать хуже. Возникнет соблазн.

– Вы очень высокого мнения о моем упрямстве.

– Очень точного.

– И поэтому предупреждаете?

– Поэтому советую выбрать теплую одежду.

Кира прищурилась.

– Вы издеваетесь?

– Немного.

– Марк знает, что вы подталкиваете меня к побегу?

– Марк знает, что запретить вам думать о побеге невозможно. Тимур знает, что вы полезете через забор раньше, чем признаете: ждать иногда полезно. Я знаю, что после первой попытки вы не успокоитесь.

– Первая попытка была проверкой.

– Конечно.

– Я не собиралась уходить.

– Разумеется.

– И сейчас не собираюсь.

Данила прикрыл глаза.

– Тогда всем будет спокойнее.

Кира вышла из комнаты, не удостоив его ответом.

Раздражение сопровождало ее до самой лестницы, затем постепенно уступило место другой мысли, гораздо более неприятной. Данила прав. Первая попытка действительно ничего не доказала. Она дошла до лестницы, поднялась на несколько ступеней и позволила Тимуру снять себя прежде, чем возникла реальная необходимость выбирать: остаться или уйти. В тот момент Кира проверяла не возможность побега, а границы чужого терпения. Убедилась, что Тимур остановит. Что Марк будет наблюдать. Что охрана не станет применять силу без необходимости. Что никто не собирается запираť ее в комнате после демонстративного неповиновения.

Полезная информация.

Недостаточная.

Кира вошла в гостевую спальню, закрыла дверь и подошла к окну. Днем северный забор просматривался хуже из-за сосен, но лестницу все равно можно было различить. Тимур оставил ее на месте. Не отнес обратно к хозяйственному блоку, не спрятал, не закрепил цепью. Она по-прежнему стояла возле стены, почти приглашая воспользоваться.

Возможно, это ловушка.

Вернее, никакого «возможно» не существовало. Разумеется, ловушка. Тимур прекрасно понимал, что Кира снова посмотрит на лестницу. Марк ожидал новой попытки. Данила даже позволил себе издевательски предупредить о снегопаде.

Они считали ее предсказуемой.

Это задевало сильнее запретов.

Кира никогда не относилась к людям, способным бросаться на стену только потому, что кто-то поставил рядом лестницу и выразительно посмотрел в ее сторону. В двадцать пять лет подобное поведение выглядело почти подростковым. Она умела думать. Составлять план. Оценивать последствия. Выбирать момент. Если решила бы уйти, то не стала бы делать это тем способом, которого от нее ожидают все окружающие.

Поэтому следующие несколько часов Кира честно пыталась придумать другой маршрут.

Гараж оказался заперт, а камера возле двери контролировала коридор сразу с двух сторон. Через кухню можно было выйти на закрытую веранду, но оттуда путь снова вел во двор. Подвальное помещение тоже оставалось закрытым. Окна первого этажа открывались, однако никакого преимущества не давали: снаружи все равно начиналась та же территория. Ворота контролировались из будки охраны. Калитка имела электронный замок. Выбраться, спрятавшись в маши-

не, невозможно: все автомобили проверяли перед выездом, а гараж открывался только после подтверждения со стороны поста.

Система не оставляла простых возможностей.

Зато северный забор оставался почти оскорбительно очевидным.

Около шести вечера снег действительно усилился. Ветер постепенно разогнал легкую утреннюю крупу и принес с полей плотные белые хлопья. Они падали почти горизонтально, закручивались возле углов дома, оседали на подоконниках. Двор быстро терял четкие очертания. Фонари превращались в расплывчатые желтые пятна. Камеры, разумеется, продолжали работать, но видимость ухудшалась.

Кира стояла возле окна и смотрела, как охранник проходит вдоль забора.

Его маршрут уже был ей знаком. Каждые двадцать минут мужчина выходил из будки возле ворот, медленно обходил восточную сторону, исчезал за хозяйственным блоком, проходил вдоль северной стены и возвращался к калитке с другой стороны. Иногда навстречу ему двигался второй человек. Иногда Тимур выходил сам. Но последние полтора часа Тимура во дворе не было.

Марк находился в кабинете.

Данила спал после укола.

Вера ушла отдыхать в одну из комнат первого этажа.

Дом жил спокойно.

Кира понимала: спокойствие может быть показным. Возможно, Марк специально исчез из гостиной, Тимур специально не выходит во двор, а охрана специально сохраняет обычный ритм, чтобы позволить ей действовать. Если так, возможность все равно стоило использовать. Даже не ради окончательного побега. Ради понимания, насколько далеко простирается контроль. Что находится за северной стороной участка. Есть ли снаружи дорога. Насколько быстро реагирует охрана. Можно ли обойти камеры. Какие датчики установлены на заборе.

И еще ради чего-то менее разумного.

Кира хотела хотя бы ненадолго оказаться по другую сторону.

Не уйти окончательно. Не бежать по заснеженной дороге до ближайшего поселка. Не звонить незнакомым людям и не пытаться одной искать Артёма в городе, где за ней уже следили. Просто доказать самой себе: дверь может быть закрыта, ворота – заперты, камеры – включены, Марк – уверен в собственной системе, Тимур – в своей способности остановить.

Но окончательное решение все равно принадлежит ей.

Она дождалась, пока охранник завершит очередной обход и исчезнет возле будки. Потом открыла шкаф.

На этот раз Кира подготовилась лучше. Надела теплую толстовку, куртку, ботинки, перчатки и темную вязаную шапку, найденную на верхней полке. Под куртку убрала

небольшой фонарик из прикроватной тумбочки. В карман положила несколько купюр, оставшихся в кошельке. Немного, но достаточно для такси, если каким-то чудом удастся добраться до поселка. Биту брать не стала. Перелезть через забор с длинной деревяшкой неудобно, а идти навстречу неизвестности без единственного привычного оружия – тревожно. Пришлось признать очевидное: если она действительно встретит за воротами людей Ратникова, бита вряд ли изменит ситуацию настолько, чтобы риск стал разумным.

Кира задержалась возле двери.

План по-прежнему выглядел сомнительным. Может быть, даже глупым. Но уже не безрассудным. Она не собиралась уходить далеко. Достаточно выбраться наружу, пройти вдоль забора, проверить дорогу и вернуться. Если поймет, что может выбраться незаметно, сохранит знание на тот случай, когда оно действительно понадобится. Если охрана перехватит – узнает скорость реакции и порядок действий.

В любом случае перестанет сидеть в комнате, позволяя другим решать, что ей разрешено знать.

Кира выключила свет и вышла в коридор.

На втором этаже никого не было. Внизу работал телевизор, но звук оставался почти неслышным. Она осторожно спустилась по лестнице, стараясь не наступать на участки пола, которые могли заскрипеть. Дом не был старым и не выдавал движение предательскими звуками, однако камеры никуда не исчезли. Одна находилась над входом в гостиную.

Вторая – возле лестницы. Кира не пыталась скрыть лицо и не кралась вдоль стены: это выглядело бы слишком нелепо. Просто прошла к кухне, словно собиралась взять воду, затем свернула в сторону закрытой веранды.

Дверь открылась без шума.

Холодный воздух сразу проник под куртку. На стеклянной крыше веранды шуршал снег. Кира закрыла дверь за собой, пересекла небольшое помещение и вышла во двор через боковой выход.

Ветер ударил в лицо.

Снег мгновенно начал таять на ресницах. Двор выглядел почти пустым. Возле ворот горел фонарь, но будка охраны оставалась далеко и частично скрывалась за кустами. На втором этаже дома светилось одно окно – кабинет Марка. Шторы были опущены, силуэт не просматривался.

Кира двинулась к хозяйственному блоку.

Сначала медленно, не пытаясь бежать. Она знала: камеры уже увидели. Датчики зафиксировали открытие двери. Возможно, человек в будке смотрит на монитор. Возможно, Тимур получил сообщение на телефон. Спешить имело смысл только возле самого забора, когда каждый выигранный миг увеличит шанс оказаться снаружи прежде, чем кто-нибудь подойдет достаточно близко.

До лестницы оставалось несколько шагов.

Никто не окликнул.

Кира сняла ремень, которым Тимур закрепил конструк-

цию, подхватила лестницу и переставила ближе к секции между двумя соснами. Металл оказался холодным даже через перчатки. Верхний край лег на забор неровно, но достаточно надежно. Она проверила устойчивость, поставила ботинок на первую перекладину и поднялась.

На третьей ступени ветер стал сильнее. Снег бил в лицо. Видимость действительно ухудшилась настолько, что дом превратился в темное расплывчатое пятно. Кира поднялась выше, стараясь двигаться быстро, но осторожно. Лестница не качалась. Руки не скользили. На этот раз никто не стоял внизу и не предлагал вернуться.

Верхняя часть забора оказалась неудобнее, чем представлялось днем. Острые декоративные элементы выступали слишком близко друг к другу. Нужно было найти место между ними, подтянуться, перекинуть одну ногу и удержаться, не цепляясь курткой за металл. Кира осторожно поднялась еще на ступень, ухватилась за секцию забора и замерла.

Снаружи было почти ничего не видно.

Темная полоса дороги. Сосны. Снег. Дальше, за деревьями, слабый свет фонаря. До поселка действительно несколько километров. Если прыгнуть, возвращаться будет гораздо сложнее: лестница останется внутри. Спуститься по секциям забора можно, но металл скользкий. Нога легко сорвется. Даже падение с двух метров закончится неприятно, если не повезет.

Кира вдохнула холодный воздух.

Внизу по-прежнему было тихо.

Она перекинула ногу через верхнюю перекладину.

– Осторожнее.

Голос прозвучал совсем близко.

Кира вздрогнула так сильно, что едва не потеряла равновесие. Руки инстинктивно сжались на металле. Она повернула голову.

Тимур стоял по другую сторону забора.

Не внутри двора, где Кира ожидала увидеть охрану. Снаружи. В нескольких шагах от стены, среди снега и темных сосен. На нем была черная куртка, застегнутая до горла, тяжелые ботинки и перчатки. Снег оседал на плечах, волосы намокли. Мужчина выглядел так, словно ждал ее уже давно и совершенно не сомневался, каким именно маршрутом она воспользуется.

Несколько секунд Кира молчала, пытаясь справиться с потрясением.

– Что вы здесь делаете? – спросила она наконец.

– Жду.

– Меня?

– Да.

– Снаружи?

– Очевидно.

Кира посмотрела вниз. За спиной Тимура в нескольких метрах стоял темный внедорожник, почти скрытый снегом. Свет в салоне не горел. Вероятно, мужчина заранее выехал

через ворота, обогнул участок и припарковался у северной стены, пока Кира изучала маршрут охраны и считала себя исключительно проницательной.

– Вы знали, что я полезу сегодня, – сказала она.

– Предполагал.

– Поэтому специально уехали?

– Да.

– И никто не остановил меня во дворе.

– Я попросил не мешать.

– Зачем?

– Хотел понять, действительно ли полезете.

Кира почувствовала, как злость возвращается мгновенно, вытесняя холод и осторожность.

– Вы все здесь проводите надо мной эксперименты?

– Нет.

– А как это называется?

– Наблюдение.

– Марк тоже любит это слово.

– Знаю.

– Вы могли остановить меня раньше.

– Мог.

– Но позволили подняться.

– Да.

– Зачем?

Тимур немного помолчал.

– Иногда человек должен дойти до границы сам.

Кира посмотрела на него сверху вниз.

– А если я сейчас спрыгну?

– Поймаю.

– Очень самоуверенно.

– Вы неудачно стоите. Левая нога уже скользит.

Только после этих слов Кира заметила, что ботинок действительно сместился на несколько сантиметров. Металл под подошвой стал мокрым от снега. Положение оказалось неудобным: одна нога перекинута через верх забора, другая еще остается на внутренней стороне, обе руки заняты. Вернуться назад можно, но придется осторожно развернуться. Спрыгнуть вперед – проще, однако высота неприятная.

– Я сама спущусь, – сказала Кира.

– Лестница внутри.

– Вижу.

– Снаружи скользко.

– Тоже вижу.

– Тогда не торопитесь.

– Не командуйте.

– Пока только советую.

Кира медленно перенесла вес вперед и перекинула вторую ногу через забор. Теперь сидела на верхней перекладине, стараясь не задеть металлические элементы. Куртка зацепилась за острый край. Она тихо выругалась, освободила ткань и посмотрела вниз.

Тимур подошел ближе.

– Давайте руку.

– Нет.

– Кира.

– Я спущусь сама.

– Можете сорваться.

– Это моя проблема.

– Уже нет.

– С какого момента?

– С того, когда пришлось ждать вас под забором во время снегопада.

Кира стиснула зубы и начала осторожно опускаться. Носок ботинка нашел одну из горизонтальных секций. Потом другую. Пальцы в перчатках скользили. До земли оставалось около полутора метров. Немного. Можно просто прыгнуть.

Она отпустила одну руку.

– Не надо, – сказал Тимур.

– Поздно.

Кира оттолкнулась.

Падения не произошло.

Тимур поймал ее почти без усилий. Одна рука легла под спину, вторая подхватила под колени. Движение оказалось настолько быстрым и уверенным, что Кира успела только резко вдохнуть. В следующую секунду уже находилась у него на руках, прижатая к твердой груди, злая, растерянная и слишком отчетливо ощущающая разницу между собственной подготовкой и его физической силой.

– Поставьте меня, – сказала она.

– Сейчас.

– Немедленно.

– Вы слишком торопитесь.

– Тимур.

Он опустил ее на землю осторожно, словно Кира действительно могла рассыпаться от резкого движения. Но рук не убрал сразу. Ладони оставались на талии, удерживая ровно столько, сколько требовалось, чтобы она не поскользнулась на снегу. Между ними оказалось совсем мало пространства. Слишком мало для спокойного разговора.

Кира подняла голову.

В темноте лицо Тимура выглядело жестче обычного. Свет от далекого фонаря едва касался скулы, оставляя глаза почти в тени. На ресницах таяли снежинки. Дыхание оставалось ровным, будто он не только что поймал взрослого человека, прыгнувшего с забора, а выполнил простое, заранее рассчитанное движение.

Кира вдруг подумала, что впервые видит его так близко.

До этого Тимур воспринимался прежде всего как сила, присутствующая рядом: высокая фигура в дверях клуба, тяжелая ладонь на запястье, спокойный голос, приказ сесть в машину, спина, закрывающая от выстрела. Теперь к силе добавились детали. Небольшая светлая полоска старого шрама возле подбородка. Капля растаявшего снега на виске. Тепло ладоней, которое ощущалось даже через куртку. Едва замет-

ный запах холода, дерева и чего-то терпкого, мужского.

Слишком много деталей.

Кира отступила первой.

– Я просила поставить.

– Поставил.

– И отпустить.

Тимур разжал пальцы.

– Отпустил.

– Не нужно выглядеть таким довольным.

– Я не выгляжу довольным.

– Вы поймали меня, как ребенка.

– Вы прыгнули.

– Потому что собиралась спуститься.

– Именно так дети обычно объясняют падение с дерева.

Кира почувствовала, как раздражение окончательно возвращает способность мыслить.

– Не сравнивайте меня с ребенком.

– Тогда не лезьте ночью на высокий забор без лестницы с другой стороны.

– Лестница была внутри.

– Это и есть проблема.

– Вы специально поставили ее там.

– Внутри.

– Чтобы я воспользовалась.

– Чтобы не искали другой способ.

– Вы невозможный человек.

– Мне говорили.

Кира огляделась.

Снаружи территория выглядела почти так, как представлялось сверху. Узкая заснеженная полоса вдоль забора, затем деревья, дальше грунтовая дорога, ведущая к шоссе. Внедорожник Тимура стоял неподалеку. Из-за снега следы шин быстро исчезали. Если бы мужчина не ждал, Кира действительно могла бы пройти вдоль дороги и добраться до поселка. Возможно, не быстро. Возможно, замерзнув. Но могла.

– Я вышла, – сказала она.

– Да.

– Значит, ваш забор не работает.

– Заборы не работают против людей, которые готовы перелезть.

– Наконец-то признаете.

– Никогда не спорил.

– Марк спорил.

– Марк любит системы.

– А вы?

Тимур посмотрел на нее спокойно.

– Я люблю понимать, где система сломается.

– И знали, что она сломается здесь.

– Знал, что вы выберете северную сторону.

– Почему?

– Данила сказал о камере.

– Значит, вы слышали.

– Вера рассказала.

– В этом доме вообще существуют разговоры, которые не пересказывают всем остальным?

– Наверное.

– Прекрасно.

Кира сунула руки в карманы куртки. Пальцы дрожали. Не от страха, убеждала она себя. Только от холода и недавнего напряжения. Возможно, еще немного от близости Тимура, но эту причину стоило немедленно вычеркнуть как несущественную.

– Что теперь? – спросила она. – Посадите в машину и отвезете обратно через ворота?

– Можно.

– Или?

– Перелезем назад.

– Вместе?

– Вы полезете первой. Я подстрахую.

– Снаружи нет лестницы.

– Пока нет.

Тимур подошел к внедорожнику, открыл багажник и достал складную алюминиевую лестницу.

Кира смотрела молча.

Мужчина разложил конструкцию, поставил у забора и проверил устойчивость. Делал это спокойно, без всякой то-ропливости, словно заранее знал, что именно понадобится.

Потом отошел и указал на перекладыны.

– Пожалуйста.

Кира не двинулась.

– У вас с собой была вторая лестница.

– Да.

– Вы заранее подготовились.

– Да.

– То есть ждали меня здесь с машиной и лестницей.

– Да.

– И позволили перебраться на другую сторону только для того, чтобы вернуть обратно.

– Вы хотели проверить, можно ли выйти.

– Можно.

– Теперь знаете.

– А вы хотели что проверить?

Тимур посмотрел на нее внимательнее.

– Вернетесь ли добровольно.

Кира замолчала.

Ответ оказался неожиданным. Она ожидала насмешки, нравоучений, спокойного приказа или даже угрозы рассказать Марку. Все вписывалось бы в привычную модель: мужчина ловит, ограничивает, возвращает пленницу в дом и считает вопрос закрытым. Но Тимур стоял рядом с лестницей и не пытался схватить ее снова. Дорога оставалась свободной. Внедорожник – открытым. До шоссе несколько километров, до поселка еще дальше. За снегом ничего не видно. Где-то

снаружи могут находиться люди Ратникова.

И все же физически Кира могла развернуться и пойти.

Тимур не удерживал.

– А если не вернусь? – спросила она.

– Пойду рядом.

– Что?

– До тех пор, пока не поймете, что идти некуда.

– А если дойду до поселка?

– Дойдем вместе.

– И вы позволите вызвать полицию?

– Нет.

– Такси?

– Нет.

– Позвонить кому-нибудь?

– Нет.

– Тогда в чем разница?

– Вы сами решите вернуться.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– Это манипуляция.

– Да.

Честность снова оказалась обезоруживающей.

– И вы даже не скрываете.

– Нет смысла.

– Марк придумал?

– Нет.

– Вы.

– Да.

– Почему?

Тимур немного помолчал.

– Потому что удерживать человека только силой можно недолго. Потом он начнет искать более опасный способ уйти.

Кира вспомнила вчерашние слова мужчины возле первой лестницы: остановить придется не забором, а разговором. Тогда фраза показалась почти красивой, слишком правильной для человека, привыкшего отвечать коротко. Теперь становилось ясно: Тимур не шутил.

– Вы считаете, что я вернусь, – сказала она.

– Да.

– Самоуверенно.

– Вы не глупая.

– Очень тонкий комплимент.

– Другого нет.

Кира отвернулась и посмотрела на дорогу.

Ветер усиливался. Снег забивался под ворот куртки. За деревьями не было видно ничего, кроме слабого света далекого фонаря. Идти можно. Даже легко, первые несколько минут. Потом придется выйти на шоссе, поймать машину или добраться до поселка. Без телефона, без нормального понимания местности и без знания, кто ждет снаружи. Если люди Ратникова действительно следят за дорогами, появление одинокой женщины станет подарком. Если не следят, все равно придется обращаться к незнакомцам, звонить, объяс-

нять, лгать и рисковать раскрыть местоположение.

Она могла уйти.

Но не могла сделать это разумно.

Осознание злило почти физически.

– Ненавижу, когда вы правы, – сказала Кира.

– Я редко радуюсь этому.

– Не похоже.

– Просто лицо такое.

Она невольно усмехнулась и тут же нахмурилась сильнее, словно улыбка означала поражение.

– Я вернусь не потому, что вы убедили.

– Хорошо.

– И не потому, что признаю правила Марка.

– Хорошо.

– И не потому, что собираюсь сидеть спокойно.

– Этого никто не ожидает.

– Тогда почему?

Тимур посмотрел на дорогу.

– Потому что сейчас это лучший вариант.

Кира несколько секунд молчала.

– Невыносимый человек.

– Уже говорили.

Она подошла к лестнице и начала подниматься.

Тимур держал конструкцию снизу, не касаясь ее без необходимости. Когда Кира добралась до верхней части забора, он поднялся следом на несколько ступеней и придержал за

локоть, пока она перекидывала ногу. На этот раз движение получилось аккуратнее. Внутри двора лестница по-прежнему стояла у стены, поэтому спуститься оказалось легко.

Через минуту Тимур перелез следом.

Кира ждала внизу, скрестив руки на груди.

– Довольны?

– Нет.

– Почему?

– Вы могли сорваться.

– Но не сорвалась.

– В этот раз.

Он сложил наружную лестницу, перебросил через забор и спустился с ней во двор. Затем поднял первую конструкцию, поставил обе рядом и посмотрел на Киру.

– Что вы делаете?

– Исправляю ошибку.

– Какую?

Тимур взял одну лестницу и отнес ближе к хозяйственному блоку. Вторую прислонил к забору с внутренней стороны, закрепил ремнем и проверил, насколько устойчиво стоит.

– В следующий раз используйте эту, – сказал он.

Кира не поверила собственным ушам.

– В следующий раз?

– Да.

– Вы серьезно предлагаете мне снова перелезть?

– Предпочитаю ловить вас без риска перелома.

– Вы собираетесь каждый раз ждать снаружи?

– Если понадобится.

– А если выберу другое место?

– Найду.

– Самоуверенно.

– Практично.

Кира подошла ближе.

– Вы понимаете, насколько абсурдно это выглядит? Вы удерживаете меня в доме, но оставляете лестницу у забора, чтобы мне было удобнее сбегать.

– Забор все равно не удержит.

– Тогда что удержит?

Тимур посмотрел ей прямо в глаза.

– Причина остаться.

Слова прозвучали спокойно, без нажима, но Кира почувствовала, как внутри что-то неожиданно дрогнуло. Не доверие. До доверия оставалось слишком далеко. Не благодарность. Благодарить людей за то, что они ограничивают свободу более деликатным способом, она не собиралась. Скорее понимание: Тимур видел ее иначе, чем Марк. Не как задачу, которую нужно запереть внутри безопасного периметра. Не как младшую сестру Артёма, способную привести к архиву. Не как женщину, которую требуется спасти вопреки ее воле.

Он видел человека, который все равно полезет через стену, если не поймет, зачем должен остаться.

И вместо того чтобы убрать лестницу, поставил ее удоб-

нее.

– Не рассчитывайте, что это сработает надолго, – сказала Кира.

– Не рассчитываю.

– Я действительно уйду, если решу, что вы что-то скрываете.

– Мы многое скрываем.

– Очень обнадеживает.

– Но не все останется скрытым навсегда.

– Марк с вами согласен?

– Не всегда.

– И что будет, когда узнает про лестницу?

– Уже знает.

Кира медленно подняла взгляд к окнам дома.

В кабинете второго этажа горел свет. За стеклом стоял Марк. Даже сквозь снег можно было различить темный силуэт. Мужчина наблюдал за двором, не пытаясь скрыться.

Кира подняла руку и выразительно помахала.

Силуэт не шевельнулся.

– У него есть чувство юмора? – спросила она.

– Редко проявляется.

– Жаль.

– Не уверен.

Они пошли к дому.

Возле веранды Тимур открыл дверь и пропустил Киру вперед. Теплый воздух ударил в лицо. С волос сразу начал

таять снег, по воротнику куртки потекла вода. В гостиной горел свет. На диване сидел Марк с планшетом в руках. Он дождался, пока они войдут, перевел взгляд на Киру, потом на Тимура.

– Удачная прогулка? – спросил он.

Кира сняла шапку.

– Восхитительная. Ваш забор переоценен.

– Я предупреждал.

– Нет. Вы пытались убедить меня, что он остановит.

– Забор – нет.

– А что?

Марк посмотрел на Тимура.

– Видимо, здравый смысл.

– Мой собственный, – уточнила Кира.

– Разумеется.

Она сняла куртку и повесила на спинку стула.

– Вы знали, что Тимур будет ждать снаружи.

– Да.

– Позволили мне выйти.

– Да.

– Камеры специально не отслеживали?

– Отслеживали. Просто охрана получила распоряжение не вмешиваться.

– Чтобы я почувствовала свободу выбора.

– Чтобы вы перестали воспринимать дом как клетку.

Кира коротко рассмеялась.

– Не сработало. Клетка остается клеткой, даже если дверь ненадолго открывают.

Марк отложил планшет.

– Но вы вернулись.

– Потому что идти сейчас действительно некуда. Это временно.

– Большинство решений временные.

– Не пытайтесь превратить мой выбор в победу своей системы.

– Не пытаюсь.

– Пытаетесь.

– Немного, – признал Марк.

Кира посмотрела на него с неожиданным раздраженным уважением. Спорить с человеком, который время от времени позволял себе честность, было сложнее. Если бы Северцев продолжал изображать безупречно холодного руководителя операции, ненавидеть его оказалось бы почти приятно. Но иногда под рациональностью проступало что-то человеческое. Не мягкость. Скорее усталость человека, давно привыкшего принимать решения, за которые никто не полагает.

– Я хочу участвовать в поисках Артёма, – сказала Кира.

– Нет.

Ответ прозвучал немедленно.

– Тогда сегодня ночью снова полезу через забор.

– Лестница стоит удобнее, – заметил Тимур.

Марк бросил на него короткий взгляд.

– Спасибо, Тимур.

– Не за что.

Кира почувствовала, что начинает улыбаться, и постаралась сохранить серьезное выражение лица.

– Я не шучу.

– Я тоже, – сказал Марк.

– Вы не можете держать меня здесь и ждать, что я соглашусь ничего не делать.

– Могу.

– Недолго.

– Возможно.

– В конце концов найду способ уйти, о котором вы не подумали.

– Не сомневаюсь.

– Тогда зачем продолжаете запрещать?

Марк немного помолчал.

– Потому что до сих пор у нас не было задачи включать вас в операцию.

– Теперь есть.

– Почему?

– Потому что я все равно не останусь в стороне.

– Это не аргумент.

– Для разумного человека – вполне. Вы можете тратить людей и время на то, чтобы ловить меня возле заборов. Можете проверять камеры, запирайте двери, убирать ключи

и каждый раз придумывать новые запреты. А можете признать очевидное: Артём мой брат. Меня фотографировали. За мной пришли в клуб. Хотите вы или нет, я уже внутри этой истории.

Марк смотрел внимательно.

– И что предлагаете?

– Начать с правды.

– Конкретнее.

– Рассказать, что находится на флешке. Какие места вы проверяете. Почему считаете, что Артём мог оставить ключ у меня. Что именно связывает вас с Ратниковым. И что удалось узнать от задержанного.

– Это много вопросов.

– У меня было достаточно времени составить список.

– Вижу.

– А еще хочу присутствовать при обсуждении дальнейших действий.

– Нет.

– Марк.

– Не на всех обсуждениях.

– На тех, которые касаются меня или Артёма.

Он задумался.

Тимур стоял возле кухонной стойки, наливал воду в стакан и никак не вмешивался. Однако Кира понимала: мужчина слушает. Возможно, именно поэтому Марк не обрывал разговор сразу. Тимур уже сказал собственным поведе-

нием достаточно: если продолжить удерживать Киру в полном неведении, лестницы придется расставить по всему периметру.

– Хорошо, – сказал Марк наконец. – Завтра утром получите часть информации.

– Всю.

– Ту, которая касается Артёма и непосредственной угрозы вам.

– И обсуждение.

– Одно.

– Для начала.

– Для начала.

Кира кивнула.

– Телефон?

– Нет.

– Стоило попробовать.

– Безусловно.

– И еще одно.

– Что?

Она посмотрела на Тимура.

– Я хочу знать код от ворот.

Марк даже не улыбнулся.

– Нет.

– Тогда лестница останется.

– Видимо.

Тимур поставил стакан на стойку.

– Останется.

Кира сняла ботинки и направилась к лестнице.

– Куда вы? – спросил Марк.

– Переодеваться.

– И спать.

– Возможно.

– Кира.

Она остановилась на ступенях.

– Что?

– Следующая попытка побега не изменит условия.

– Проверим.

– Это не игра.

Выражение лица Марка стало серьезнее, чем прежде. Не холоднее. Именно серьезнее.

– Люди Ратникова не исчезли только потому, что сегодня вы не встретили их за забором. Тимур мог ждать снаружи, потому что мы заранее проверили дорогу. В другой раз ситуация может оказаться иной. Понимаете?

Кира выдержала взгляд.

– Да.

– И все равно попробуете?

Она немного помолчала.

– Если вы снова начнете решать все без меня – да.

Марк медленно кивнул.

– Тогда завтра поговорим.

Кира поднялась вверх.

В коридоре возле медицинской комнаты горел приглушенный свет. Дверь оставалась слегка приоткрытой. Кира собиралась пройти мимо, но услышала слабый голос:

– Успешно?

Она остановилась и заглянула внутрь.

Данила лежал на кровати, не открывая глаз. Возможно, проснулся от шагов. Возможно, вообще не спал.

– Что именно? – спросила Кира.

– Побег.

– Кто сказал, что я пыталась сбежать?

– Вы мокрая, злая и разговаривали с Марком достаточно громко.

– Тогда успешно наполовину.

Данила приоткрыл один глаз.

– Вышли?

– Вышла.

– Далеко?

– До Тимура.

– Он ждал снаружи?

– С лестницей в багажнике.

Данила тихо рассмеялся и сразу поморщился, прижав ладонь к боку.

– Не смешите меня. Вера убьет обоих.

– Вы знали?

– Предполагал. Тимур любит готовиться к очевидному.

– Все считают меня настолько предсказуемой?

– Нет. Просто вы очень честная в своем упрямстве.

Кира прислонилась к косяку.

– Это комплимент?

– Почти.

– Слабый.

– После операции мой запас красноречия ограничен.

– Не заметила.

Данила снова прикрыл глаза.

– Что сказал Марк?

– Завтра расскажет часть информации.

– Значит, побег сработал.

– Временно.

– Все хорошее временно.

– Особенно ваше молчание.

– Зато оно ценится выше.

Кира уже собиралась уйти, когда Данила снова заговорил:

– Не сердитесь на Тимура.

– Почему?

– Он действительно мог просто закрыть вас в комнате.

– Очень благородно, что не сделал.

– Нет. Не благородно. Практично. Но не только.

Кира посмотрела на него внимательнее.

– Что значит «не только»?

Данила слегка улыбнулся.

– Спросите у него.

– Он отвечает одним словом из трех возможных.

- Тогда придется задавать правильные вопросы.
 - У вас здесь все любят загадки?
 - Скучная компания. Развлекаемся как можем.
- Кира покачала головой и вышла.

В комнате она сняла мокрую одежду, переоделась и подошла к окну. Во дворе Тимур снова стоял возле северного забора. На этот раз не один: рядом находился охранник, которому он что-то спокойно объяснял. Лестница оставалась у стены. Мужчина проверил крепление, поправил ремень и направился к дому.

Кира смотрела ему вслед.

Он не запер дверь. Не убрал лестницу. Не приказал усилить охрану возле ее комнаты. Не стал читать лекцию о безрассудстве и не воспользовался возможностью продемонстрировать власть. Просто заранее вышел за забор, поймал, вернул и поставил лестницу удобнее.

Это должно было раздражать.

И раздражало.

Но под злостью постепенно возникало другое чувство, гораздо более опасное. Любопытство.

Кира привыкла к мужчинам, которые считали силу правом на последнее слово. В бойцовском клубе такие встречались регулярно: громкие, уверенные, убежденные, что физическое превосходство автоматически делает их умнее, опытнее и значительнее окружающих. Обычно хватало нескольких минут разговора или одного тренировочного раунда,

чтобы увидеть за показной жесткостью обычную неуверенность.

Тимур не нуждался в демонстрации.

Он действительно мог остановить ее почти без усилий. Мог поднять, унести, поставить перед дверью и даже не сбить дыхание. Но именно поэтому не пытался унижить или подавить. Его спокойствие не требовало постоянных доказательств.

Опасный человек.

Гораздо опаснее, чем Кира хотела признавать.

Она легла на кровать, положила ладонь на битую и закрыла глаза.

За окном продолжал падать снег. Дом снова погрузился в привычную тишину. Где-то внизу Марк, вероятно, составлял очередной план и решал, какую часть правды сообщить утром. Данила пытался не получить новое обезболивающее за нарушение режима. Тимур проверял периметр, прекрасно понимая, что лестницу рано или поздно снова придется использовать.

Кира не знала, какой будет следующая попытка.

Но знала точно: забор действительно существует для того, чтобы через него перелезть.

Особенно если по другую сторону каждый раз ждет человек, уверенный, что сумеет поймать.

Глава 6. Звонок от пропавшего брата

Утром лестницы возле северного забора не было.

Кира заметила это почти сразу после пробуждения. Ночью снегопад постепенно стих, оставив после себя ровный белый покров, на котором особенно отчетливо читались любые следы. Из окна гостевой комнаты открывался вид на заднюю часть участка: темные сосны, хозяйственный блок, узкая дорожка вдоль стены и высокий забор, вчера казавшийся одновременно препятствием и вызовом. Следы Тимура уже почти замело, но еще можно было различить несколько глубоких отпечатков возле стены и широкую полосу, оставленную металлическими ножками лестницы.

Самой лестницы не было.

Кира стояла возле окна, скрестив руки на груди, и чувствовала раздражение, несоразмерное происходящему. Разумеется, убрать ее было разумно. После вчерашней попытки оставить средство побега на прежнем месте выглядело бы почти демонстративным приглашением. Разумеется, Тимур понимал, что однажды проявленная мягкость не обязывает его каждую ночь ждать под забором с запасной лестницей в багажнике. Разумеется, Марк после разговора мог решить, что эксперимент завершен, выводы сделаны, а дальнейшие

проверки границ нужно пресекать раньше.

И все же исчезновение лестницы воспринималось почти как нарушение негласного договора.

Кира успела привыкнуть к мысли, что конструкция останется возле стены не потому, что мужчины действительно позволяют ей сбежать, а потому, что признают очевидное: если она решит выбраться, один убранный предмет ничего не изменит. Теперь забор снова выглядел обычной стеной. Высокой, холодной и раздражающе самоуверенной.

Она отвернулась от окна и посмотрела на кровать.

Бита лежала на покрывале. Вчера вечером Кира протерла рукоять влажной салфеткой, хотя никаких заметных следов крови на дереве почти не осталось. Человек, которого она ударила в клубе, продолжал существовать где-то за пределами дома как неприятное доказательство того, что события были реальными. Иногда память возвращала короткий сухой хруст, вес удара в ладонях и крик. Тогда Кира заставляла себя думать о другом: о Даниле на полу, о поднятом пистолете, о том, что выбора почти не было.

Почти.

Это слово не нравилось ей сильнее остальных.

Кира умылась, переделалась и спустилась на первый этаж. В доме уже начался день. На кухне пахло кофе и свежим хлебом. За столом сидела Вера, просматривая что-то в телефоне и время от времени хмурясь. Тимур стоял возле стойки спиной к гостиной, наливал воду в высокую кружку. Мар-

ка не было видно, но Кира не сомневалась: где-то неподалеку мужчина уже разговаривает по телефону, читает очередные сообщения и составляет план, в котором ее собственные желания занимают место приблизительно между погодой и уровнем топлива в машинах охраны.

Тимур обернулся.

– Доброе утро.

Кира посмотрела на него с подозрением.

– Лестница исчезла.

– Доброе утро, – повторил он.

– Я заметила.

– И я заметил.

– Тогда ответьте.

Тимур поставил кружку на стойку.

– Убрали.

– Зачем?

– Снег закончился.

– А лестницы существуют только во время снегопада?

– Нет.

– Тогда почему?

Он посмотрел на Киру спокойно.

– Потому что сегодня понадобится возле гаража.

Кира несколько секунд молчала.

– И все?

– Да.

– Вы не убрали ее специально, чтобы я не полезла снова?

– Нет.

– Не врете?

– Нет.

– Значит, если вечером лестница освободится, вернете к забору?

Тимур задумался так серьезно, будто вопрос действительно требовал оценки всех обстоятельств.

– Возможно.

Вера подняла глаза от телефона.

– Вы обсуждаете расписание лестницы?

– Похоже на то, – сказала Кира.

– Я не буду спрашивать.

– Правильное решение, – ответил Тимур.

Кира подошла к кофемашине, нажала кнопку и подождала, пока чашка наполнится. Разговор получился настолько нелепым, что раздражение постепенно уступило место почти незаметному веселью. Тимур действительно не собирался превращать вчерашний побег в воспитательное мероприятие. Не стал читать нотации. Не сообщал, что она безрассудна. Не запирал дверь спальни и не усиливал охрану демонстративно. Просто убрал лестницу, потому что она понадобилась в другом месте.

Это должно было успокаивать.

Почему-то не успокаивало.

– Данила проснулся? – спросила Кира.

Вера убрала телефон.

– Проснулся раньше, чем следовало. Уже успел потребовать ноутбук, кофе и человеческое отношение.

– Что получил?

– Воду, таблетку и обещание привязать к кровати, если попробует встать.

– Справедливо.

– К сожалению, ноутбук Марк все-таки принес. Поэтому теперь пациент изображает полезность и делает вид, что работа ускоряет выздоровление.

Тимур взял кружку и направился к коридору.

– У него есть результаты?

– Не знаю, – ответила Вера. – Но последние двадцать минут он перестал шутить. Для Дани это признак либо серьезной проблемы, либо того, что обезболивающее наконец действует.

Кира повернулась вслед Тимуру.

– Что он проверяет?

– Флешку, – сказал мужчина, не останавливаясь.

– Удалось открыть?

– Частично.

– И вы собирались рассказать?

Тимур посмотрел через плечо.

– Марк собирался.

– Когда?

– После завтрака.

– Удивительно предусмотрительно.

- Поешьте.
- Не командуйте.
- Советую.

Он исчез в медицинском коридоре.

Кира налила кофе, взяла кусок хлеба и села напротив Веры. Есть не хотелось, но после вчерашнего дня организм настойчиво требовал хотя бы минимального внимания. Несколько минут они молчали. Вера продолжала просматривать телефон. Кира смотрела в окно, где человек охраны проходил вдоль дорожки, оставляя четкие следы на снегу.

- Вы давно их знаете? – спросила она наконец.

Вера подняла глаза.

- Кого именно?

– Всех троих.

– Достаточно.

– Очень точная единица измерения.

– В этом доме люди быстро заражаются манерой Тимура разговаривать коротко.

- Я уже заметила.

Вера отложила телефон.

– Марка знаю дольше. Даню – лет пять. Тимур появился примерно тогда же, хотя ощущение такое, будто он всегда стоял где-нибудь поблизости и молча оценивал вероятность катастрофы.

- И часто катастрофы случаются?

– Если рядом Даня – чаще, чем хотелось бы.

Кира улыбнулась.

– Он всегда лезет туда, куда не следует?

– Всегда. Потом Марк строит планы, Тимур вытаскивает людей из неприятностей, а я достаю пули, зашиваю раны и объясняю взрослым мужчинам, что человеческое тело не является расходным материалом.

– И никто не слушает.

– Почти никто.

– Почему продолжаете помогать?

Вера посмотрела в сторону коридора.

– Потому что однажды они помогли мне.

Ответ прозвучал просто и окончательно. Без желания развивать тему. Кира не стала расспрашивать. В этом доме и без того существовало слишком много историй, которые люди выдавали порциями, словно каждая правда требовала особого разрешения.

Она допила кофе и поднялась.

– Я хочу поговорить с Данилой.

– Пять минут.

– Вы вчера тоже говорили про пять минут.

– И вчера он разговаривал дольше.

– Потому что вы не следили.

– Сегодня буду.

– Жестоко.

– Особенно если учесть, что пациент уверен в собственной неотразимости.

Кира пошла по коридору.

Данила действительно получил ноутбук. Он лежал полусидя, подложив под спину несколько подушек, и смотрел на экран с таким сосредоточенным выражением, что не сразу заметил ее появление. На прикроватном столике стояла кружка с водой, рядом лежал телефон и несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком. Провода от медицинской аппаратуры тянулись к монитору, капельница по-прежнему оставалась на месте. Бледность никуда не исчезла, но глаза стали яснее.

Тимур стоял у стены.

Он не мешал и не вмешивался, но само его присутствие меняло атмосферу комнаты. Данила работал. Тимур следил, чтобы работа не закончилась новой потерей сознания. Очевидно, роли распределились давно и никого не удивляли.

– Доброе утро, – сказал Данила, оторвавшись от ноутбука. – Как прошла ночь? Забор не скучал?

– Спросите у Тимура. У него сложные отношения с лестницами.

– Уже спросил. Получил исключительно содержательный ответ.

– «Нет»?

– «Потом».

– Разговорчивость растет.

Тимур не отреагировал.

Кира подошла ближе.

– Что нашли на флешке?

Данила посмотрел на экран.

– Немногое. Большая часть архива зашифрована. Есть открытый раздел – вероятно, Артём оставил его как доказательство того, что носитель действительно настоящий. Несколько таблиц, список компаний, платежи, фрагменты переписки. Ничего, что прямо посадит Ратникова в тюрьму, но достаточно, чтобы понять: он очень не хотел потерять эту вещь.

– А остальное?

– Нужен ключ.

– Вы не можете подобрать?

– В теории можно подобрать почти все. На практике Артём или тот, кто помогал ему подготовить архив, использовал нормальную схему защиты. Без ключа придется потратить слишком много времени. Возможно, месяцы. Возможно, больше.

– Значит, ключ у Артёма.

– Или там, где он решил его спрятать.

– Марк думает, что у меня.

– Марк допускает.

– А вы?

Данила задумался.

– Думаю, Артём мог спрятать часть ключа у вас, не сообщив. Не обязательно буквально положить флешку в карман. Возможно, использовать вещь, к которой имеете доступ

только вы. Фразу. Дату. Фотографию. Старый пароль. Что-то семейное.

Кира скрестила руки на груди.

– Очень удобно. Теперь придется перебирать всю жизнь.

– Примерно.

– Прекрасно.

– Зато скучать не будете.

– Я и так не скучаю.

Данила собирался ответить, когда в коридоре послышались шаги. В комнату вошел Марк. В одной руке держал планшет, в другой – небольшой пластиковый пакет.

– Кира, – сказал он. – Нам нужно поговорить.

– Мы уже разговариваем.

– Тогда добавим тему.

Он положил пакет на стол возле окна.

Внутри лежал старый телефон.

Кира узнала его мгновенно. Небольшой смартфон с потертым темно-синим чехлом, трещиной в нижнем углу экрана и наклейкой на задней панели, которую когда-то прилепила дочь одной из тренеров. Наклейка изображала желтого кота в боксерских перчатках и давно выцвела почти до белого цвета.

Телефон считался почти ненужным. Кира пользовалась им несколько лет назад, потом купила новый, а старый оставила в клубе как запасной музыкальный плеер. Иногда подключала к колонкам во время тренировок, иногда позволя-

ла подростковой группе включать собственные плейлисты. Сим-карта внутри сохранилась, потому что номер был привязан к старому тарифу и Кира постоянно забывала его закрыть. Обычно аппарат лежал в ящике стойки администратора или в шкафчике с проводами.

– Где нашли? – спросила она.

– В вашей машине, – ответил Марк.

– В машине?

– Под пассажирским сиденьем.

Кира нахмурилась.

– Он должен был быть в клубе.

– Возможно, Артём переложил.

– Зачем?

– Пока не знаем.

Марк раскрыл пакет и аккуратно достал телефон.

– Аппарат был разряжен. После проверки его подключили к изолированной системе. Когда включили, пришло сообщение.

Кира почувствовала, как внутри все напряглось.

– От кого?

Марк посмотрел прямо на нее.

– От Артёма.

Несколько секунд никто не говорил.

Кира протянула руку.

– Дайте.

Марк не отдал сразу.

– Телефон не подключен к обычной сети. Сообщение уже скопировали. Оригинал остается у нас.

– Я хочу прочитать.

– Конечно.

Он передал не сам аппарат, а планшет.

На экране было открыто сообщение.

Кира увидела имя брата, сохраненное в контактах. Не просто «Артём». Когда-то давно, еще после очередной истории с полицией, она записала его как «Артём. Не брать трубку». Потом забыла изменить. Несколько лет имя оставалось именно таким, каждый раз заставляя брата возмущаться, если он случайно замечал надпись на экране.

Теперь рядом с этим нелепым именем стояло новое сообщение.

«Кирка, не пугайся и никому не верь. Особенно тем, кто скажет, что спасает тебя. Уходи из дома, как только сможешь. Не звони. Не пиши. Возьми старую битку и приезжай одна к нашему месту. Там, где папа учил тебя не бояться воды. Я объясню. Пожалуйста. И не тяни, мелкая. У нас мало времени».

Кира прочитала один раз.

Потом второй.

На третьем перестала замечать отдельные слова, потому что увидела только конец.

«И не тяни, мелкая».

Артём говорил так всегда.

Не каждый день и не в любой ситуации. Только тогда, когда действительно волновался и хотел скрыть тревогу за привычной насмешкой. В детстве называл ее мелкой перед важными соревнованиями, хотя разница в возрасте составляла всего четыре года и Кира давно перестала быть ниже него. Потом – когда она поступала в университет. Когда впервые съезжала из родительской квартиры. Когда умерли родители и им пришлось вместе ехать в больницу за документами. Когда Артём не знал, как говорить о страшном, но пытался убедить обоих, что все еще способен оставаться старшим братом.

«Там, где папа учил тебя не бояться воды».

Это место тоже существовало.

Старая лодочная станция возле городского водохранилища. Почти заброшенная, закрытая много лет назад после реконструкции берега. Отец водил их туда летом, когда Кира была маленькой и боялась глубины. Артём плавал уверенно, прыгал с покосившегося деревянного настила, смеялся и дразнил сестру трусихой. Отец держал ее за руки и повторял, что вода не обязана быть врагом только потому, что дна не видно.

О лодочной станции почти никто не знал.

Даже друзья Киры вряд ли слышали. После смерти родителей они с Артёмом иногда встречались там в особенно трудные дни. Не часто. Не договаривались заранее. Просто место оставалось частью общего языка, который не требовал

объяснений.

Кира медленно подняла глаза.

– Когда пришло?

– Двадцать семь минут назад, – сказал Марк.

– Почему вы сразу не позвали?

– Проверяли источник.

– Откуда отправлено?

– Пока разбираемся.

– Он просит приехать.

– Вижу.

– Значит, жив.

Марк не ответил.

– Он жив, – повторила Кира.

– Возможно.

– Сообщение от него.

– Возможно.

– Что значит «возможно»? Там детали, которые знает только Артём.

Данила отложил ноутбук.

– Кира.

Она повернулась к нему.

– Что?

– Дайте посмотреть.

– Уже смотрите.

– Планшет.

Кира не хотела отдавать. Всего секунду, не больше. Но эта

секунда сказала о ее состоянии слишком многое. Она уже начала воспринимать сообщение как личную вещь, почти как прямое присутствие брата в комнате. Отдать означало позволить чужим людям разобрать его слова, интонации и память на технические признаки подделки.

Данила ждал спокойно.

Кира протянула планшет.

Он быстро прочитал сообщение, затем посмотрел на Марка.

– Метаданные?

– На твоём ноутбуке.

Данила открыл файл, пробежал глазами строки и нахмурился.

– Телефон точно был изолирован?

– Да, – ответил Марк. – Подключение через отдельную точку. Сеть подняли только после проверки.

– Хорошо.

Кира смотрела на него.

– Что?

Данила не ответил сразу. Пальцы двигались по клавиатуре быстрее, чем можно было ожидать от человека после операции. Он открыл несколько окон, ввел команды, проверил цифры, снова вернулся к сообщению. Ирония исчезла полностью. На лице осталось сосредоточенное напряжение.

– Данила.

– Минуту.

– У нас нет минуты.

– Есть.

– Артём написал, что времени мало.

– Именно поэтому не торопитесь.

Кира почувствовала, как внутри поднимается злость.

– Вы все постоянно говорите одно и то же. Не торопитесь. Подождите. Не выходите. Не звоните. Не решайте сами. А если это действительно он? Если Артём ждет? Если ему угрожают?

Марк стоял возле окна, не вмешиваясь. Тимур молчал у стены. Только взгляд стал внимательнее.

Данила продолжал работать.

– Сообщение пришло не с обычного номера, – сказал он наконец.

– Но телефон показывает контакт Артёма.

– Потому что отправитель подменен.

– Что значит подменен?

– Можно заставить аппарат показать знакомый номер, если сообщение приходит через определенный шлюз. Это не особенно сложно, если заранее знать, какой контакт нужен.

– Вы уверены?

– Да.

– Может быть, Артём специально использовал другой канал, чтобы его не нашли.

– Может быть. Но это не единственная проблема.

Он развернул ноутбук так, чтобы Кира видела экран. На

нем были открыты строки, цифры, адреса, непонятные обозначения. Для нее все выглядело бессмысленным набором символов.

– Сообщение прошло через несколько промежуточных серверов, – объяснил Данила. – Один в Финляндии, другой в Германии, третий зарегистрирован на компанию, которой не существует уже два года. Конечный узел маскируется. Отправитель не хотел, чтобы мы поняли, откуда пришло сообщение.

– Артём тоже не хотел бы.

– Согласен.

– Тогда это ничего не доказывает.

– Пока ничего.

Кира сжала руки на груди.

– Что еще?

Данила открыл другое окно.

– Время отправки. Сообщение подготовили заранее и поставили на отложенную доставку после того, как аппарат появится в сети. Кто-то знал, что телефон рано или поздно включат.

– Артём мог знать.

– Мог.

– Вы снова говорите так, будто ищете повод не верить.

– Ищу способ проверить.

– Проверяйте быстрее.

Данила посмотрел на нее внимательно.

– Кира, текст составлен очень хорошо. Именно поэтому нужно быть осторожными.

– Хорошо составлен?

– Он не просто звучит как ваш брат. Он рассчитан на конкретную реакцию. Вам предлагают уйти из дома без звонка, никому не сообщать, взять вещь, с которой вы чувствуете себя увереннее, и приехать одной в место, связанное с семьей. Никаких подробностей. Никаких проверяемых фактов. Только эмоциональные крючки.

– Это мог написать Артём, потому что знает меня.

– Именно.

– Тогда в чем проблема?

– В том, что кто-то другой тоже знает вас достаточно хорошо.

Кира молчала.

Слова прозвучали неприятно. Не страшно, пока еще нет. Скорее неправильно. Как будто Данила открыл дверь в помещение, существование которого она не хотела признавать. За ней находилась мысль: чужие люди изучали не только маршрут и фотографии. Они знали характер отношений внутри семьи. Знали, какие слова использовать. Какие воспоминания вытянуть на поверхность. Как заставить ее действовать не рассуждая.

– Лодочная станция, – сказала Кира. – О ней никто не знает.

– Вы уверены?

– Да.

– Совсем никто?

Она задумалась.

Артём мог упоминать. Когда-то. Кому-то. В разговоре, который не считал важным. Мог хранить фотографии. Переписываться с Кирой. Оставить геолокацию в старых сообщениях. После смерти родителей они действительно встречались там несколько раз. Возможно, писали друг другу: «Давай у воды». Возможно, отправляли фотографии. Возможно, кто-то получил доступ к телефону брата, почте или облаку.

Личное место внезапно перестало быть личным.

Кира почувствовала холод, хотя в комнате было тепло.

– Можно проверить, писал ли он сам? – спросила она.

– Попробуем, – сказал Данила. – Но понадобится время.

– У нас нет времени.

– Это утверждает человек, который хочет вытащить вас из безопасного дома.

– Если Артём в опасности, каждая минута имеет значение.

– Если сообщение отправили люди Ратникова, каждая спешная минута работает на них.

Марк подошел ближе.

– Кира, на станцию вы не поедете.

Она повернулась к нему.

– Не вам решать.

– Мне.

– Нет.

– Вы не выйдете за ворота.

– Тогда мне придется снова искать лестницу.

– Не поможет.

– Проверим.

Марк смотрел спокойно, но в его голосе исчезла прежняя готовность к переговорам.

– Это не вчерашняя проверка границ. Вчера мы знали, где находятся люди Ратникова поблизости, и контролировали дорогу. Сейчас получили сообщение, рассчитанное на то, чтобы вы вышли одна. Возможность побега закрыта полностью.

– Если пишет Артём, он может погибнуть, пока вы будете анализировать серверы.

– Если пишет не Артём, погибнуть можете вы.

– Это риск, который касается меня.

– Не только вас.

– Не начинайте снова.

– Начну. Потому что вчера Тимур вытаскивал вас из клуба под огнем. Данила получил пулю, ожидая вашего приезда. Люди охраны рисковали, когда меняли машины. Если вы сейчас уйдете и попадете в ловушку, вытаскивать придется снова. Поэтому решение касается не только вас.

Кира знала, что Марк прав, и от этого становилось только хуже.

– Вы предлагаете ничего не делать.

– Нет. Отправим людей на станцию. Проверим подходы, камеры, машины, возможные точки наблюдения. Данила продолжит анализировать маршрут сообщения. Вы останетесь здесь.

– Артём написал приехать одной.

– Поэтому вы не поедете.

– Если увидит ваших людей, может уйти.

– Если это действительно Артём, найдем способ связаться безопасно.

– А если не найдем?

Марк выдержал ее взгляд.

– Тогда будем искать дальше.

Кира посмотрела на планшет. Сообщение оставалось открытым. Короткий текст, несколько строк, привычное обращение, просьба, которую брат почти наверняка знал бы, как сформулировать.

«Не тyani, мелкая».

Она слышала его голос.

Не буквально. Но достаточно ясно, чтобы тело уже готовилось действовать раньше мысли. Надеть куртку. Забрать битую. Найти лестницу или ворота. Потребовать машину. Выйти. Доехать до лодочной станции. Увидеть Артёма живым. Выслушать объяснения. Накричать. Ударить по плечу. Потом уже разбираться с Марком, Тимуром и всем остальным. Привычный сценарий.

Артём влипал в неприятности.

Кира приезжала.

Всегда.

– Я хочу увидеть сам телефон, – сказала она.

Марк передал аппарат в прозрачном пакете.

– Не включать. Не доставать.

Кира взяла пакет.

Старый телефон выглядел жалко и знакомо. Потертый чехол. Царапины. Выцветший кот в боксерских перчатках. Несколько лет назад Артём смеялся над наклейкой и предлагал заменить ее на что-нибудь менее детское. Кира отказалась только потому, что брат слишком настойчиво настаивал.

– Он был в моей машине, – сказала она.

– Да.

– Под сиденьем.

– Да.

– Артём мог положить.

– Мог.

– И оставить включенным позже, чтобы написать.

– Телефон был полностью разряжен, – сказал Данила. – Сообщение пришло только после подключения.

– Значит, кто-то знал, что вы найдете.

– Или рассчитывал, что рано или поздно найдете.

– Почему не написать на мой обычный телефон?

Марк посмотрел на нее.

– Потому что обычный телефон у нас.

Кира замолчала.

– Они знают, что я здесь, – сказала она.

– Возможно, – ответил Марк.

– Не возможно. Если сообщение рассчитано на то, что аппарат найдут после проверки машины, значит, знали, куда меня увезли.

– Не обязательно. Могли рассчитать несколько сценариев.

– Каких?

– Что вы сами доберетесь до машины. Что аппарат найдет полиция. Что найдем мы. Что включат сотрудники клуба. Любой вариант создавал шанс доставить сообщение.

– Но текст говорит уйти из дома.

Марк кивнул.

– Это важнее.

Тишина в комнате изменилась.

Кира посмотрела на окно. За стеклом виднелся двор, белый снег, дорожка, забор и человек охраны возле ворот. Дом по-прежнему выглядел надежным. Уютным, почти обычным. Но если отправитель знал, что она находится именно в доме, безопасность становилась иллюзией.

Тимур уже достал телефон.

– Проверю периметр, – сказал он.

– Усиль внешний контур, – ответил Марк. – И машину Киры еще раз. Полностью.

– Понял.

Он вышел.

Кира проводила мужчину взглядом.

– Вы думаете, за домом следят.

– Не исключаю, – сказал Марк.

– Ваше любимое выражение.

– Оно полезное.

– А если люди Ратникова уже знают адрес?

– Тогда придется менять место.

– Снова?

– При необходимости.

Кира почувствовала неожиданную тревогу. Еще вчера она воспринимала дом как клетку и искала способ выбраться. Теперь мысль о том, что клетка может оказаться недостаточно защищенной, была не менее неприятной.

– Данила, – сказал Марк, – проверь старые входящие на номер. Все, что проходило за последние недели.

– Уже.

– Ищи привязку к времени, когда Артём появлялся возле клуба.

– Да.

– Потом облако. Возможно, у отправителя есть доступ к старым перепискам.

– Займет время.

– Работай.

Вера вошла в комнату именно в этот момент и сразу нахмурилась.

– Нет.

Данила даже не поднял головы.

– Что именно?

– Все.

– Очень конкретно.

– Ты после операции. У тебя температура. Давление нестабильное. Через десять минут ложишься и спишь.

– Вера, сейчас не лучший момент.

– Лучшего не будет, если швы разойдутся.

– Я почти закончил.

– Ты всегда почти закончил.

Она подошла к кровати, посмотрела на монитор и недовольно покачала головой.

– Пять минут.

– Десять.

– Три.

– Восемь.

– Четыре, и я не выключаю ноутбук силой.

Данила вздохнул.

– Жестокая женщина.

– Именно поэтому ты еще жив.

Кира смотрела на них и почти не слышала слов. В голове продолжало звучать сообщение.

«Никому не верь. Особенно тем, кто скажет, что спасает тебя».

Фраза попадала слишком точно. Артём знал бы, как она отреагирует на мужчин, решивших распорядиться ее жиз-

нюю. Знал бы, что Кира не принимает чужих приказов. Что рано или поздно попытается выйти. Что слова Марка только усилят сопротивление. Что Тимур может удержать силой, но не убедить оставаться бесконечно.

И кто-то другой тоже знал.

– Я хочу получить копию сообщения, – сказала Кира.

– Получите, – ответил Марк.

– И все результаты проверки.

– Существенные.

– Все.

– Кира.

– Это касается меня напрямую.

Марк немного помолчал.

– Хорошо.

Она неожиданно не поверила.

Возможно, потому что Северцев слишком быстро согласился. Возможно, потому что уже привыкла искать за каждым его ответом границу, условие и скрытую оговорку. Возможно, потому что сообщение сделало именно то, ради чего было отправлено: поселило сомнение.

Никому не верь.

Особенно тем, кто скажет, что спасает тебя.

Марк приказал не выпускать ее из дома.

Тимур отобрал телефон и физически возвращал с забора.

Данила доказывал, что сообщение поддельное.

Все трое могли быть правы.

Или все трое могли использовать ее ровно так же, как люди Ратникова.

Кира посмотрела на Марка.

– Почему я должна вам верить?

Он не удивился.

– Не должны.

– Удобный ответ.

– Честный.

– Вы можете подделать данные так же легко, как кто-то подделал номер.

– Можем.

– Можете придумать историю про серверы, шлюзы, метаданные и отложенную доставку. Я все равно ничего не понимаю в технических деталях.

– Можем.

– И вам снова нечего возразить?

– Есть. Но возражения ничего не изменят, если вы уже решили не доверять.

Кира сжала пакет со старым телефоном.

– Я не решила.

– Тогда проверяйте.

– Как?

– Задавайте вопросы. Смотрите документы. Слушайте Данилу. Сравнивайте. Не принимайте решений в первые минуты после сообщения, которое специально рассчитано на вашу тревогу.

– И сидите за забором.

– Пока да.

Она чувствовала, как злость борется с разумом. Марк говорил правильно. Настолько правильно, что хотелось возразить хотя бы из принципа.

– Я все равно хочу поехать к лодочной станции, – сказала Кира.

– Нет.

– С охраной.

– Нет.

– В машине. Не выходя.

– Нет.

– Почему?

– Потому что цель сообщения – заставить вас появиться там. Пока не поймем зачем, не дадим противнику желаемое.

– А если присутствие нужно, чтобы Артём вышел?

– Найдем другой способ.

– Какой?

– Камеры. Люди. Наблюдение. Дроны, если понадобится. Но не вы.

Кира отвернулась.

За окном Тимур уже разговаривал с двумя людьми охраны возле ворот. Один направился к гаражу, другой – вдоль забора. Система пришла в движение мгновенно. Несколько коротких команд, несколько звонков, и дом перестал выглядеть сонным. Где-то во дворе завелась машина.

Она снова прочитала сообщение.

Каждое слово оставалось правильным.

Именно так Артём мог бы написать. Не литературно. Не подробно. Не пытаюсь объяснить всю ситуацию в нескольких строках. С раздраженным беспокойством, с семейной деталью, с просьбой, замаскированной под приказ.

«Не тяни, мелкая».

Кира почти видела, как брат набирает сообщение. Большой палец быстро движется по экрану. Он несколько раз стирает лишние слова, потому что знает: длинные объяснения только усилят тревогу. Потом отправляет, убирает телефон и ждет возле старой лодочной станции, где ветер пахнет водой и ржавым металлом.

Почти.

Но рядом существовала другая картинка.

Кто-то сидит за чужим ноутбуком. Перед ним открыты старые переписки Артёма. Фотографии. Сообщения. Геолокация. Возможно, записи разговоров. Он методично собирает детали, выбирает нужные слова, проверяет интонацию. Не знает Киру лично, но понимает достаточно. Знает, что она приедет. Потому что всегда приезжала.

Мысль вызвала тошноту.

Кира положила планшет на стол.

– Отправьте людей, – сказала она.

Марк кивнул.

– Уже.

- Я хочу знать все сразу.
- Будете знать.
- Если найдете Артёма, не скрывайте.
- Не буду.
- Если там ловушка, тоже.
- Да.
- И если выяснится, что сообщение действительно отпра-

вил он...

Она замолчала.

Марк смотрел спокойно.

- Тогда что? – спросил он.

Кира стиснула зубы.

- Тогда я сама решу, что делать.

- Обсудим.

- Нет. Решу.

- Когда получим факты.

- Вы не умеете уступать даже в воображаемой ситуации?

- Не умею обещать то, чего не выполню.

Кира коротко рассмеялась без веселья.

- Невыносимый человек.

- Мне говорили.

Вера забрала у Данилы ноутбук.

- Все. Закончили.

- Я не закончил.

- Организм закончил раньше.

- Еще минуточку.

– Нет.

– Кира, – сказал Данила, пока Вера закрывала экран. –

Посмотрите на текст еще раз.

Она повернулась.

– Зачем?

– На фразу про биту.

Кира взяла планшет.

«Возьми старую биту и приезжай одна к нашему месту».

– Что не так?

– Почему старую?

– Потому что она в клубе.

– Была.

– Артём мог знать, что я забрала.

– Когда?

Кира замолчала.

– Вы приехали в клуб после его исчезновения, – продолжил Данила. – Артём ушел раньше. Если он не наблюдал со стороны, то не мог знать, что вы взяли биту. Если наблюдал – почему не помог? Почему не предупредил? Почему позволил людям Ратникова войти? Почему не связался раньше?

– Может быть, видел позже. У дома. На камерах.

– Может быть.

– Или просто предположил. Я часто использовала эту биту.

– Часто носили с собой?

– Нет.

– Тогда зачем отдельно писать, чтобы взяли именно ее?
Кира смотрела на сообщение.

Слова, еще несколько минут назад казавшиеся доказательством подлинности, вдруг изменились. Не полностью. Но достаточно, чтобы внутри появилось новое сомнение.

– Это не совет защититься, – сказал Данила. – Это проверка.

– Какая?

– Возможно, бита нужна не вам.

Марк мгновенно повернулся к нему.

– Думаешь, внутри что-то есть?

– Не знаю. Но если отправитель отдельно упомянул вещь, которую Кира случайно забрала из клуба, значит, либо видел ее после нападения, либо заранее знал, что она возьмет биту. Оба варианта слишком удобные.

Кира почувствовала, как пальцы холодеют.

– Бита в моей комнате.

Тимур появился в дверях почти сразу, словно услышал последние слова из коридора.

– Не трогать, – сказал Марк.

– Понял.

– Проверь комнату. Аккуратно. Ничего не двигать до осмотра.

Тимур кивнул и вышел.

Кира сделала шаг следом.

– Я с вами.

– Нет, – сказал Марк.

– Это моя вещь.

– Именно поэтому останетесь здесь.

– Марк.

– Если внутри устройство слежения, датчик, накопитель или что-то еще, трогать без проверки нельзя.

– Я спала рядом с ней две ночи.

– Знаю.

Ответ прозвучал слишком спокойно, но Кира заметила, как изменилось лицо Северцева. Совсем немного. Холодность осталась, однако под ней появилась жесткая собранность человека, который внезапно увидел новую угрозу внутри собственного периметра.

– Вы думаете, в бите маячок? – спросила она.

– Не знаю.

– Поэтому люди Ратникова могли знать, где дом.

– Возможно.

Снова это слово.

Кира посмотрела на старый телефон в прозрачном пакете. На сообщение. На Данилу, уставшего после нескольких минут работы сильнее, чем хотел показывать. На Марка, уже мысленно перестраивающего всю систему безопасности. На Веру, которая молча убрала лекарства и явно собиралась спорить с пациентом позже. На открытую дверь, за которой исчез Тимур.

Угроза проникла в дом не через ворота.

Не перелезла через забор.

Не спряталась в багажнике машины.

Она могла лежать рядом с Кирой всю ночь, в нескольких сантиметрах от руки. В старой деревянной бите, которую Артём когда-то принес в клуб ради интерьера и которую Кира считала единственной понятной вещью в мире, внезапно ставшем слишком сложным.

Через несколько минут Тимур вернулся.

В руках у него был длинный черный футляр, похожий на контейнер для инструментов. Биту он не принес.

– Что? – спросил Марк.

– Есть полость в рукояти, – ответил Тимур. – Не заводская. Заглушка сидит плотно. Пока не открывал.

Кира почувствовала, как внутри все сжалось.

– Там что-то есть?

– Да.

– Что?

– Не знаю.

– Откройте.

Марк посмотрел на Тимура.

– Отнести в гараж. Проверить экранирование. Потом вскрывать.

– Понял.

– Я пойду, – сказала Кира.

Марк повернулся к ней.

– Нет.

– Даже не начинайте.

– Кира, если внутри передатчик, мы не знаем, что именно он делает. Если накопитель – не знаем, защищен ли. Если устройство срабатывает при вскрытии – тем более нельзя находиться рядом.

– Это моя бита.

– Сейчас это потенциальный источник угрозы.

– И, возможно, ключ к архиву.

Данила тихо выдохнул.

– Или часть ключа.

Все посмотрели на него.

– Артём мог спрятать носитель внутри, – продолжил он. – Тогда сообщение рассчитано не только на то, чтобы вы приехали. Отправителю нужна бита.

– Поэтому велел взять ее с собой, – сказал Марк.

– Да.

Кира почувствовала, как последние остатки уверенности исчезают.

Если сообщение отправил Артём, он хотел передать что-то через старую семейную вещь.

Если сообщение отправили люди Ратникова, они знали о спрятанном внутри и пытались заставить Киру принести нужный предмет самостоятельно.

В обоих случаях брат использовал ее.

Снова.

Не предупредив. Не спросив. Не объяснив. Просто поло-

жив очередную проблему рядом и рассчитывая, что Кира обязательно подхватит, когда понадобится.

Она медленно села на стул.

– Он спрятал что-то в моей бите, – сказала Кира.

Никто не ответил.

– И даже не сказал.

Марк немного помолчал.

– Пока мы не знаем, что именно там находится.

– Но знаем достаточно.

Она смотрела на прозрачный пакет со старым телефоном.

Слова сообщения теперь выглядели иначе. Не голосом брата из прошлого. Не просьбой о помощи. Не дорогой к человеку, которого нужно спасти.

Приманкой.

Слишком аккуратной. Слишком личной. Слишком хорошо рассчитанной.

«Никому не верь».

Отправитель понимал, что Кира не доверяет Марку, Тимуру и Даниле. Понимал, что после ночного побега она уже думает о способах выйти за ворота. Понимал, что достаточно дать направление и назвать семейное место, чтобы сопротивление остальным мужчинам сделало всю работу.

Кира сжала пальцы.

– Они знают обо мне слишком много.

На этот раз Марк не стал смягчать ответ.

– Да.

– О нашей семье. О станции. О том, как Артём меня называет. О бите.

– Да.

– Значит, у них его телефон. Переписка. Возможно, доступ к облаку.

– Скорее всего.

– И, возможно, сам Артём.

Марк посмотрел прямо на нее.

– Возможно.

Кира ненавидела это слово.

Но впервые не стала спорить.

Потому что за ним стояла не осторожность Северцева и не привычка избегать обещаний. За ним стояла страшная неопределенность. Артём мог быть жив. Мог находиться у людей Ратникова. Мог действительно пытаться связаться. Мог лгать. Мог снова считать себя самым умным человеком в комнате и рассчитывать, что сестра послушно сделает то, что нужно.

И где-то между этими вариантами находилась правда.

Тимур направился к гаражу с футляром в руках.

Кира поднялась.

– Я хочу видеть, что внутри.

– Увидите, – сказал Марк.

– Не фотографию. Не пересказ. Своими глазами.

– После проверки.

– Когда?

– Скоро.

– Насколько скоро?

– Как только убедимся, что открывать безопасно.

Она посмотрела на него.

– Если попытаетесь что-то скрыть...

– Не попытаюсь.

– Вы уже скрывали.

– Да.

– И сейчас решили быть честным?

Марк немного помолчал.

– Сейчас вам действительно нужно знать.

Ответ оказался почти хуже лжи.

Кира прошла к окну. Во дворе снова начал падать снег, легкий и редкий. Лестница так и не вернулась к северному забору. Человек охраны быстрым шагом шел вдоль дорожки. Возле ворот стояла заведенная машина. Где-то за высоким металлическим периметром существовал город, в котором чужие люди носили семейные воспоминания как связку ключей и открывали ими нужные двери.

Вчера Кира хотела выбраться наружу, потому что не переносила клеток.

Сегодня впервые поняла: забор защищает не только от желания уйти.

Иногда он нужен, чтобы чужой голос, даже идеально похожий на голос родного человека, не смог позвать тебя туда, где уже ждут.

Глава 7. Флешка без содержимого

Гараж находился в дальней части дома и совсем не походил на помещение, предназначенное только для хранения автомобилей. Кира поняла это сразу, как только Тимур открыл тяжелую металлическую дверь и пропустил ее вперед. Вдоль одной стены стояли два темных внедорожника, чистых настолько, словно снег, грязь и ночные поездки не имели к ним никакого отношения. Напротив располагался длинный рабочий стол под яркими лампами, несколько шкафов с инструментами, закрытые металлические ящики и стойка с оборудованием, назначение которого Кира могла определить лишь приблизительно. Провода, небольшие экраны, набор отверток, прозрачные пакеты, перчатки, портативный сканер и плоский черный контейнер создавали ощущение не мастерской, а аккуратно устроенной лаборатории, которую временно спрятали среди машин.

Бита лежала на столе.

Обычная деревянная бита, которую Артём много лет назад принес в бойцовский клуб ради сомнительного декоративного эффекта. Кира помнила, как смеялась над ним: говорил, что интерьер должен выглядеть «по-настоящему бойцовским», словно нескольких рингов, мешков, перчаток и запаха спортивной магнезии было недостаточно. Потом бита прижилась. Стояла возле стойки с инвентарем, иногда ис-

пользовалась на тренировках, иногда попадала в руки подросткам, которые просили разрешения сфотографироваться. Кира не относилась к ней бережно. Не видела причин. Дерево успело покрыться мелкими царапинами, рукоять потемнела от времени, на поверхности остались следы ударов.

Теперь возле основания рукояти виднелась тонкая линия, которой раньше Кира не замечала.

Тимур надел перчатки и включил настольную лампу. Марк стоял рядом, опираясь ладонями на край стола. Данила, вопреки категорическому запрету Веры покинуть медицинскую комнату, участвовал в происходящем через ноутбук: на небольшом экране возле инструментов отображалось его бледное лицо, часть подушки и угол больничной рубашки. Он выглядел раздражающе довольным собой, словно само присутствие на видеосвязи доказывало победу над врачебной тиранией.

– Я все еще считаю, что мог бы дойти сам, – сказал Данила.

– Нет, – ответил Тимур.

– Очень аргументированно.

– Вера сказала нет.

– Вера находится под влиянием устаревших представлений о восстановлении после операции.

– У тебя температура, – сказал Марк, не поворачиваясь к экрану.

– Незначительная.

– Тридцать восемь и четыре, – раздался голос Веры откуда-то за пределами изображения.

Данила медленно прикрыл глаза.

– В этом доме невозможно сохранить личную жизнь.

– У тебя нет личной жизни, – сказала Вера.

– Именно поэтому особенно обидно.

Кира не улыбнулась, хотя обычно разговор Данилы с врачом заставлял хотя бы ненадолго забыть о происходящем. Сейчас внимание было приковано к бите. Она смотрела на тонкий шов у основания рукояти и пыталась понять, сколько раз держала дерево в руках, не замечая ничего необычного. Вчера спала рядом. До этого несла через зал, прижимала к груди в машине, оставляла возле кровати. Если внутри действительно находился передатчик, люди Ратникова могли видеть маршрут от клуба до дома. Могли знать, где она находится. Могли ждать удобного момента.

Марк повернул голову.

– Тимур.

Тот взял тонкий металлический инструмент, осторожно поддел заглушку и начал медленно проворачивать. С первого раза ничего не произошло. Дерево выглядело цельным, почти обычным. Только при ярком свете становилось заметно: край обработан слишком аккуратно, словно кто-то специально состарил поверхность, чтобы скрыть вмешательство. Тимур сменил насадку, нажал немного сильнее. Заглушка поддалась.

Кира услышала короткий сухой щелчок.

В основании биты открылась полость.

Внутри находился небольшой цилиндрический контейнер, завернутый в тонкий слой прозрачного материала. Тимур не торопился доставать. Сначала провел сканером вдоль рукояти, посмотрел на экран, затем осторожно извлек контейнер длинным пинцетом и положил на металлическую пластину.

– Сигнала нет, – сказал он.

– Сейчас? – спросил Марк.

– Сейчас нет.

– Может включаться периодически?

– Может.

– Или реагировать на движение, – произнес Данила через экран. – Проверь питание.

Тимур снял прозрачную оболочку.

Внутри оказалось устройство размером чуть больше пальца: черная пластиковая капсула, небольшой элемент питания, тонкая металлическая пластина и микросхема. Никаких надписей. Никаких фирменных обозначений. Только крошечный индикатор, который не горел.

Кира смотрела молча.

– Маячок? – спросила она.

Тимур кивнул.

– Похоже.

– Работает?

– Проверим.

– Он передавал координаты дома?

Марк ответил раньше:

– Пока не знаем.

– Но мог.

– Да.

Слово прозвучало слишком просто. Без попытки смягчить. Без привычного «возможно», которое еще вчера раздражало Киру сильнее прямых ответов. Сейчас она почти предпочла бы услышать осторожную формулировку. Любую лазейку, позволяющую надеяться, что устройство оказалось сломанным, неактивным или случайно забытым кем-то несколько лет назад.

Тимур подключил капсулу к небольшому прибору. На экране появились строки цифр. Данила наклонился ближе к своему ноутбуку, явно пытаясь рассмотреть показания.

– Есть память событий? – спросил он.

– Да.

– Последняя передача?

Тимур нажал несколько кнопок.

– Сегодня ночью. Ноль три семнадцать.

В гараже стало тихо.

Кира невольно посмотрела на Марка.

– Значит, они знают адрес.

– Не обязательно, – сказал он.

– Не обязательно?

– Устройство могло передавать не координаты, а короткий сигнал присутствия. Возможно, его считывает внешний приемник только с ограниченного расстояния.

– И это должно успокоить?

– Нет.

– Тогда не пытайтесь.

Марк кивнул.

– Не пытаюсь.

Тимур продолжал изучать устройство. Двигался спокойно, методично, без лишних жестов. На его лице ничего не менялось, но Кира уже научилась замечать едва уловимые признаки напряжения: чуть более жесткая линия рта, слишком неподвижный взгляд, замедленный вдох перед ответом. Вчера этот человек ждал ее под забором с лестницей в багажнике и позволял себе почти сухие шутки. Теперь в нем не осталось ни тени терпеливого спокойствия.

– Марк, – сказал он. – Меняем дом.

Кира напряглась.

– Сейчас?

– Да, – ответил Марк.

– Куда?

– Пока неважно.

– Для меня важно.

– Узнаете перед выездом.

– То есть снова посадите в машину и увезете неизвестно куда?

– Да.

– Очень удобно.

– Кира, – сказал Тимур.

Она повернулась.

– Что?

– Маячок передавал сигнал. Возможно, дом уже засвечен.

Спорить будем в машине.

Тон оставался спокойным, но сейчас в нем не было пространства для привычной перепалки. Кира поняла: если продолжит спорить, Тимур действительно поднимет ее и вынесет из гаража, не испытывая ни малейшего удовольствия от происходящего.

– Сколько времени? – спросила она.

– Собраться – десять минут, – сказал Марк. – Выезжаем через пятнадцать.

– Данила?

– Останется до последнего, потом перевезем отдельно.

На экране лицо пациента стало особенно недовольным.

– Очень приятно узнать о собственной судьбе из чужого разговора.

– Ты едешь с Верой, – сказал Тимур.

– Я мог бы ехать с вами.

– Нет.

– Это дискриминация раненых.

– Это медицинская необходимость, – вмешалась Вера. –

И если ты продолжишь спорить, поедешь под снотворным.

– Жестокость стала нормой.

– Наконец-то заметил.

Кира смотрела на черную капсулу. Маленькое устройство лежало на металлической пластине и выглядело почти безобидно. Никакой мигающей лампочки, никакого громкого звука, никакой угрозы, которую можно заметить заранее. Просто кусочек пластика, спрятанный внутри дерева. Но именно он мог провести людей Ратникова к дому, где находились Марк, Тимур, раненый Данила, Вера и охрана. Кира принесла его сама. Держала в руках, прижимала к телу, несла через запасной выход, положила рядом с кроватью. Угроза вошла вместе с ней, как послушная вещь.

– Кто мог установить? – спросила она.

– Артём, – сказал Марк.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Кира резко повернулась.

– Вы уверены?

– Нет.

– Тогда зачем говорите его имя первым?

– Потому что он имел доступ к бите. И потому что полость сделали не вчера. Следы обработки старые.

– Артём мог спрятать внутри что-то другое. Потом маячок заменили.

– Мог.

– Люди Ратникова могли найти тайник.

– Да.

– Или вы сами.

Марк не отвел взгляда.

– Могли.

– И снова не пытаетесь убедить, что вы хорошие?

– Это бесполезно.

– Иногда можно хотя бы сделать вид.

– Зачем?

Кира раздраженно выдохнула. В разговорах с Северцевым постоянно возникало ощущение, будто мужчина не оставляет ей привычных точек для нападения. Не оправдывается. Не требует доверия. Не изображает благородство. Принимает любые подозрения как часть задачи и продолжает двигаться дальше.

– Маячок установлен поверх чего-то? – спросил Данила.

Тимур внимательно осмотрел полость.

– Есть еще один слой.

Кира замерла.

– Что?

Тимур посветил внутрь тонким фонариком, затем взял другой инструмент и осторожно извлек маленький прямоугольный предмет. На этот раз не капсулу. Крошечную карту памяти, завернутую в прозрачную пленку.

– Интереснее, – произнес Данила.

– Это ключ? – спросила Кира.

– Не спешите, – сказал Марк.

– Мне уже надоело не спешить.

Тимур положил карту памяти в отдельный пакет.

– Проверять нужно на изолированном компьютере.

– Сколько времени?

– Не знаю.

– Вы вообще когда-нибудь отвечаете чем-то кроме «не знаю», «нет» и «потом»?

Тимур посмотрел на нее спокойно.

– Иногда.

– Когда?

– Когда знаю.

Данила на экране тихо усмехнулся.

– Вам еще повезло. Обычно он отвечает взглядом.

– И этого всем достаточно?

– Люди быстро обучаются.

Кира не стала продолжать спор. В голове уже складывалась неприятная картина. Внутри биты действительно находился носитель. Возможно, Артём спрятал карту давно. Возможно, рассчитывал, что сестра не заметит. Потом кто-то обнаружил тайник, добавил маячок и отправил сообщение, предлагая привезти биту к лодочной станции. Если бы Кира поверила голосу брата и выбралась из дома, она сама принесла бы не только себя, но и спрятанную информацию.

Именно это было самым унижительным.

Не опасность. Не страх. Даже не необходимость снова менять укрытие.

То, насколько легко чужие люди использовали ее привыч-

ки.

Кира всегда приезжала.

Всегда брала на себя последствия.

Всегда думала, что если проблема касается Артёма, то времени на осторожность нет.

Теперь кто-то превратил это в инструкцию.

– Марк, – сказала она. – Покажите флешку.

Он посмотрел внимательнее.

– Сейчас?

– Вы обещали рассказать о том, что касается меня и Артёма. Маячок касается. Карта памяти касается. Флешка тоже.

– Нам нужно уезжать.

– У вас есть пятнадцать минут.

– Десять.

– Значит, говорите быстрее.

Несколько секунд Марк молчал. Потом взял со стола черный контейнер, открыл и достал прозрачный пакет. Внутри лежала небольшая флешка без каких-либо опознавательных знаков. Обычный металлический накопитель, который можно купить в любом магазине электроники. Ничего примечательного. Ничего, способного объяснить стрельбу, слежку, исчезновение Артёма и пулю в бок Данилы.

Марк положил пакет перед Кирой.

– Нашли рядом с Данилой в клубе, – сказал он. – Вероятно, Артём передал до того, как вышел через служебную дверь. Или оставил заранее.

– Вы не уверены.

– Нет.

– Что на ней?

– Большая часть содержимого зашифрована.

– Данила говорил.

– Открытый раздел содержит несколько файлов: финансовые таблицы, список компаний, часть переписки и короткие заметки. Достаточно, чтобы подтвердить подлинность носителя. Недостаточно, чтобы доказать личное участие Ратникова в преступлениях.

– Покажите.

Марк посмотрел на Тимура.

– У нас мало времени.

– Пять минут ничего не изменят, – сказала Кира.

Тимур не ответил сразу. Затем взглянул на часы.

– Пять.

Марк взял ноутбук с рабочего стола, подключил флешку через небольшой переходник и развернул экран к Кире. На рабочем столе открылось окно с несколькими папками. Названия выглядели безлично: цифры, даты, аббревиатуры. Одна папка называлась «OPEN». Рядом находился массивный архивный файл с набором символов вместо имени.

– Вот открытый раздел, – сказал Марк.

Кира коснулась тачпада и открыла первую таблицу.

Строки. Названия компаний. Суммы. Даты. Платежи между организациями, о которых она никогда не слышала.

Некоторые суммы выглядели настолько большими, что мозг отказывался воспринимать их как реальные деньги. Миллионы переходили из одной фирмы в другую, дробились, возвращались, исчезали в новых счетах. В примечаниях стояли короткие обозначения: «ремонт», «консультация», «транспорт», «обслуживание». Обычные слова, которые становились подозрительными только из-за повторяемости и абсолютной бессмысленности.

– Что это? – спросила Кира.

– Часть цепочки, – ответил Марк. – Деньги уходили через подрядчиков, управляющие компании, фирмы-однодневки. Потом часть возвращалась наличными или использовалась для оплаты услуг.

– Каких?

– Разных.

– Говорите прямо.

Марк немного помолчал.

– В том числе незаконных.

– Нападений?

– Возможно.

– Убийств?

– Возможно.

– Вы опять.

– Потому что открытый раздел не доказывает связь прямую.

Кира открыла следующий файл.

Там была переписка. Несколько электронных писем без имен, только адреса и короткие сообщения. В одном обсуждалась поставка материалов. В другом – «решение вопроса» с человеком, который мешает оформлению участка. В третьем кто-то требовал «закрыть тему до понедельника» и «убедиться, что лишних показаний не будет». Ничего прямого. Никаких слов «убить», «запугать» или «подкупить». Только формулировки, удобные своей двусмысленностью.

– Это можно трактовать как угодно, – сказала Кира.

– Именно, – ответил Марк. – Поэтому нужен полный архив.

– А он внутри этого файла?

– Да.

Она посмотрела на массивный зашифрованный архив.

– Почему нельзя открыть?

Данила ответил через экран:

– Потому что Артём не хотел доверять всю информацию одному носителю. Флешка – первая часть. Внутри зашифрован контейнер. Для расшифровки нужен ключ. Не пароль из нескольких букв, который можно подобрать за пару часов, а отдельный цифровой файл или физический токен. Возможно, несколько частей.

– Карта памяти из биты.

– Возможно.

– Опять это слово.

– Привыкайте. В моей профессии оно полезнее уверенно-

сти.

Кира посмотрела на карту в прозрачном пакете.

– Подключите.

– Не сейчас, – сказал Тимур.

– Почему?

– Не проверили.

– Проверьте.

– Проверю после переезда.

– Мы потеряем время.

– Потеряем больше, если она активирует сигнал или уничтожит данные.

Данила кивнул.

– Тимур прав.

– Вы все всегда поддерживаете друг друга?

– Нет, – сказал Данила. – Просто в редкие моменты его правоты приходится признавать очевидное.

Тимур не отреагировал.

Кира снова посмотрела на открытые файлы.

– Артём украл это у Ратникова?

– Скорее всего, – ответил Марк.

– Как?

– Не знаем.

– Он работал на него?

– Через одну из компаний.

– Кем?

– Неофициально занимался документами, перевозками,

иногда решал вопросы с подрядчиками. Началось с мелких поручений. Потом доступ вырос.

Кира закрыла глаза на секунду.

Конечно.

Это было настолько похоже на Артёма, что даже удивляться не получалось. Он всегда входил в неприятности не через парадную дверь, а через мелкую удобную услугу. Помочь знакомому. Передать папку. Забрать конверт. Съездить на встречу. Заработать немного денег «без лишней бюрократии». Потом одна просьба тянула другую. Возможность отказать исчезала незаметно. Артём убеждал себя, что контролирует ситуацию до самого момента, когда ситуация начинала контролировать его.

– Как давно? – спросила она.

– Несколько лет, – сказал Марк.

– Несколько?

– Минимум три.

Кира почувствовала, как внутри поднимается новая волна ярости.

– Три года.

– Да.

– И он ничего не сказал.

– Видимо.

– Просил деньги. Иногда приезжал среди ночи. Уверял, что снова неудачно вложил. Рассказывал про долги. Про знакомых. Про работу. Про какую-то сделку с автосервисом.

Про поставки оборудования. Каждый раз новое объяснение. Марк молчал.

– А на самом деле работал на человека, который отправляет вооруженных людей за собственной сестрой.

– Возможно, сначала не понимал масштаб.

– Это его обычное оправдание. Он никогда не понимает масштаб, пока кто-нибудь другой не начинает расплачиваться.

Слова прозвучали жестче, чем Кира ожидала. Она остановилась, потому что вдруг услышала в собственном голосе не только злость, но и что-то болезненное, старое, накопившееся задолго до сегодняшнего дня.

Три года.

Три года Артём мог приходить к ней, пить кофе на кухне, просить помощи, обещать разобраться, смеяться над своими неприятностями и скрывать, что они давно перестали быть маленькими. Три года он использовал клуб, ключи, квартиру, возможно, машину и вещи сестры как удобные элементы собственной страховки.

Кира всегда считала, что спасает брата от его хаоса.

Теперь оказалось: часть хаоса Артём сознательно прятал в ее жизни.

– Почему вы думаете, что ключ у меня? – спросила она.

Марк открыл другую папку.

– Потому что Артём оставил записку.

На экране появился простой текстовый файл. Всего

несколько строк, набранных без подписи.

«Если основной носитель потерян, вторую часть не искать у меня. Она там, куда никто не полезет первым. У человека, который не знает, что хранит. Не звонить. Не предупреждать. Пока не понадобится – безопаснее, если она ничего не понимает».

Кира прочитала один раз.

Потом второй.

Внутри стало холодно.

– Он не написал имя, – сказала она.

– Нет.

– Значит, речь может быть не обо мне.

– Может, – ответил Марк.

– Но вы думаете обо мне.

– Да.

– Почему?

– Потому что Артём оставил старый телефон в вашей машине. Потому что карта памяти спрятана в бите, которую вы считали обычной вещью. Потому что люди Ратникова следили именно за вами. Потому что сообщение требовало взять биты. И потому что брат был уверен: вы приедете, если попросит.

Кира смотрела на текст.

«Безопаснее, если она ничего не понимает».

Фраза задевала почти физически.

Не «если не знает». Не «если не вовлечена». Не «если дер-

жится подальше».

Если ничего не понимает.

Артём снова решил, что сестру можно защитить, лишив права выбора. Спрятать рядом с ней важную вещь. Не предупредить. Не объяснить. Использовать доверие как замок, который никто не станет проверять первым.

Точно так же теперь поступал Марк.

С той разницей, что Северцев хотя бы не пытался изображать это заботой.

– Он превратил меня в сейф, – сказала Кира.

Никто не ответил.

– Просто положил что-то рядом и решил, что безопаснее не говорить.

– Похоже, – произнес Марк.

– А если бы люди Ратникова пришли раньше?

– Возможно, Артём рассчитывал, что не придут.

– Он всегда рассчитывает на лучшее. Особенно если последствия достаются другим.

Кира отошла от стола.

В гараже стало душно, хотя помещение оставалось прохладным. Запах металла, масла и чистящего средства внезапно раздражал. Хотелось выйти наружу, вдохнуть снег, пройтись, остаться одной хотя бы на несколько минут. Но теперь даже двор перестал казаться безопасным. Если маячок передавал сигнал, люди Ратникова могли находиться где-то неподалеку. Возможно, наблюдали за воротами. Возможно,

ждали выезда.

Тимур посмотрел на часы.

– Семь минут.

Марк отключил флешку и убрал обратно в контейнер.

– Собирайтесь, – сказал он Кире. – Только необходимое.

Одежда, документы. Остальное позже.

– Куда едем?

– На другой объект.

– Где?

– Узнаете в дороге.

– Марк.

– Сейчас адрес не знает никто, кроме меня и Тимура.

– Даже охрана?

– Получат маршрут частями.

– Вы думаете, среди ваших людей есть утечка?

– Не исключая.

– Из-за маячка?

– Не только.

Кира посмотрела на него внимательнее.

– Что еще?

Марк помолчал.

– Сообщение пришло слишком быстро после включения телефона. Отправитель либо заранее подготовил сценарий, либо получил сигнал о том, что аппарат нашли. Значит, кто-то видит больше, чем нам хотелось бы.

– И вы не знаете кто.

– Пока нет.

– Прекрасно.

– Поэтому уезжаем.

Кира взяла со стола прозрачный пакет с картой памяти.

Тимур мгновенно положил ладонь поверх.

– Оставьте.

– Это касается меня.

– Проверю и передам.

– Нет.

– Кира.

– Я не собираюсь выбегать с ней за ворота. Просто хочу держать при себе.

– Незвестный носитель не будет находиться рядом с вами до проверки.

– Почему вы решаете?

– Потому что это моя работа.

– А моя жизнь.

– Именно поэтому.

Их руки оставались рядом на столе. Кира сжимала край пакета, Тимур удерживал другой. Он не тянул силой. Не вырывал. Просто ждал, пока она отпустит сама. В этом спокойствии чувствовалась та же уверенность, что вчера возле забора: мужчина прекрасно понимал, насколько легко физически может настоять на своем, и именно поэтому не торопился демонстрировать превосходство.

Кира посмотрела ему в глаза.

– Если найдете что-то, скажете сразу.

– Да.

– Не сначала Марку.

– Сначала проверю безопасность.

– Тимур.

– Скажу сразу, как смогу.

– Это не то же самое.

– Другого ответа нет.

Она медленно разжала пальцы.

– Ненавижу этот дом.

– Скоро уедем.

– Следующий, вероятно, будет еще хуже.

– Возможно.

Кира мрачно посмотрела на него.

– Вы заразились от Марка.

– Чем?

– Этим словом.

На лице Тимура едва заметно изменилось выражение. Почти улыбка. Слишком короткая, чтобы Кира могла быть уверена.

– Собирайтесь, – сказал он.

Она вышла из гаража.

Дом уже пришел в движение. В коридоре появились люди охраны. Кто-то нес сумки. Кто-то разговаривал по телефону короткими фразами. Возле бокового входа стояли два раскрытых контейнера с медицинским оборудованием.

Вера быстро проверяла лекарства, недовольно комментируя каждую попытку Данилы вмешаться. Пациент по-прежнему участвовал через видеосвязь и выглядел так, словно считал переезд личным оскорблением.

Кира поднялась в комнату.

Собирать было почти нечего. Сумка оставалась наполовину разобранной после проверки. Документы, кошелек, куртка, несколько вещей из шкафа, которые ей дали в доме. Телефона нет. Ключей от машины нет. Бита осталась в гараже. Кира смотрела на пустую кровать и испытывала странное чувство, будто прожила здесь не двое суток, а несколько недель. Комната успела стать знакомой: окно, через которое она оценивала высоту, тумбочка, на которой лежала бита, покрывало, смятое после беспокойного сна. Теперь все это снова превращалось в чужие вещи внутри временного убежища.

Она застегнула сумку.

На пороге стоял Марк.

– Готовы?

– Почти.

– Хорошо.

– Вы знали о заметке раньше.

Это был не вопрос.

Марк не стал притворяться.

– Данила открыл файл ночью.

– И вы решили показать только сейчас.

– Хотел сначала проверить телефон и битую.

– Потому что считали, что у меня ключ.

– Считаю до сих пор.

– А если карта из биты и есть ключ?

– Тогда повезло.

– Но вы думаете, что все сложнее.

– Артём не стал бы оставлять единственную страховку в вещи, к которой имел доступ любой человек в клубе.

Кира стиснула ручку сумки.

– Значит, карта – только часть.

– Возможно.

– И вторая часть где-то у меня.

– Вероятно.

– В квартире?

– Может быть.

– В машине?

– Проверили.

– В клубе?

– Тоже.

– Тогда где?

Марк посмотрел на нее внимательно.

– Вот это нам предстоит выяснить.

– Вы будете перебирать мою жизнь вещь за вещью.

– Если понадобится.

– Квартиру.

– Да.

– Старые документы.

– Да.

– Фотографии.

– Да.

– Сообщения.

– Да.

– Все, к чему мог прикоснуться Артём.

– Да.

Кира почувствовала раздражение.

– И снова без моего разрешения.

– С вашим участием, насколько возможно.

– Какая щедрость.

– Кира, если ключ действительно спрятан у вас, люди Ратникова тоже будут искать. Возможно, уже ищут.

Она замолчала.

Марк подошел ближе.

– Мне не нравится вторгаться в чужую жизнь, – сказал он.

– Не похоже.

– Но если выбор стоит между вашим раздражением и вашей безопасностью, выберу раздражение.

– Вы всегда говорите так, будто результат оправдывает все.

– Не все.

– Только то, что решили сделать сами.

– Иногда.

Кира посмотрела на него внимательнее. В холодном голо-

се не было ни раскаяния, ни желания понравиться. Но и самодовольства тоже. Марк действительно понимал, насколько неприятны его решения. Просто считал неприятность допустимой ценой.

– Вы похожи на Артёма больше, чем думаете, – сказала она.

Впервые за разговор Северцев замер.

– Чем?

– Оба уверены, что имеете право не рассказывать правду, если считаете это полезным для другого человека. Оба принимаете решения заранее. Оба готовы объяснить потом, когда последствия уже наступили.

Марк не отвел взгляда.

– Разница есть.

– Какая?

– Я не прошу вам доверять.

Кира немного помолчала.

– Удобно.

– Честно.

– Иногда честность тоже бывает удобной.

– Согласен.

Он отступил к двери.

– Выезжаем через три минуты.

– А если я откажусь?

– Тимур понесет.

– Самоуверенно.

– Практично.

Кира невольно усмехнулась.

– Вы тоже заразились.

– Чем?

– Его словом.

Марк почти улыбнулся.

– Собирайтесь.

Через несколько минут Кира спустилась вниз. У бокового входа стояли две машины. Данилу уже вынесли на носилках, укрыли одеялом и осторожно поместили в заднюю часть одного из внедорожников. Вера села рядом, продолжая командовать всеми сразу. Тимур проверял двери, оружие и связь. Марк коротко разговаривал с человеком охраны, показывая маршрут на телефоне.

Снег снова усиливался.

Кира остановилась на крыльце.

Дом, из которого она еще вчера хотела выбраться любой ценой, выглядел странно уязвимым. Высокий забор. Камеры. Ворота. Люди с оружием. Все, что раздражало и казалось клеткой, теперь внезапно воспринималось как тонкая оболочка, способная не выдержать следующего удара.

Тимур подошел.

– Вы с нами.

– С кем именно?

– Со мной и Марком.

– А Данила?

- В другой машине.
- Он сможет ехать?
- Вера считает, что да.
- А если станет хуже?
- Остановимся на резервной точке.

Кира посмотрела на него.

- Сколько у вас резервных точек?
- Достаточно.
- И все с заборами?
- Почти.
- Прекрасно.

Тимур открыл дверь машины.

Кира не села сразу.

- Маячок оставите здесь?
- Нет.
- Зачем брать?
- Хотим проверить, кто придет на сигнал.
- То есть дом станет ловушкой.
- Да.
- А если придут?
- Узнаем больше.
- Кто останется?
- Люди, которые умеют не попадаться.

Кира посмотрела на темные окна.

- Вы постоянно используете ловушки.
- Иногда они удобнее погони.

– А меня тоже считаете приманкой?

Тимур ответил не сразу.

– Нет.

– Марк?

– Спросите его.

– А вы?

– Я не позволю.

Слова прозвучали спокойно. Без пафоса. Без обещания, которое требуется подкреплять красивой интонацией. Просто как факт, уже встроенный в мир.

Кира почувствовала странное тепло, совершенно неуместное посреди холода, опасности и злости на всех мужчин вокруг.

– Я не нуждаюсь в разрешении, – сказала она.

– Знаю.

– И в защите тоже не всегда.

– Знаю.

– Но все равно собираетесь защищать.

– Да.

– Невыносимый человек.

– Уже говорили.

Кира села в машину.

Марк устроился впереди. Тимур закрыл дверь, обошел автомобиль и занял место за рулем. Ворота медленно открылись. За ними тянулась заснеженная дорога, темная и почти пустая.

Кира поставила сумку рядом и посмотрела на дом в последний раз.

Внутри остался маячок. Маленькая черная капсула, которая должна была привести людей Ратникова к пустому укрытию. Карта памяти ехала с Тимуром в защищенном контейнере. Флешка с архивом находилась у Марка. Где-то в городе исчез Артём. Где-то существовал второй ключ, который брат, вероятно, спрятал рядом с сестрой, рассчитывая, что она ничего не заметит.

Кира вдруг подумала, что квартира больше не является домом. Клуб тоже. Даже собственные вещи перестали быть своими. Любой предмет мог скрывать чужой замысел. Любая старая фотография – пароль. Любая семейная фраза – часть шифра. Любая просьба Артёма – ловушка.

Машина выехала за ворота.

Тимур нажал кнопку, и тяжелые створки начали медленно закрываться за спиной.

– Куда мы едем? – спросила Кира.

– На второй объект, – ответил Марк.

– У него есть название?

– Есть.

– И?

Марк посмотрел в зеркало заднего вида.

– Вы все равно назовете его тюрьмой.

– Если там забор, камеры и вы – обязательно.

– Тогда не вижу смысла портить сюрприз.

Кира отвернулась к окну.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом телефон Марка коротко завибрировал.

Он посмотрел на экран и нахмурился.

– Что? – спросил Тимур.

– Движение возле дома.

Кира мгновенно повернулась.

– Уже?

– Да.

– Кто?

Марк прочитал сообщение.

– Две машины остановились на дороге. Без номеров. Люди пока не выходят.

Тимур сильнее сжал руль.

– Значит, маячок считывали напрямую.

– Похоже.

Кира почувствовала, как внутри становится холодно.

Ловушка сработала быстрее, чем кто-либо ожидал.

Люди Ратникова действительно знали, где она находилась.

Действительно ждали сигнал.

Действительно приехали.

Марк набрал короткое сообщение и убрал телефон.

– Что теперь? – спросила Кира.

– Теперь посмотрим, кого они прислали.

– А если они поймут, что дом пустой?

– Поймут.

– И начнут искать нас.

– Уже ищут.

Машина ускорилаь.

Кира смотрела на темную дорогу впереди. За стеклом летел снег, фары вырывали из ночи узкую полосу асфальта, лес по сторонам казался сплошной черной стеной.

На флешке находился архив без содержимого.

В бите – карта памяти без объяснения.

У нее самой – ключ, о существовании которого она, возможно, не знала.

И где-то в городе оставался брат, который решил спрятать правду у человека, привыкшего спасать его от любых неприятностей.

Только на этот раз Кира уже не была уверена, что хочет спасти Артёма прежде, чем получит ответы.

Потому что некоторые тайники опаснее оружия.

Особенно если тайником сделали тебя саму.

Глава 8. Ужин с тремя надзирателями

Второй дом оказался меньше первого и гораздо хуже приспособлен для иллюзии свободы.

Он стоял на краю небольшого поселка, почти у самой линии леса, за высоким глухим забором, который выглядел не декоративным элементом загородной жизни, а прямым и честным предупреждением. Никаких сосен, маскирующих камеры. Никаких дорожек, позволяющих делать вид, будто по участку можно гулять просто ради воздуха. Никакой веранды с прозрачными стенами и почти домашним светом. Здесь все было проще, плотнее и функциональнее: кирпичный двухэтажный дом, гараж на две машины, небольшая территория, расчищенная от снега, тяжелые ворота, отдельная будка охраны и лес за забором, слишком темный даже днем.

Кира поняла, что новый объект понравится Марку больше прежнего.

Меньше окон.

Меньше пространства.

Меньше возможностей устроить воспитательную прогулку через северную сторону с лестницей.

Переезд занял меньше часа, но показался значительно длиннее. Тимур вел машину молча, периодически меняя

маршрут и разговаривая с охраной через гарнитуру короткими фразами, которые Кире почти ничего не объясняли. Марк сидел впереди, смотрел то на телефон, то в боковое зеркало, то на планшет, где, вероятно, отображалось движение возле оставленного дома. Несколько раз приходили сообщения. Один раз мужчина попросил Тимура уйти с основной дороги раньше запланированного. Еще через десять минут сообщил, что люди Ратникова вошли внутрь прежнего убежища и нашли маячок.

– Значит, теперь знают, что их обнаружили, – сказала Кира.

– Да, – ответил Марк.

– И понимают, что мы уехали.

– Да.

– И начнут искать быстрее.

– Да.

Она посмотрела на него через зеркало.

– Вы иногда можете отвечать полными предложениями?

– Могу.

– Но не хотите.

– Сейчас нет необходимости.

Тимур едва заметно выдохнул. Кира уже научилась распознавать этот звук как приблизительный эквивалент усмешки.

Данила ехал в другой машине вместе с Верой. Кира несколько раз пыталась узнать о его состоянии, но получала один и тот же ответ: стабилен. Это слово постепенно начало

раздражать не меньше марковского «возможно». Оно ничего не обещало. Не говорило, насколько больно. Не объясняло, можно ли ему вообще ездить по зимним дорогам после операции. Не гарантировало, что очередная кочка не закончится осложнениями. Просто констатировало: пока не умирает.

Когда машины наконец въехали во двор второго дома, Кира вышла первой. Не потому, что торопилась осмотреться, и уж точно не потому, что собиралась сбежать в лес сразу после приезда. Хотя лес, надо признать, выглядел соблазнительно. Не безопасно. Не разумно. Но соблазнительно именно своей непрозрачностью. Если первый дом раздражал открытым наблюдением, то здесь за забором начиналось странство, в котором камеры и схемы Марка хотя бы теоретически могли потерять человека.

Тимур захлопнул дверь машины и посмотрел на нее.

– Даже не думайте.

Кира повернула голову.

– О чем?

– О лесе.

– Вы читаете мысли?

– Нет.

– Тогда не преувеличивайте собственную проницательность.

– Вы смотрели на забор слишком долго.

– Я люблю архитектуру.

– Особенно вертикальную.

– Особенно ту, через которую приходится перелезать.

Он не ответил. Только посмотрел чуть внимательнее, словно мысленно добавил новую строку в список вероятных проблем.

Вторая машина остановилась у бокового входа. Вера вышла первой, резко открыла заднюю дверь и сразу начала командовать. Данилу несли на носилках, хотя пациент выглядел настолько недовольным происходящим, будто его не спасали от осложнений, а сознательно унижали перед публикой.

– Я могу идти, – сказал он.

– Можешь лежать, – ответила Вера.

– Это тоже могу.

– Тогда практикуйся.

– Хотелось бы сохранить хотя бы остатки достоинства.

– После простреленного бока поздно вспоминать о достоинстве.

Данила заметил Киру и слегка приподнял руку.

– Рад видеть, что вас не потеряли по дороге.

– Тимур следил.

– Сочувствую.

– Я слышу, – сказал Тимур.

– Именно на это и рассчитывал.

Марк прошел мимо всех первым, открыл дверь и скрылся внутри. Несколько человек охраны начали разгружать вещи и проверять периметр. Тимур помог занести Данилу в дом, не обращая внимания на возражения. Кира взяла собствен-

ную сумку и пошла следом, заранее ожидая очередной гостевой комнаты, очередного безличного шкафа и очередного окна, которое придется оценивать не по виду, а по высоте.

Комната находилась на втором этаже. Меньше прежней, но почти такая же нейтральная. Кровать, шкаф, тумбочка, кресло, окно с тяжелыми шторами. За стеклом – часть двора, верхняя линия забора и темные деревья дальше. До земли было ниже, чем в первом доме, зато под окном не оказалось ни веранды, ни выступа, ни даже удобной трубы. Спуститься можно, но только с риском подвернуть ногу или оказаться замеченной камерой, установленной прямо над углом здания.

Кира поставила сумку на кровать и открыла окно.

Холодный воздух вошел сразу. Вместе с ним – запах снега, леса и древесного дыма из соседних домов. Где-то неподалеку жил обычный поселок. Люди топили печи, выгуливали собак, возвращались с работы, ругали детей за поздние прогулки и не подозревали, что за одним из заборов прячут женщину, которую пытаются выманить чужим голосом.

– Не прыгайте.

Кира не обернулась.

– Вы все время появляетесь бесшумно.

Тимур стоял в дверях.

– Привычка.

– Плохая.

– Полезная.

– Вы пришли сообщить правила нового объекта?

– Марк сообщит.

– Разумеется. У него талант превращать любой дом в режимное учреждение.

Тимур вошел, поставил возле стены небольшой пакет с одеждой и оглядел окно.

– Здесь выше, чем кажется.

– Я уже оценила.

– И?

– Не лучший маршрут.

– Хорошо.

– Это не означает, что других нет.

– Знаю.

Кира закрыла окно и повернулась.

– Вы снова оставите лестницу?

– Если понадобится.

– Удивительно. Начинаю воспринимать это почти как знак доверия.

– Не начинайте.

– Почему?

– Потому что лестница означает только то, что я предпочитаю ловить вас без переломов.

– Очень романтично.

На секунду Тимур замер. Не потому, что слово смутило. Скорее потому, что пытался понять, шутит ли Кира или сознательно проверяет новую границу. Потом спокойно отве-

тил:

– Практично.

Она улыбнулась.

– Я уже знала, что вы скажете.

– Значит, быстро учитесь.

Тимур ушел.

Кира переоделась, умылась и некоторое время стояла у окна, рассматривая двор. Новый дом ощущался теснее не только физически. В первом укрытии она успела убедить себя, что все происходящее временно, почти случайно. Несколько дней. Несколько разговоров. Потом найдется Артём, откроется архив, исчезнет необходимость держать ее за забором. Теперь иллюзия рушилась. Люди Ратникова действительно нашли первый дом. Маячок работал. Кто-то знал о бите, лодочной станции и старом телефоне. Любая вещь могла оказаться частью чужого плана. Любое сообщение – крючком.

Новый дом не был временной остановкой.

Он был следующей клеткой.

К ужину Кира спустилась позднее остальных. Не потому, что специально заставляла ждать, хотя мысль возникала. Просто долго не могла решить, стоит ли вообще идти вниз. Есть хотелось. Последние два дня организм существовал на кофе, нескольких кусках хлеба и упрямстве, которое не относилось к числу питательных веществ. Но общий ужин с людьми, контролирующими ее телефон, перемещения и

даже возможность открыть окно без комментариев, заранее выглядел плохой идеей.

В итоге любопытство победило.

Кухня во втором доме была меньше, зато стол стоял большой, рассчитанный минимум на восемь человек. Сейчас за ним сидели трое.

Марк – во главе, разумеется. Перед ним лежал планшет, рядом стояла тарелка, к которой мужчина почти не притрагивался. Он снова успел сменить одежду: темная рубашка, рукава закатаны до локтей, верхняя пуговица расстегнута. Выглядел Северцев не менее собранно, чем днем, но усталость стала заметнее. Не в движениях. В едва различимой тени под глазами и в том, как долго он задерживал взгляд на экране перед каждым ответом.

Тимур сидел справа. Ел молча, без спешки, но с той деловой сосредоточенностью, с какой выполнял почти любое действие. Перед ним стояла кружка воды, рядом лежал телефон. Никаких лишних предметов.

Данила устроился слева, хотя правильнее было бы сказать – разместился с помощью Веры и множества подушек так, чтобы не слишком напрягать поврежденный бок. Врач разрешила ему спуститься только после короткого, но интенсивного спора, главным аргументом в котором стало обещание пациента подняться самостоятельно, если его продолжат удерживать наверху. Теперь Данила выглядел бледно, двигался осторожно и явно уставал быстрее, чем хотел призна-

вать. Но за столом держался так, словно обычный ужин являлся маленькой победой над медицинским режимом.

Вера сидела чуть дальше, просматривала что-то в телефоне и время от времени бросала на Данилу предупреждающие взгляды.

Кира остановилась в дверях.

– Как уютно.

Данила повернул голову.

– Присоединяйтесь. Мы как раз обсуждаем, кто из нас хуже справляется с человеческим общением.

– И кто побеждает?

– Марк лидирует с большим отрывом. Тимур принципиально не участвует. Я единственный стараюсь сохранить остатки цивилизации.

– Ты единственный не умеешь молчать, – сказала Вера.

– Цивилизация на этом и держится.

Кира села на свободный стул напротив Тимура. На столе стояли запеченное мясо, картофель, салат, хлеб, несколько тарелок с овощами. Нормальная еда. Почти домашняя. От этого снова возникло неприятное ощущение абсурда. Люди, которые не отдавали телефон и не выпускали за ворота, спокойно приглашали к ужину, словно ситуация не требовала отдельного объяснения.

Она положила себе немного салата.

Марк отложил планшет.

– Прежде чем начнем обсуждать что-либо дальше, нужно

установить несколько правил.

Кира подняла взгляд.

– До еды нельзя?

– Можно. Но лучше сразу.

– Разумеется. Ужин ведь недостаточно испорчен.

Данила взял кусок хлеба.

– Справедливости ради, Марк портит атмосферу не хуже профессионала.

– Данила, – сказал Марк.

– Молчу.

Он не замолчал, но хотя бы начал жевать.

Марк посмотрел на Киру.

– Новый дом отличается от прежнего. Периметр меньше. Возможности охраны ограничены. Если возникнет необходимость выезда, решение принимаю я или Тимур. Самостоятельно покидать территорию нельзя.

– Это уже слышала.

– Продолжу.

– Не сомневалась.

– Телефон остается у нас. Любая связь с внешним миром – только через защищенный канал и после согласования. Окна открывать можно, но не оставлять открытыми надолго. Во двор выходить можно только после предупреждения охраны. К воротам не подходить. К забору – тоже.

Кира медленно положила вилку.

– Почему к забору нельзя?

– Потому что после вчерашнего у охраны нет желания угадывать, прогулка это или очередной эксперимент.

– Вчера я вернулась добровольно.

– После того как Тимур ждал снаружи.

– Значит, система сработала.

– Значит, больше проверять не нужно.

– Вам.

– Всем.

Кира наклонилась вперед.

– Я не подписывала договор о временном лишении свободы.

– Вы и вчера не подписывали.

– Но продолжаете действовать так, будто это формальность.

– Действую так, будто несколько часов назад к первому дому приехали вооруженные люди по сигналу маячка, который вы принесли с собой.

– Не сознательно.

– Неважно.

– Для меня важно.

– Для безопасности – нет.

Марк говорил спокойно, почти мягко. Чем дольше продолжался разговор, тем сильнее Кире хотелось поднять голос. Его способ спорить раздражал именно отсутствием явного давления. Северцев не пытался перекрычать. Не демонстрировал власть. Просто последовательно сужал простран-

ство допустимого, превращая каждую свою формулировку в еще одну закрытую дверь.

– Что еще запрещено? – спросила Кира. – Дышать возле окна? Ходить по лестнице после заката? Смотреть на лес слишком заинтересованно?

– Последнее вызывает вопросы, – сказал Тимур.

Она перевела взгляд.

– Вы тоже решили участвовать?

– Предупреждаю.

– О чем?

– Лес хуже забора.

– Почему?

– Не знаете местность. Снег глубокий. Телефон у нас. До дороги далеко.

– И вы снова будете ждать с машиной?

– Если понадобится.

Кира посмотрела на него несколько секунд, затем взяла нож, чтобы отрезать кусок мяса.

Марк продолжил:

– Кроме того, любые найденные вещи, сообщения и попытки связи сразу показываете нам. Ничего не скрываете. Никуда не идете одна, если получаете новый сигнал от Артёма или кого-то, кто говорит от его имени.

– Вы уверены, что еще не хотите поставить камеру в мою комнату?

– Нет.

– Почему? Удивительная деликатность.

– Потому что это не требуется.

– Пока.

Кира поймала себя на том, что слишком крепко держит нож. Не потому, что собиралась использовать его по назначению, отличному от еды. Просто само присутствие металлического предмета в руке немного возвращало ощущение контроля. Мелкое, почти смешное. Но необходимое.

Тимур посмотрел на нож.

Потом на Киру.

И молча протянул руку.

Сначала она не поняла.

– Что?

– Нож.

– Зачем?

– Дайте.

– Вы серьезно?

– Да.

– Я режу мясо.

Тимур посмотрел на кусок, который она уже успела разделить.

– Уже порезали.

Кира перевела взгляд на нож, потом снова на мужчину.

– Вы считаете, что я собираюсь кого-то ударить?

– Нет.

– Тогда оставьте.

– Вы смотрите на Марка слишком выразительно.

Данила замер с вилкой в руке.

Вера закрыла глаза на секунду.

Марк не изменился в лице, но Кира заметила: уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Тимур, – сказала она медленно, – я не собираюсь нападать на человека за ужином.

– Хорошо.

– Тогда зачем вам нож?

– Чтобы все чувствовали себя спокойнее.

– Все или Марк?

– Все.

– Вы боитесь за него?

– Нет.

– За меня?

Тимур немного подумал.

– За мебель.

Несколько секунд за столом стояла тишина.

Потом Данила рассмеялся. Сначала тихо, потом слишком резко. Схватился за бок, поморщился и откинулся на подушки.

– Не смейся его, – сказала Вера Тимуру.

– Не планировал.

– Это хуже.

Кира посмотрела на нож в своей руке. Потом на Тимура, который по-прежнему терпеливо ждал.

– Вы невозможны.

– Говорили.

Она демонстративно положила нож на стол.

Тимур забрал и переставил ближе к себе.

– Довольны?

– Да.

– Я могу получить ложку или она тоже угрожает внутреннему порядку?

– Ложку можно.

– Щедрость не знает границ.

Данила продолжал улыбаться, хотя лицо стало заметно бледнее.

– Я начинаю понимать, почему вы двое так быстро нашли общий язык.

– Мы не нашли, – сказала Кира.

– Именно это обычно и означает начало интересного общения.

– Даня, – предупредила Вера.

– Я молчу.

– Нет.

– Но стремлюсь.

Кира взяла вилку и вернулась к еде, хотя аппетит почти исчез. Некоторое время все действительно молчали. Только приборы тихо касались тарелок, за окном шуршал ветер, а где-то в глубине дома работала вентиляция. Нормальный семейный ужин, если не учитывать, что за столом сидели три

мужчины, один из которых недавно удерживал Киру за талию под забором, второй спокойно лишил связи с внешним миром, а третий получил пулю, ожидая ее приезда в клуб.

Марк первым нарушил молчание.

– Карта из биты проверена.

Кира подняла голову.

– И?

– Накопитель чистый в техническом смысле. Дополнительных маячков нет. Вредоносного кода, который срабатывает при подключении, тоже не обнаружили.

– Что внутри?

– Файл ключа.

– Значит, архив открывается?

– Нет.

Она почувствовала раздражение.

– Почему?

– Файл неполный.

– Данила говорил о нескольких частях.

– Да.

Марк взял планшет, открыл схему и положил на стол ближе к Кире. На экране отображались три блока, соединенные линиями. Первый был отмечен как флешка. Второй – карта из биты. Третий оставался пустым.

– Основной архив лежит на флешке, – сказал Марк. – Карта памяти содержит часть ключа. Но для расшифровки нужна еще одна часть. Без нее файл бесполезен.

– Где она?

– Не знаем.

– Вы думаете, у меня.

– Возможно.

Кира медленно отложила вилку.

– Опять.

– Да.

– Вы проверили сумку. Машину. Биту. Старый телефон.

Куртку. Клуб. Что еще собираетесь проверить?

– Квартиру, – сказал Марк.

– Нет.

Ответ прозвучал мгновенно.

– Да, – спокойно сказал он.

– В моей квартире нет ничего, что можно трогать без меня.

– Поэтому поедете с нами.

Кира замерла.

– Что?

– Завтра утром.

– Вы собираетесь выпустить меня из дома?

– Под охраной.

– Какая щедрость.

– Это не прогулка.

– Уже поняла.

– До квартиры поедем двумя машинами. Маршрут меняем несколько раз. Внутрь войдут Тимур, вы и двое людей

охраны. Я останусь на связи. На месте не задерживаемся
дольше двадцати минут.

– Почему вы не поедете?

– У меня другая задача.

– Какая?

– Неважно.

– Для вас все, что не хотите рассказывать, неважно.

– Сейчас действительно не относится к вопросу.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– В моей квартире я сама решу, что относится к вопросу.

– Нет.

– Марк.

– Если Артём спрятал часть ключа, искать будем быстро
и системно.

– Вы хотите обыскать мой дом.

– Да.

– Без ордера.

– Да.

– Без полиции.

– Особенно без полиции.

– И считаете, что я должна просто согласиться.

– Вы хотите найти ключ?

– Хочу.

– Хотите понять, что произошло с Артёмом?

– Да.

– Тогда придется проверить квартиру.

- Проверить. Не перевернуть все вверх дном.
- Никто не будет разрушать вещи без необходимости.
- Вы даже не знаете, что искать.
- Поэтому понадобятся вы.

Кира откинулась на спинку стула.

- Наконец-то признаете полезность пленницы.
- Никогда не отрицал.
- Но предпочитали держать в комнате.
- Потому что за воротами стреляют.
- Очень удобно каждый раз вспоминать об этом, когда хо-

тите выиграть спор.

Марк смотрел спокойно.

- Это не прием. Это факт.

Кира снова почувствовала желание взять нож, но Тимур уже убрал его достаточно далеко.

Она посмотрела на него.

- Верните.
- Нет.
- Я не собираюсь нападать.
- Знаю.
- Тогда верните.
- Вам он не нужен.
- Мне нужно доесть.

Тимур спокойно отрезал еще несколько кусочков мяса на ее тарелке и положил нож возле себя.

Кира несколько секунд смотрела на аккуратно порезан-

ную еду.

– Вы сейчас серьезно?

– Да.

– Вы решили кормить меня как ребенка?

– Нет.

– Именно это и сделали.

– Упростил задачу.

– Выведу вас из себя однажды.

– Возможно.

– Не говорите это слово. Оно принадлежит Марку.

Данила снова не выдержал и усмехнулся.

– Мне определенно лучше.

– Почему? – спросила Кира.

– Потому что наконец перестал быть самым раздражающим человеком за столом.

– Никто не отнимал у тебя первенство, – сказала Вера.

– Стараюсь делиться.

– Не перенапрягайся.

Данила отпил воды и посмотрел на Киру.

– На самом деле поездка в квартиру – хорошая новость.

– Почему?

– Потому что Марк наконец понял: держать вас за забором и ждать спокойствия бессмысленно.

– Я понял это сразу, – сказал Марк.

– Тогда почему два дня делал вид, что упрямство лечится отсутствием телефона?

– Потому что сначала нужно было исключить прямую угрозу.

– И исключили?

Кира задала вопрос раньше, чем успела подумать.

За столом стало тише.

Марк посмотрел на нее.

– Нет.

– Тогда почему выпускаете?

– Потому что без второй части ключа не продвинемся дальше.

– Значит, риск приемлемый, когда он нужен вам.

– Риск приемлемый, когда польза перевешивает.

– А мое желание найти брата раньше не перевешивало.

– Нет.

– Потому что вы считали его эмоциональным.

– Потому что у вас не было плана.

– Теперь план есть у вас.

– Да.

– Удивительно удобно.

Марк не спорил.

Кира смотрела на него и чувствовала, как раздражение становится острее. Не потому, что Северцев ошибался. Наоборот. Потому что его логика выглядела стройной. Он действительно не мог выпустить ее к лодочной станции после поддельного сообщения. Не мог позволить уйти ночью через забор. Не мог отдать телефон, пока любая связь могла при-

вести людей Ратникова. Но та же логика позволяла вывезти Киру завтра, если появилась необходимость обыскать квартиру.

В его системе она оставалась не человеком, а переменной.

Важной.

Защищаемой.

Но все равно переменной.

– А если я откажусь ехать? – спросила Кира.

Марк немного помолчал.

– Не откажетесь.

– Почему?

– Потому что хотите проверить квартиру сами.

– И снова решили за меня.

– Нет. Предсказал.

– Это одно и то же.

– Не совсем.

Кира посмотрела на Тимура.

– А вы что скажете?

Он не ответил сразу.

– Что поездка нужна.

– И все?

– И что вы должны слушать команды, если ситуация изменится.

– Например?

– Если скажу лечь на пол – ложитесь. Если скажу не выходить из машины – не выходите. Если скажу бежать – не

спорите.

– Вы уже знаете, что последнее особенно маловероятно.

– Поэтому повторяю.

– А если вы ошибетесь?

Тимур посмотрел ей прямо в глаза.

– Ошибка обойдется дешевле спора под пулями.

Фраза прозвучала спокойно. Без пафоса. Но в ней снова возникло то, что Кира замечала рядом с Тимуром все чаще: не желание подчинить, а тяжелая ответственность. Он не требовал доверия к себе как к человеку. Требовал выполнить команду в момент опасности, потому что иначе последствия коснутся всех.

Это было разумно.

И все равно раздражало.

– Хорошо, – сказала Кира. – В квартире я участвую в поисках.

Марк кивнул.

– Да.

– Ничего не забираете без моего ведома.

– Все найденное показываем.

– Не то же самое.

– Кира.

– Все найденное показываете до того, как увезете.

– Если это безопасно.

– Снова оговорка.

– Не откажусь от нее.

– Разумеется.

– Еще условия?

Она задумалась.

– Да. Я хочу увидеть полный список открытых файлов на флешке.

– Уже подготовили.

– Не выборку.

– Полный.

– И материалы с маячка.

– После обработки.

– И копию поддельного сообщения.

– Получите.

– И возможность написать управляющему клуба.

– Завтра.

– Сегодня.

Марк посмотрел на часы.

– Уже поздно.

– Люди не исчезают после девяти вечера.

– Сообщение можно отправить утром.

– Я хочу предупредить, что завтра не появлюсь.

– Он и так знает.

– Откуда?

– Мы уже предупредили.

Кира замерла.

– Без меня.

– Да.

– Опять.

– Да.

– Вы могли хотя бы спросить.

– Могли потерять время.

– На одно сообщение?

– На обсуждение.

– Иногда мне кажется, что вы специально выбираете самый раздражающий способ помочь.

Марк чуть склонил голову.

– Иногда обсуждение действительно занимает больше времени, чем действие.

– Особенно если человек не согласен.

– Именно.

Кира посмотрела на него с холодным раздражением.

– Вы понимаете, что я не обязана быть благодарной?

– Не ожидаю.

– Ни за дом. Ни за охрану. Ни за ужин. Ни за то, что вы решаете, где мне спать, кому звонить, что читать и когда выходить наружу.

– Понимаю.

– Тогда перестаньте разговаривать так, будто мое сопротивление является досадным осложнением операции.

– Оно и есть осложнение операции.

Данила тихо произнес:

– Марк.

Но Северцев продолжал смотреть на Киру.

Она почувствовала, как внутри что-то окончательно натягивается.

– Я не просила меня спасти, – сказала Кира. – Не просила запирасть в доме. Не просила отбирать телефон. Не просила решать, сколько правды выдержу. Не просила устраивать обыски, перевозить из одной клетки в другую и составлять расписание разрешенных прогулок. Вы сначала лишаете меня любой возможности принимать решения, а потом удивляетесь, что я не сижу за столом с благодарным выражением лица.

– Я не удивляюсь, – ответил Марк.

– Тогда что вы хотите?

– Чтобы оставались живы.

– Это звучит красиво только первые несколько раз.

– Мне не нужно, чтобы звучало красиво.

– Разумеется. Красиво у вас вообще ничего звучать не должно. Только правильно.

– Правильность полезнее красоты.

– Для следователя – возможно. Для человека, которому вы не оставили выбора, – нет.

Марк замолчал.

За столом стало тихо настолько, что слышался слабый шум ветра за окном. Вера перестала смотреть в телефон. Данила положил вилку. Тимур сидел неподвижно, но Кира чувствовала его внимание почти физически.

Она не собиралась устраивать сцену.

Не планировала поднимать голос.

Просто накопилось слишком многое. Забор. Телефон. фотографии. Старый аппарат в машине. Бита с маячком. Архив. братская записка о женщине, которая не должна ничего понимать. Марк с его спокойной уверенностью. Тимур, способный поднять и перенести, не сбив дыхания. Данила, который шутит, потому что иначе станет страшнее. Все происходящее словно постепенно вымывало границы ее собственной жизни, оставляя только роль: сестра Артёма, потенциальный носитель ключа, объект защиты, приманка для людей Ратникова.

– Меня не интересует мнение мужчин, – сказала Кира медленнее, – которые сначала запирают женщину в доме, а потом считают ее неблагодарной, если она не радуется уровню сервиса.

Данила опустил взгляд.

Тимур первым ответил:

– Я не считаю вас неблагодарной.

Кира повернулась к нему.

– Нет?

– Нет.

– А кем считаете?

Он немного подумал.

– Злой.

– Очень тонкое наблюдение.

– И напуганной.

Она мгновенно напряглась.

– Я не напугана.

– Напуганы.

– Тимур.

– Это нормально.

– Не нужно объяснять мне, что чувствую.

– Хорошо.

– Я не боюсь.

– Хорошо.

Он произнес это без спора. Именно поэтому стало еще тяжелее. Кира почти хотела, чтобы Тимур возразил, настаивал, спорил. Тогда можно было бы оттолкнуть чужую оценку. Но мужчина просто принял ее слова, оставив правду лежать между ними.

Кира действительно боялась.

Не пульт.

Не забора.

Не Ратникова, которого еще ни разу не видела вживую.

Она боялась, что Артём снова оказался тем человеком, которого невозможно спасти, не разрушая себя. Боялась, что люди Ратникова знают о семье больше, чем она сама замечала. Боялась, что в квартире найдется новая вещь, превращающая привычное прошлое в часть ловушки. Боялась довериться мужчинам за столом. И еще сильнее боялась обнаружить, что без них уже не справится.

Данила осторожно выпрямился.

– Предлагаю исторический компромисс, – сказал он. – Мы признаем, что Кира имеет полное право быть злой, не выражать благодарность и мысленно убивать Марка столовыми приборами. Марк признает, что правила звучат особенно плохо за ужином. Тимур возвращает нож только после десерта. Вера не отправляет меня наверх еще десять минут. Все выигрывают.

– Ты идешь наверх сейчас, – сказала Вера.

– Это не компромисс.

– Это медицинская необходимость.

– Вы все злоупотребляете этим выражением.

– Потому что оно работает.

Данила посмотрел на Киру.

– Видите? Диктатура повсюду.

Кира неожиданно улыбнулась.

Совсем немного. Не потому, что напряжение исчезло. Просто Данила умел сделать абсурд очевидным и тем самым вернуть разговору человеческий масштаб. Они действительно сидели за столом, спорили из-за ножа, правил, лестниц и благодарности, тогда как несколько часов назад вооруженные люди приехали к первому дому. В любой другой ситуации подобный ужин выглядел бы невозможным.

Вера поднялась.

– Все. Пациент устал.

– Пациент способен доесть.

– Пациент побледнел.

– Это естественный цвет лица.

– Даня.

Он вздохнул.

– Хорошо. Но я ухожу под протест.

– Переживем.

Тимур встал и подошел помочь. Данила посмотрел на него с подозрением.

– Я дойду сам.

– Нет.

– Тимур.

– Вера сказала нет.

– У тебя пугающая зависимость от чужих приказов.

– Только разумных.

– Значит, Марка ты не слушаешь?

Марк даже не поднял головы.

– Данила.

– Уже ухожу.

Тимур осторожно помог ему подняться. Данила поморщился, но удержался на ногах. Вера сразу встала с другой стороны. Перед выходом он обернулся к Кире.

– Не позволяйте им скучать.

– Не планировала.

– И не используйте ложку как оружие. Тимур расстроится.

– Идите уже.

– Ухожу.

Они вышли.

За столом остались трое.

Тишина вернулась, но теперь ощущалась иначе. Не как поле боя после первой атаки. Скорее как пауза, в которой каждый вынужден признать: слова уже сказаны, и сделать вид, будто ничего не произошло, не получится.

Марк первым отодвинул планшет.

– Вы правы в одном.

Кира посмотрела на него.

– Только в одном?

– В главном. Мы слишком долго говорили о безопасности так, будто она автоматически оправдывает все решения.

– И?

– Это не так.

Она не ожидала.

Марк редко отступал даже на полшага. Любое согласие с ним приходилось вытаскивать постепенно, через несколько кругов спора и неизбежную оговорку. Сейчас мужчина говорил без защиты, почти устало.

– Но правила не изменятся, – продолжил он. – Потому что угроза реальна.

Кира коротко усмехнулась.

– Разумеется.

– Я не прошу благодарности.

– Хорошо.

– И не считаю вас осложнением только потому, что сопротивляетесь.

– Вы буквально сказали обратное несколько минут назад.

– Сказал неудачно.

Она подняла бровь.

– Марк Северцев признает неудачную формулировку?

– Запомните дату.

– Уже запомнила.

Он посмотрел на нее внимательнее.

– Завтра в квартире будете участвовать в поисках. Все найденное покажем. После возвращения получите открытые материалы с флешки и результаты проверки карты памяти. Сообщения от Артёма – или от тех, кто выдает себя за него – тоже будете видеть сразу.

– Без исключений?

– Кроме случая прямой угрозы.

– Вы не способны без оговорок.

– Нет.

– Но уже лучше.

– Это максимум на сегодня.

Кира кивнула.

– А телефон?

– Пока нет.

– Машина?

– Нет.

– Код от ворот?

– Нет.

– Лестница?

Марк посмотрел на Тимура.

Тот сидел напротив и спокойно продолжал есть, словно разговор не касался его.

– Лестницу можно, – сказал Тимур.

Марк закрыл глаза на секунду.

– Тимур.

– Она все равно найдет.

Кира едва удержалась от улыбки.

– Наконец-то разумный человек за столом.

– Не преувеличивайте, – сказал Марк.

– Поздно.

Она взяла вилку и доела несколько кусочков. Тимур не вернул нож, но мясо действительно уже было порезано. На тарелке оставался салат, который можно есть без дополнительного вооружения. Кира решила не спорить. Иногда маленькая уступка сэкономила силы для более важных вещей.

Через несколько минут Марк снова посмотрел на телефон.

– Есть новости, – сказал он.

Кира напряглась.

– О чем?

– О первом доме.

– Что нашли?

– Люди Ратникова забрали маячок и ушли.

– Просто ушли?

– Да.

- Не пытались ничего искать?
- Осмотрели помещения поверхностно.
- Значит, поняли, что это ловушка.
- Да.
- И теперь знают, что мы используем второй объект.
- Знают, что мы уехали. Не знают куда.
- Надеетесь.
- Да.
- Ваши люди проследили?
- Попытались.
- И?

Марк немного помолчал.

- Потеряли одну машину.

Тимур поднял голову.

- Какую?
- Темный седан. Ушел через старую трассу. Второй автомобиль взяли.

- Люди?
- Двое. Один молчит. Второй пока тоже.
- Значит, не низовой уровень, – сказал Тимур.
- Возможно.

Кира посмотрела на Марка.

- Вы опять задержали людей.
- Да.
- И снова не хотите говорить где.
- Нет.

– Прекрасно.

Она немного помолчала.

– Они знают обо мне?

– Проверяем.

– Фотографии?

– В машине есть распечатка вашего снимка.

Кира почувствовала, как холод снова возвращается.

– Какого?

Марк открыл планшет, нашел файл и развернул экран.

На фотографии была Кира. Не возле клуба. Не возле квартиры. Не у магазина. Снимок сделан совсем недавно. Возможно, вчера утром. Она стояла у окна первого дома и смотрела во двор, держа в руке кружку кофе.

Снимали снаружи.

Через забор.

Из леса или с дороги.

Кира смотрела на фотографию и не сразу смогла сказать что-либо. Значит, маячок не просто привел людей к дому. Кто-то наблюдал раньше. Достаточно близко, чтобы увидеть окно. Достаточно долго, чтобы выбрать момент. Возможно, видел, как она ходит по двору. Как спорит с Тимуром. Как подходит к северной стороне. Как лезет через забор.

– Они были рядом, – сказала она.

– Да, – ответил Марк.

– Еще до сообщения.

– Похоже.

– И могли видеть, что я внутри.

– Да.

Кира перевела взгляд на Тимура.

Он смотрел на фотографию спокойно, но лицо стало жестче.

– Когда? – спросил он.

– Предположительно вчера между девятью и одиннадцатью утра, – сказал Марк.

– До обхода леса.

– Да.

– Значит, сидели далеко. С хорошей оптикой.

– Похоже.

Кира вспомнила прогулку возле северного забора. Лестницу. Снег. Тимура, стоявшего рядом. Окно гостевой комнаты. Биту на кровати. Чужие люди могли наблюдать все это издалека, пока она злилась на камеры внутри участка и считала забор главным препятствием.

– Новый дом они тоже могут найти, – сказала она.

– Поэтому меры строже, – ответил Марк.

– К воротам не подходить. К забору не подходить. Окна не открывать надолго.

– Да.

– И никакой лестницы.

Марк посмотрел на нее.

– Никакой лестницы.

Тимур помолчал.

– Пока.

Кира повернула голову.

– Что?

– Пока, – повторил он.

– Тимур, – сказал Марк.

– Если понадобится.

Кира не удержалась и рассмеялась. Негромко, устало, почти без веселья, но впервые за весь ужин искренне. Слишком абсурдно. Слишком страшно. Слишком нелепо одновременно. За забором могли сидеть вооруженные люди с оптикой, в доме действовали новые правила, в квартире завтра предстояло искать братскую тайну, а Тимур все равно не отказывался от идеи оставить лестницу как символ странного перемирия.

Смех быстро закончился.

Но напряжение немного ослабло.

Кира встала из-за стола.

– Я пойду наверх.

– Нужно отдохнуть, – сказал Марк.

– Вы снова командуете?

– Советую.

– Осторожнее. Еще немного – и начнете разговаривать как человек.

– Постараюсь не допустить.

Она взяла чашку воды.

– Завтра вы разбудите меня заранее.

- Да.
- И покажете маршрут?
- Нет.
- Разумеется.
- Узнаете в машине.
- И дадите бронежилет?

Тимур ответил:

- Да.

Кира замерла.

- Я шутила.
- Я нет.

– Вы серьезно собираетесь надеть на меня бронежилет для поездки домой?

- Да.
- Это будет незаметно?
- Под курткой.
- И удобно?
- Нет.
- Прекрасно.

Тимур посмотрел на нее спокойно.

- Потерпите.
- Не командуйте.
- Советую.

Кира покачала головой и пошла к лестнице.

На первой ступени остановилась.

- Тимур.

Он поднял взгляд.

– Что?

– Нож верните.

Мужчина посмотрел на стол, взял прибор и положил на край тарелки Киры.

– Зачем?

– Хочу, чтобы утром лежал там же.

– Сентиментальность?

– Контроль.

– Хорошо.

Марк посмотрел сначала на нож, потом на Киру.

– Вы планируете проверить, уберем ли?

– Планирую проверить, насколько внимательно следите за мелочами.

– Следим.

– Увидим.

Она поднялась наверх.

В комнате было тихо. Кира закрыла дверь, подошла к окну и отдернула штору совсем немного, оставляя узкую щель. За стеклом темнел двор. Охранник прошел вдоль дорожки, остановился возле ворот, посмотрел на лес. Где-то дальше начиналась ночь, полная чужих машин, камер, людей с фотографиями и голосов, которым нельзя верить только потому, что они звучат знакомо.

Кира легла на кровать, но сон не приходил.

Перед глазами стояла фотография из первого дома. Она

у окна. Кружка в руке. Обычный момент, который кто-то превратил в доказательство уязвимости. Снимок был сделан почти незаметно. Так же незаметно Артём спрятал карту в бите. Так же незаметно маячок передал координаты. Так же незаметно Марк устанавливал правила, пока пространство вокруг постепенно сужалось.

И все же за ужином что-то изменилось.

Совсем немного.

Марк впервые признал, что безопасность не оправдывает все. Тимур впервые оказался не только молчаливой силой возле двери, но человеком, который убирает нож не из страха, а чтобы не позволить напряжению перейти границу. Данила, бледный и едва способный сидеть без боли, снова шутил, потому что кто-то должен был напоминать всем: они еще живые люди, а не элементы операции.

Кира не доверяла им.

Пока нет.

Но уже понимала: трое надзирателей отличаются друг от друга сильнее, чем казалось в первую ночь.

И это делало ситуацию опаснее.

Потому что бороться с единым врагом проще.

Гораздо сложнее спорить с людьми, которых постепенно начинаешь понимать.

Глава 9. Дом, в который уже смотрят

Нож утром лежал на том же месте.

Кира заметила его сразу, едва вошла на кухню. Не потому, что действительно сомневалась в способности Марка запомнить мелочь, оставленную на краю тарелки, и не потому, что столовый прибор имел какое-то особенное значение. Просто ночью, когда сон долго не приходил, а за окном шумел лес, нож превратился в небольшую проверку. Почти бессмысленную, но необходимую. В доме, где остальные люди постоянно решали за нее, что следует знать, куда можно выходить и каким сообщениям нельзя верить, Кире хотелось убедиться хотя бы в одном: если она обозначила границу, мужчины не станут пересекать ее исключительно из привычки контролировать все вокруг.

Тарелку убрали. Стол протерли. Остатки вчерашнего ужина исчезли. На их месте появились чашки, хлеб, масло, вареные яйца и кофейник. Нож лежал отдельно на белой салфетке, ровно там, где Кира просила оставить. Возможно, кто-то специально переставил его после уборки. Возможно, Марк лично напомнил. Возможно, Тимур молча положил обратно, посчитав этот жест проще нового спора за завтраком.

В любом случае прибор остался.

Кира подошла к столу и коснулась рукояти пальцами.

– Проверка завершена? – спросил Марк.

Он сидел у окна с чашкой кофе и планшетом. Судя по виду, проснулся значительно раньше остальных, хотя Кира начинала подозревать: Северцев вообще не спит по-настоящему. Просто время от времени исчезает в кабинете, чтобы сменить рубашку, выпить очередной кофе и вернуться к контролю над окружающим миром с прежним выражением холодного терпения.

– Частично, – ответила она.

– Что еще собираетесь проверить?

– Не скажу.

– Почему?

Кира взяла нож и села напротив.

– Хочу сохранить элемент неожиданности.

– В этом доме достаточно неожиданностей.

– Не замечала.

Марк едва заметно усмехнулся.

– Вы выглядите лучше.

– Это комплимент?

– Наблюдение.

– У вас все наблюдение. Даже когда пытаетесь сказать что-то человеческое.

– Возможно.

Кира посмотрела на него с раздражением.

- Когда-нибудь запретите себе это слово.
- Оно полезное.
- Оно позволяет ничего не обещать.
- Именно поэтому полезное.

На кухню вошел Тимур. Как всегда, почти бесшумно. Кира уже начала воспринимать его внезапное появление не как отдельную особенность, а как естественный закон дома: если она произносит что-то потенциально спорное, через несколько секунд где-нибудь рядом обязательно окажется Тимур, готовый спокойно сообщить, почему ее новая идея неразумна.

На нем была темная толстовка, волосы оставались влажными после душа. На скуле еще виднелась тонкая царапина, полученная в клубе. Кира заметила ее только сейчас, при утреннем свете. Раньше на лице мужчины существовало слишком много других деталей, отвлекающих внимание: сосредоточенность, тяжелое спокойствие, привычка смотреть так, будто заранее оценивает все пути возможной катастрофы.

Тимур подошел к кофейнику.

- Нож вернули, – сказала Кира.
- Вижу.
- Вы положили?
- Нет.

Она посмотрела на Марка.

- Вы?

– Нет.

Кира нахмурилась.

– Тогда кто?

– Ирина убирала стол, – ответил Тимур. – Сказал оставить.

– Значит, все-таки вы.

– Сказал оставить. Не клал.

– Поразительная точность формулировок.

Тимур налил кофе и сел справа от нее.

– Вы просили.

– И решили выполнить?

– Да.

– Почему?

Он посмотрел спокойно.

– Потому что это был нож.

– Очень исчерпывающе.

– Если бы просили оставить код от ворот, ответ был бы другим.

– Уже догадалась.

Марк положил планшет на стол.

– Через сорок минут выезжаем в квартиру.

Кира перестала улыбаться.

– Так рано?

– Чем раньше, тем меньше случайных людей возле дома.

– Соседи?

– И они тоже.

– Вы проверили подъезды?

– Проверили.

– Камеры?

– Частично. Несколько наружных камер принадлежат управляющей компании. Доступ получили. Внутренние только на первом этаже.

– И что?

– За последние сутки возле вашего дома появлялась машина, которую раньше фиксировали рядом с клубом.

Кира замерла.

– Какая?

Марк развернул планшет.

На экране был снимок с камеры наблюдения. Темный седан стоял возле соседнего подъезда. Не тот, который она заметила во дворе клуба в ночь нападения, или, по крайней мере, Кира не могла быть уверена. Машины без отличительных признаков быстро превращались в одинаковые силуэты. Но сама мысль оказалась неприятной: пока она спала в чужих домах, кто-то продолжал смотреть на ее квартиру.

– Люди Ратникова? – спросила она.

– Скорее всего.

– Внутрь заходили?

– По камерам нет.

– А если у них есть другой вход?

– Проверим.

Кира отодвинула планшет.

– Я еду.

– Да.

– И захожу первой.

– Нет, – сказал Тимур.

Она повернула голову.

– Это моя квартира.

– Поэтому зайдете после проверки.

– Кто будет проверять?

– Я.

– Вы не знаете, что где находится.

– Для первичного осмотра не нужно.

– А если они что-то переставили?

– Потом посмотрите.

– Тимур.

– Внутри может быть человек.

– Или не быть.

– Поэтому проверю.

Кира почувствовала знакомое раздражение, но на этот раз спор не успел разгореться. В коридоре послышались шаги. Данила вошел на кухню медленно, опираясь одной рукой на стену, другой придерживая бок. Выглядел он лучше, чем вчера вечером, но недостаточно хорошо, чтобы Вера одобрила самостоятельную прогулку. Бледность осталась, движения были осторожными, лицо напряженным.

– Вы почему не в комнате? – спросила Кира.

– Решил присоединиться к обществу.

– Вера разрешила?

– Вера спит.

– Значит, нет.

– Иногда согласие можно трактовать расширительно.

Тимур уже поднялся.

– Сядь.

– Именно собирался.

– Я отведу.

– Способен дойти до стула.

– Данила.

– Тимур.

Они посмотрели друг на друга. Несколько секунд продолжался молчаливый спор, в котором Данила, несмотря на красноречие, явно проигрывал. Тимур шагнул ближе и придержал его под локоть. Пациент не стал сопротивляться, только вздохнул с выражением человека, которому приходится мириться с необоснованной заботой окружающих.

– Не нужно выглядеть таким довольным, – сказал он.

– Не выгляжу.

– Именно это лицо у тебя бывает, когда удается подтвердить худшие ожидания.

– Ты должен лежать.

– Должен. Но завтрак существует только на первом этаже.

– Мог попросить принести.

– И лишить вас удовольствия от моего общества?

Тимур усадил его на стул.

Данила посмотрел на нож возле Киры.

– Уже вернули оружие?

– Временно, – сказала она.

– Смелое решение.

– Марк рискует.

– Марк любит риск, если предварительно занес его в таблицу.

Северцев не отреагировал.

Кира подвинула Даниле чашку и налила воды.

– Вам нужен кофе?

– Нужен.

– Вам нельзя, – сказал Тимур.

– Что за дом, где человека лишают основных прав?

– Вера запретила.

– Вера многое запрещает из принципа.

– Потому что ты многое делаешь из принципа, – сказал Марк.

Данила посмотрел на Киру.

– Теперь видите? Вы не единственная пленница.

– У вас хотя бы ноутбук есть.

– Был. Вера забрала ночью.

– Правильно сделала.

– Предательство повсюду.

Кира невольно улыбнулась и взяла хлеб. Разговор за столом почти напоминал обычное утро, если не думать о затемненных окнах, охране за воротами и поездке в квартиру, куда

до нее могли прийти люди Ратникова. Именно поэтому Кира позволила себе несколько минут не думать. Выпила кофе. Съела яйцо. Выслушала короткий спор Данилы с Тимуром о количестве воды. Почти поверила, что дом действительно способен удержать внешний мир за стенами хотя бы до выезда.

Потом телефон Тимура коротко завибрировал.

Он посмотрел на экран и мгновенно изменился.

Изменение было едва заметным. Только исчезла расслабленность плеч, которой Кира раньше даже не замечала. Взгляд стал жестче. Рука замерла возле чашки. Мужчина прочитал сообщение еще раз и поднялся.

– Что? – спросил Марк.

– Датчик у северо-восточного угла.

Марк встал сразу.

– Животное?

– Возможно.

Кира невольно посмотрела в окно. Из кухни виднелась только часть двора, заснеженная дорожка и боковая стена гаража. Забор с этой стороны скрывался за домом. Снаружи ничего не происходило. Никаких криков. Никаких машин. Никакого движения.

Тимур уже направлялся к двери.

– Оставайтесь внутри, – сказал он.

Кира поставила чашку.

– Что случилось?

- Пока ничего.
- Тогда почему вы уходите?
- Проверю.
- Я с вами.
- Нет.

Ответ прозвучал настолько коротко и окончательно, что обычный спор выглядел бессмысленным.

Марк подошел к экрану системы наблюдения возле стены и включил несколько камер. На первой виднелись ворота. На второй – передняя часть двора. На третьей – дорожка вдоль гаража. Четвертая показывала дальний угол участка, где забор подходил почти вплотную к лесу. Снег лежал ровно. Камера слегка дрожала от ветра. Никакого человека.

Тимур надел куртку, проверил оружие под ней и открыл боковую дверь.

- Возьми Кирилла, – сказал Марк.
- Уже идет.
- Связь не выключай.
- Да.

Дверь закрылась.

Кира подошла ближе к экрану.

- Что за датчик?
- Движения, – ответил Марк.
- За забором?
- На внешнем контуре.
- То есть кто-то уже рядом.

– Или лиса.

– Вы верите в лису?

Марк посмотрел на камеры.

– Пока рассматриваю все варианты.

Данила медленно отодвинул чашку.

– Внешний угол с лесом?

– Да.

– Там низина.

– Да.

– Камера видит плохо.

– Да.

Кира повернулась к нему.

– Вы здесь уже бывали?

– Несколько раз.

– И знаете слабые места.

– Обычно Тимур знает. Я запоминаю после его лекций.

– Почему угол слабый?

Данила посмотрел на экран.

– Лес подходит слишком близко. Ветер качает ветви. Снег забивает объектив. Датчики время от времени дают ложные сигналы из-за животных. Если человек знает периметр хотя бы приблизительно, выберет именно это место.

Кира почувствовала холод.

– Кто-то знает?

– Возможно, – сказал Марк.

Она почти автоматически бросила на него раздраженный

взгляд.

– Не сейчас.

– Что?

– Не говорите это слово так спокойно.

Марк не ответил.

На экране появилась темная фигура. Тимур шел вдоль стены гаража, двигаясь медленно и почти бесшумно. За ним на расстоянии нескольких метров следовал другой мужчина, вероятно Кирилл. Оба остановились возле угла дома. Тимур поднял руку, предупреждая спутника, затем исчез за стеной.

Камера показывала снег и забор.

Ничего больше.

Кира смотрела на экран так напряженно, что глаза начали болеть. Ожидание оказалось хуже выстрелов. В клубе все происходило быстро: стекло разлеталось, люди кричали, Данила поднимал оружие, Тимур появлялся в дверях. Там страх не успевал обрести форму. Тело действовало раньше мысли. Сейчас за окном было тихо. Дом стоял неподвижно. Снег медленно падал на дорожку. Где-то за забором человек мог лежать в лесу и смотреть на окна.

Телефон Марка завибрировал.

Он прочитал сообщение.

– След есть, – сказал тихо.

– Какой? – спросила Кира.

– Следы обуви вдоль внешней стороны забора.

– Один человек?

– Пока похоже.

Данила нахмурился.

– Разведка.

– Да.

– Он мог уйти.

– Мог.

– Или лежит в низине.

Марк снова посмотрел на камеры.

Кира чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Не настолько резко, как в ночь нападения. Иначе. Медленно, тяжело, будто тело заранее готовится к тому, чего еще не видит.

– Почему он пришел один? – спросила она.

– Чтобы проверить дом, – ответил Марк.

– Что именно проверить?

– Кто внутри. Сколько охраны. Где камеры. Есть ли вы.

Последнее прозвучало спокойно.

Кира посмотрела на окно.

Шторы были открыты.

Утром она сидела здесь с чашкой кофе, ходила по кухне, стояла у стойки, разговаривала с мужчинами. Свет горел. Снаружи, за лесом, кто-то мог наблюдать. Возможно, видел лицо. Возможно, делал фотографии. Возможно, уже передал другим людям подтверждение: женщина действительно здесь.

Она резко подошла к окну и задернула шторы.

Марк ничего не сказал.

Тишину нарушил короткий звук из динамика системы связи. Треск. Чужое дыхание. Потом голос Тимура, тихий и собранный:

– Вижу.

Марк нажал кнопку.

– Один?

– Один. Двигается к дороге.

– Братъ?

– Да.

Связь оборвалась.

Кира повернулась.

– Вы собираетесь задержать?

– Да.

– А если вооружен?

– Тимур справится.

Ответ прозвучал слишком уверенно. Кира хотела сказать, что это безумие, что один человек не обязан бесконечно вытаскивать остальных из опасности, что следовало вызвать охрану, полицию, кого угодно. Но замолчала. За последние дни она уже видела Тимура под выстрелами. Видела, как мужчина двигался в клубе, как принимал решения, как закрывал ее собой у машины. Если в этом доме существовал человек, которому Марк доверял внешнюю угрозу без дополнительных объяснений, то это был Тимур.

И все же ожидание становилось невыносимым.

– Есть другая камера? – спросила Кира.

Марк переключил изображение.

Теперь экран показывал узкую дорогу за поселком. Камера стояла высоко на столбе или стене соседнего хозяйственного здания. Видимость была плохой: снег, темные деревья, нечеткий свет далекого фонаря. Но движение различалось.

Человек бежал.

Не быстро. Скорее осторожно, пригнувшись и выбирая тень вдоль леса. Темная куртка, шапка, рюкзак или небольшая сумка через плечо. Лица не видно. Он время от времени оглядывался, но явно не понимал, что его уже заметили.

Тимур появился с другой стороны.

Кира не увидела, откуда именно. Еще секунду дорога казалась пустой. Потом между деревьями возникла высокая темная фигура и мгновенно сократила расстояние. Человек успел обернуться. Резко дернул рукой, словно пытался достать что-то из кармана.

Тимур оказался рядом раньше.

На экране все выглядело почти нереально. Несколько коротких движений. Захват. Рывок. Мужчина в темной куртке упал на колени, потом лицом в снег. Тимур прижал его одной рукой, другой перехватил запястье. Через несколько секунд подбежал Кирилл.

Кира не слышала слов.

Только видела.

Разведчик сопротивлялся недолго. Вероятно, понял бес-

смысленность. Кирилл надел наручники или пластиковые стяжки. Тимур поднял сумку, проверил карманы, достал телефон.

Экран снова погас.

– Почему выключилось? – спросила Кира.

– Камера не наша, – сказал Марк. – Связь нестабильная. Телефон завибрировал почти сразу.

Северцев посмотрел сообщение и нахмурился.

– Что? – спросил Данила.

– Успел отправить файл.

Кира почувствовала, как все внутри сжалось.

– Какой файл?

Марк не ответил сразу.

– Фотографию.

– Чего?

Он поднял глаза.

– Окна.

Кира стояла неподвижно.

– Моего?

– Пока не знаю.

– Покажите.

– Кира.

– Покажите.

Марк смотрел несколько секунд, затем развернул телефон.

На экране была фотография дома, сделанная из леса. С

расстояния, через ветви и сетку падающего снега. Качество оказалось неожиданно хорошим. Объектив позволял приблизить окно кухни. В кадре стояла Кира.

Она держала чашку кофе и смотрела куда-то в сторону стола. Волосы собраны, лицо повернуто вполоборота. За спиной виднелась часть кухни. Марк сидел у окна, но попал в кадр не полностью. Тимура почти не видно. Данилы тоже. Фотограф целился именно в нее.

Снимок был сделан меньше часа назад.

В первые секунды Кира не почувствовала ничего. Просто смотрела на собственное лицо, превращенное в доказательство. Затем пришло странное отвращение, почти физическое. Как будто незнакомый человек не сфотографировал окно, а прикоснулся к ней через стекло. Проник в обычный утренний момент. Забрал его. Передал кому-то еще.

– Он отправил? – спросила она.

– Да, – ответил Марк.

– Кому?

– Пока выясняют.

– Значит, они знают.

– Что вы здесь – да.

– И где дом.

– Да.

Тишина стала тяжелой.

Марк уже набирал сообщение.

– Тимур, возвращайтесь через гараж. Человека отдель-

но. Телефон в экранированный контейнер. Усиливаем периметр.

Ответ пришел короткий:

– Понял.

Северцев перевел взгляд на Данилу.

– Нужно проверить, куда ушел снимок.

– Дайте устройство.

– Тимур принесет.

– Если сообщение отправлялось через мессенджер, там может быть история.

– Проверишь изолированно.

Данила кивнул и попытался подняться.

– Нет, – сказал Марк.

– В комнате ноутбук.

– Принесут сюда.

– Удобнее работать наверху.

– Удобнее не расходиться по дому.

Данила посмотрел на Киру и вздохнул.

– Поздравляю. Теперь все пленники.

Она не улыбнулась.

Фотография оставалась перед глазами.

Не та, вчерашняя, сделанная возле окна первого дома издалека. Новая. Свежая. Почти живая. Незнакомец находился за забором, пока они сидели за столом и разговаривали. Возможно, видел, как Кира касается ножа, как смотрит на Марка, как Тимур наливает кофе. Возможно, наблюдал, ко-

гда она открывала шторы утром. Возможно, ждал несколько часов подходящего кадра.

Он приехал именно за ней.

Не за флешкой.

Не за Данилой.

Не за Марком.

За ее изображением.

– Я хочу увидеть его, – сказала Кира.

Марк посмотрел внимательно.

– Нет.

– Он фотографировал меня.

– Именно поэтому нет.

– Хочу знать, кто следил.

– Тимур выяснит.

– Я хочу увидеть своими глазами.

– Зачем?

Кира не смогла ответить сразу.

Потому что до сегодняшнего дня враг оставался абстрактным. Фамилия на рекламном щите. Темные машины. Чужие сообщения. Снимки, сделанные неизвестно кем. Слова Марка, которые приходилось принимать на веру. Даже люди в клубе выглядели частью хаоса, вспышками движения и оружия в темноте. Она почти не запомнила лица. Не успела.

Теперь один из них лежал в снегу за забором.

Настоящий.

Живой.

Он приехал ночью через лес. Полз вдоль стены. Искал угол, плохо видимый камерами. Достал телефон или фотоаппарат. Навел объектив на кухонное окно. Снял Киру. Отправил кому-то подтверждение.

Она хотела увидеть лицо человека, который сделал это.

Не из любопытства.

Из необходимости.

– Чтобы перестать бояться тени, – сказала Кира.

Марк молчал.

– Вы сами говорили, что страх полезен, – продолжила она. – Но страх становится хуже, когда не понимаешь, чего именно боишься. Я хочу посмотреть на него.

– Это ничего не даст.

– Мне даст.

– Кира.

– Вы обещали перестать решать, сколько информации я выдержу.

Марк сжал губы.

Она попала точно.

После вчерашнего ужина Северцев действительно изменил правила. Немного, неохотно, с обязательными оговорками, но признал: держать Киру в полном неведении невозможно. Теперь первый серьезный тест наступил раньше, чем кто-либо ожидал.

– Он может попытаться воздействовать на вас, – сказал Марк.

– Каким образом? Я не собираюсь садиться рядом и делиться детскими воспоминаниями.

– Может произнести имя Артёма. Сказать, что знает больше. Попытаться вызвать реакцию.

– Тогда узнаем, что именно он знает.

– Не вы будете допрашивать.

– Я хочу только увидеть.

Марк посмотрел на Данилу.

Тот пожал плечами.

– Она все равно найдет способ.

– Спасибо за поддержку, – сказала Кира.

– Всегда пожалуйста.

Марк перевел взгляд обратно.

– Из дома не выходите.

– Он будет в гараже?

– В подсобном помещении.

– Хорошо.

– Разговор короткий. Рядом Тимур. Никаких самостоятельных вопросов.

– Я могу говорить сама.

– Тогда не увидите.

Кира почувствовала, как поднимается раздражение.

– Вы опять ставите условия.

– Да.

– Потому что иначе не умеете?

– Потому что человек может быть опасен.

– Он связан.

– Опасность не всегда требует свободных рук.

Она хотела спорить дальше, но остановилась. Марк снова говорил разумно. И снова это раздражало.

– Хорошо, – сказала Кира. – Тимур рядом. Разговор короткий. Но если он заговорит со мной, я отвечу.

– В пределах разумного.

– Не вы определяете разумное.

– Пока я.

– Временно.

– Именно.

Через несколько минут в гараже открылась боковая дверь.

Кира услышала движение раньше, чем увидела людей. Короткие команды, звук тяжелых ботинок, металлический щелчок замка. Тимур вошел в дом через коридор. На куртке таял снег, волосы намокли, на правой перчатке темнела полоса грязи. Он выглядел спокойным, но лицо стало жестче обычного.

– Все целы? – спросил Марк.

– Да.

– Оружие?

– Нож. Газовый баллончик. Телефон. Небольшая камера. Пистолета нет.

– Кто?

– Документов при себе нет. Говорит, случайно заблудился.

Данила усмехнулся.

– С камерой и фотографией окна.

– Да.

– Изобретательно.

Тимур посмотрел на Киру.

– Вы видели снимок?

– Да.

– Марк показал?

– Я настояла.

Взгляд мужчины на секунду задержался на Северцеве.

– Хорошо.

Кира почувствовала неожиданное облегчение. Тимур не сказал, что ей не следовало знать. Не попытался оградить от неприятной правды. Просто принял факт.

– Я хочу увидеть его, – сказала она.

Тимур сразу ответил:

– Нет.

Облегчение исчезло.

– Марк согласился.

Мужчина посмотрел на Северцева.

– Коротко, – сказал тот. – В подсобном помещении. Ты рядом.

Тимур молчал несколько секунд.

– Зачем?

– Потому что она настаивает.

– Это не причина.

– Для меня причина, – сказала Кира.

Он повернулся.

– Он пришел за информацией. Уже отправил снимок. Вы ничего не получите от встречи.

– Хочу знать, как выглядит человек, который лежал в лесу и фотографировал меня через окно.

– Обыкновенно.

– Тем более.

– Кира.

– Не начинайте. Мне надоело представлять за каждым деревом неизвестно кого. Я хочу увидеть одного из них.

Тимур смотрел на нее долго. Потом медленно кивнул.

– Пять минут.

– Марк сказал коротко.

– Я сказал пять минут.

– Хорошо.

– Стоите возле двери. Не подходите. Ничего не берете из его рук.

– Он связан.

– Неважно.

– И не задаю вопросов?

– Можете задать один.

Кира подняла бровь.

– Щедро.

– Один.

– А если ответ окажется интересным?

– Решим.

Марк наблюдал за разговором молча. В его взгляде появилось что-то почти задумчивое. Возможно, он впервые видел, как Тимур не просто ограничивает Киру, а договаривается. Неохотно, короткими фразами, но все-таки договаривается.

Они прошли через коридор к гаражу. Марк шел следом. Данила остался на кухне, хотя явно был недоволен. Вера наконец появилась на лестнице, увидела пациента внизу и сразу направилась к нему с выражением человека, готового прекратить любой технический анализ силой.

Подсобное помещение находилось за гаражом. Небольшая комната без окон, с бетонными стенами, металлическим столом и несколькими складными стульями. Яркая лампа под потолком делала пространство плоским и неприятным. Здесь не пытались создать иллюзию уюта. Только функциональность.

Разведчик сидел на стуле возле стены.

Руки стянуты пластиковыми стяжками спереди. Куртка расстегнута, на коленях таял снег. Шапку сняли. Волосы короткие, темные, влажные. Мужчина выглядел лет на тридцать пять или немного старше. Обычное лицо. Не злое. Не жестокое. Не запоминающееся. Небольшая ссадина возле брови, вероятно после задержания. Щетина. Серые глаза. Если встретить такого человека в магазине или очереди за кофе, взгляд не задержится дольше секунды.

Именно обыкновенность оказалась страшнее всего.

Кира ожидала увидеть хищника. Человека, в котором опасность проявляется внешне: тяжелым взглядом, жесткими чертами, напряжением. Но перед ней сидел мужчина, похожий на сотни других. Он мог идти рядом по улице. Стоять в аптеке. Сидеть в машине возле супермаркета. Незаметно фотографировать из-за дерева.

Разведчик поднял голову.

Увидел Киру.

Узнал мгновенно.

Не удивился. Просто взгляд изменился. Стал внимательнее, почти оценивающим. Он смотрел не как человек, впервые встретивший незнакомую женщину. Смотрел как тот, кто уже видел фотографии, знал имя и приехал подтвердить местоположение.

Кира остановилась возле двери.

Тимур встал чуть впереди и сбоку. Не закрывал полностью, но находился достаточно близко, чтобы вмешаться в любую секунду. Марк остался у стены.

– Вы Кира, – сказал мужчина.

Голос оказался спокойным. Почти вежливым.

У нее внутри все сжалось.

– Откуда знаете?

Тимур повернул голову.

– Один вопрос.

Кира посмотрела на него раздраженно.

– Это был уточняющий.

Разведчик едва заметно улыбнулся.

– Похожа.

– На кого?

– На фотографию.

– Которую вы отправили?

– Значит, нашли телефон.

Ни страха. Ни паники. Ни попытки оправдываться историей о случайной прогулке по лесу. Мужчина понимал, что ложь перестала быть полезной, и спокойно менял правила игры.

Кира почувствовала злость.

– Кому отправили?

Разведчик посмотрел на Марка.

– Она всегда такая?

Северцев ничего не ответил.

– Я задала вопрос, – сказала Кира.

– Я тоже.

– Вам сейчас не очень удобно изображать остроумие.

– Почему? Руки связаны. Времени много.

Тимур шагнул ближе.

– У вас времени мало.

Голос остался ровным. Но мужчина на стуле мгновенно перестал улыбаться.

Кира заметила это и впервые увидела разницу между ними глазами противника. Тимур не повышал голос, не угрожал и не делал ничего демонстративного. Просто прибли-

зился на шаг. Этого оказалось достаточно, чтобы разведчик понял: продолжать игру опасно.

– Фото отправилось автоматически, – сказал он.

– Куда? – спросил Марк.

– Не знаю.

– Врете.

– Есть приложение. Нажимаю кнопку. Дальше не мое дело.

– Кто дал телефон?

– Нашел.

Тимур молчал.

Разведчик посмотрел на него, затем снова на Киру.

– Вам правда стоит уехать.

Она напряглась.

– Что?

– Из города. Далеко. Пока еще можете.

– Это угроза?

– Совет.

– Вы пришли фотографировать мое окно, а теперь советуете уехать?

– Я выполняю работу.

– Какую?

– Простую.

– Следить за женщинами из леса?

– Найти. Подтвердить. Передать.

– Кому?

- Уже спросили.
- И вы не знаете.
- Именно.

Кира смотрела на него и чувствовала не страх, а растущее отвращение. Он говорил буднично. Как курьер, доставивший посылку по адресу. Не видел в собственных действиях ничего особенного. Пришел ночью к дому. Лежал в снегу. Навел объектив на окно. Отправил фотографию неизвестным людям. Возможно, прекрасно понимал, что после подтверждения сюда приедут другие – уже не с камерой.

- Вы знаете Артёма Воронцова? – спросила Кира.

Марк чуть сдвинулся, но не остановил.

Разведчик посмотрел внимательнее.

- Знаю имя.

- Он жив?

Пауза длилась всего секунду.

Слишком короткая для случайного человека.

Достаточно длинная, чтобы Кира заметила.

- Не знаю.

- Но слышали о нем.

- Слышал.

- Что именно?

- Один вопрос закончился давно.

Она шагнула вперед.

Тимур мгновенно положил ладонь на ее предплечье.

Не сжал. Только остановил.

– Кира.

– Он что-то знает.

– Узнаем.

– Когда?

– Без вас.

– Почему без меня?

– Потому что сейчас он пытается заставить вас реагировать.

Разведчик снова усмехнулся.

– Правильно говорит.

Кира повернула голову.

– Замолчите.

– А вы его слушайте. Целее будете.

– Очень заботливо.

– Я не злой человек.

– Разумеется. Просто фотографируете чужие окна по ночам.

– У каждого своя работа.

Тимур немного сильнее сжал пальцы на ее руке.

– Достаточно.

– Нет, – сказала Кира.

Он посмотрел ей в глаза.

– Вы хотели увидеть. Увидели.

– Хочу задать еще один вопрос.

– Уже задали несколько.

– Последний.

– Какой?

Кира снова посмотрела на разведчика.

– Что им нужно от меня?

Мужчина на стуле помолчал.

Лицо осталось спокойным, почти безразличным. Но в глазах появилось что-то другое. Не сочувствие. Скорее осторожность человека, понимающего, что ответ может оказаться ценнее, чем кажется.

– Не знаю, – сказал он.

– Врете.

– Возможно.

Это слово прозвучало настолько знакомо, что Кира невольно повернулась к Марку.

Разведчик заметил.

– Смешно, – произнес он. – Вы уже начали говорить одинаково.

Марк остался неподвижен.

– Уведите ее, – сказал он Тимуру.

– Я сама уйду, – резко ответила Кира.

Она развернулась и вышла в гараж.

Тимур последовал сразу, прикрыл дверь подсобного помещения и остановился рядом. Кира прошла несколько шагов между машинами, затем замерла. Хотелось выйти во двор, но мысль о лесе за забором больше не казалась привлекательной. Там мог находиться еще кто-нибудь. Другой обычный мужчина в темной куртке. Другая камера. Другой

телефон.

– Он знает про Артёма, – сказала она.

– Возможно.

Кира посмотрела на Тимура.

– Только не вы.

– Что?

– Не говорите это слово.

Он немного помолчал.

– Хорошо.

– Он знает.

– Скорее всего.

– И вы будете допрашивать без меня.

– Да.

– Почему?

– Потому что он увидел, на что реагируете.

– Я не ребенок, которого можно обмануть конфетой.

– Не ребенок.

– Тогда не убирайте из разговора.

– Он использует вашего брата.

– Все используют моего брата. И меня заодно.

Тимур стоял напротив. На куртке еще оставались мокрые пятна снега. Лицо выглядело усталым, хотя утро только начиналось. Вероятно, мужчина не спал нормально со времени нападения в клубе. Проверял дороги, периметры, машины, маячки, людей охраны. Ждал за забором с лестницей. Ловил разведчика в снегу. И все равно не позволял усталости пре-

вернуться в раздражение.

– Кира, – сказал он спокойно, – этот человек приехал не разговаривать. Он приехал подтвердить, что вы здесь. Уже передал фотографию. Теперь объект засвечен.

– Нужно снова уезжать.

– Возможно.

Она бросила выразительный взгляд.

Тимур почти незаметно качнул головой.

– Марк решит.

– Разумеется.

– Но до решения вы не отходите от меня или от охраны.

– Во дворе?

– Вообще.

– Вы хотите ходить за мной по дому?

– Если понадобится.

– Даже в комнату?

– До двери.

– Какая деликатность.

– Практичность.

Кира почувствовала, как привычное раздражение немного возвращает равновесие. Лучше спорить с Тимуром о дверях и охране, чем снова думать о взгляде мужчины на стуле. О том, насколько быстро тот узнал ее. О фотографии, уже ушедшей неизвестно кому. О короткой паузе после вопроса про Артёма.

– Я хочу знать все, что он скажет, – произнесла Кира.

– Марку скажите.

– Я говорю вам.

– Передам.

– Нет. Вы лично обещайте.

Тимур посмотрел внимательно.

– Почему я?

Она не сразу нашлась.

Потому что Марк слишком часто сообщал правду порциями и сопровождал любую уступку оговоркой. Потому что Данила мог превратить серьезное обещание в шутку, даже если собирался выполнить. Потому что Тимур говорил мало, но пока не солгал ни разу. Даже когда ответ был неприятным. Даже когда не собирался уступать.

– Потому что вы ответите прямо, – сказала Кира.

Он немного помолчал.

– Все, что касается вас и Артёма, сообщу.

– Сразу.

– Как только это не создаст угрозу.

– Тимур.

– Другого обещания не будет.

Кира сжала зубы.

– Вы все одинаковые.

– Нет.

– Просто используете разные слова.

– Возможно.

– Издеваетесь?

На этот раз уголок его рта действительно дрогнул.

– Немного.

Она посмотрела на мужчину и неожиданно почувствовала, как напряжение ослабевает. Совсем чуть-чуть. Не исчезает. Не превращается в доверие. Но становится переносимым.

Тимур первым отвел взгляд.

– Идемте в дом.

– Я могу дойти сама.

– Знаю.

Они вернулись на кухню.

Данила уже сидел с ноутбуком, который кто-то принес снизу. Вера стояла рядом, скрестив руки на груди, и выглядела человеком, готовым через несколько минут выключить технику вместе с пациентом. Марк оставался в гараже.

– Ну? – спросил Данила.

Кира села за стол.

– Обычный мужчина.

– Что?

– Он выглядит совершенно обычно.

Данила посмотрел внимательнее.

– Вы ожидали другого?

– Не знаю. Наверное.

– Опасность редко носит табличку.

– Уже поняла.

Он развернул ноутбук.

– Хотите увидеть, куда ушла фотография?

Кира мгновенно выпрямилась.

– Нашли?

– Частично. Телефон разведчика работает через приложение, которое отправляет файлы на закрытый сервер. Адрес удалось вытащить. Дальше интереснее.

– Что там?

– Несколько каталогов. Большинство закрыты. Но один файл лежал в кэше на устройстве.

– Какой?

Данила открыл изображение.

На экране снова появилась Кира у окна. Та же фотография, только теперь поверх снимка стояла короткая отметка: время, координаты и одно слово.

«Подтверждено».

Кира смотрела на надпись несколько секунд.

– Подтверждено что?

– Ваше присутствие, – ответил Данила.

– И теперь?

– Вероятно, следующий этап.

– Какой?

Данила перестал улыбаться.

– Не знаю.

Кира закрыла глаза на секунду.

Снова это слово.

Но теперь оно не раздражало. Потому что за ним действи-

тельно стояла неизвестность, а не желание оградить ее от неприятной правды.

Марк вошел в кухню через несколько минут. Лицо осталось спокойным, но планшет он держал слишком крепко.

– Уезжаем, – сказал он.

Тимур кивнул, словно ожидал.

– Когда?

– Через двадцать минут.

– Данила?

– Вера решит, можно ли перевозить.

– Нельзя, – сказала врач.

Все повернулись к ней.

– Вы перевезли его несколько часов назад, – продолжила она. – Еще одна дорога сейчас опаснее самого дома.

– Объект засвечен, – сказал Марк.

– Усильте охрану.

– Мы не знаем, что готовят.

– А я знаю, что у него температура и свежие швы. Хотите получить внутреннее кровотечение в машине?

Данила поднял руку.

– Рад, что мое мнение снова играет важную роль.

– Твое мнение не играет никакой роли, – сказала Вера.

Марк задумался.

– Сколько времени нужно?

– Минимум до вечера. Лучше сутки.

– Суток нет.

– Тогда до вечера.

Тимур посмотрел на экран с фотографией.

– Усилим периметр. Две машины на внешнем кольце. Людей разведчика не трогаем с участка.

– Он останется здесь? – спросила Кира.

– Нет, – ответил Тимур. – Увезут отдельно.

– Куда?

– Неважно.

– Для вас все неважно.

– Сейчас действительно.

Марк перевел взгляд на Киру.

– Поездку в квартиру отменяем.

Она мгновенно напряглась.

– Нет.

– Да.

– Мы должны искать ключ.

– Будем искать позже.

– Сколько еще ждать?

– Пока не обеспечим безопасность.

– Опять.

– Да.

Кира встала.

– Вы сами говорили, что без ключа не продвинетесь.

– Ничего не изменилось.

– Изменилось. Теперь они знают, где мы. Значит, сидеть здесь опаснее, чем выехать.

– Не вам оценивать.

– Почему? Потому что только вы умеете считать риски?

– Потому что у меня больше информации.

– Которой вы не делитесь.

– Делюсь достаточно.

– Нет.

Марк смотрел спокойно.

– Сейчас не время.

– Именно сейчас.

– Кира.

Она подошла ближе.

– Нет. Вчера за ужином вы согласились: я участвую в том, что касается меня и Артёма. Сегодня человек лежал за забором и фотографировал мое окно. Он знает про Артёма. На его телефоне есть отметка о моем присутствии. И вы снова собираетесь отправить меня наверх, пока мужчины решают, сколько рассказать и куда переместить груз.

– Вы не груз.

– Тогда перестаньте обращаться как с грузом.

Марк молчал.

– Хотите, чтобы я соблюдала правила? – продолжила Кира. – Хорошо. Хотите, чтобы не лезла через заборы, не отвечала на сообщения и не ехала к лодочной станции одна? Хорошо. Но тогда я получаю информацию. Сразу. Не после того, как вы все обсудите. Не безопасную версию. Все, что касается меня. И участвую в решениях, которые определя-

ют, где буду находиться и что делать.

– Решения по безопасности принимаю я, – сказал Марк.

– Тогда договаривайтесь с забором. Он послушнее.

Данила тихо произнес:

– Началось.

Тимур не вмешивался.

Марк смотрел на Киру долго. В его глазах не было раздражения, но появилось то, чего раньше почти не случалось: необходимость действительно пересмотреть позицию, а не просто найти новую формулировку прежнего запрета.

– Вы хотите участвовать в обсуждении? – спросил он.

– Да.

– Получать открытые данные по угрозе?

– Да.

– Знать, что говорит разведчик?

– Все, что касается меня и Артёма.

– Соблюдать решения группы, если они принимаются после обсуждения?

Кира прищурилась.

– Не любые.

– Тогда это не работает.

– Работает. Я не обязана соглашаться заранее.

– Но в экстренной ситуации выполняете команды Тимура без споров.

Она посмотрела на Тимура.

Он не сказал ни слова. Только ждал.

Кира вспомнила клуб. Выстрелы. Руку на затылке. Дверь машины. Вчерашний забор. Сегодняшний лес. Человека в подсобном помещении. Если рядом существовал кто-то, чьи команды во время опасности она действительно могла бы попытаться выполнить, это был Тимур.

– В экстренной ситуации, – сказала Кира. – Только в экстренной.

Марк кивнул.

– Хорошо.

– И поездка в квартиру?

– Отложена до вечера. Потом решим вместе.

Кира почувствовала маленькое, почти невидимое удовлетворение.

– Вместе.

– Да.

– Это слово вам не повредит?

– Переживу.

– Удивительно.

Марк посмотрел на нее внимательнее.

– Не считайте это победой.

– Почему?

– Потому что вы только что согласились соблюдать правила.

Кира улыбнулась.

– А вы – обсуждать их.

На несколько секунд между ними повисла тишина.

Не враждебная.

Но острая.

Они действительно оказались слишком похожими: оба не умели уступать без встречного условия, оба предпочитали контроль неизвестности, оба превращали разговор в торг даже тогда, когда вокруг становилось опасно. Разница заключалась только в том, что Марк привык считать собственную жесткость профессиональной необходимостью, а Кира – единственным способом не позволить миру решить за нее все заранее.

Северцев первым отвел взгляд.

– Через десять минут обсуждение в гостиной.

– Я буду.

– Тимур.

– Да.

– Усиль периметр. Кире – сопровождение.

Она нахмурилась.

– Мы только что договорились.

– Именно. Сопровождение относится к правилам.

– Даже внутри дома?

Марк посмотрел на нее спокойно.

– Теперь особенно.

Кира собиралась возразить, но остановилась. Фотография на экране по-прежнему оставалась открыта. Слово «Подтверждено» стояло поверх ее лица.

– Хорошо, – сказала она.

Марк вышел.

Тимур направился следом, но Кира окликнула:

– Тимур.

Он обернулся.

– Что?

– Если пойдете за мной по дому, хотя бы не появляйтесь каждый раз бесшумно.

– Постараюсь.

– Это обещание?

– Нет.

– Почему?

– Иногда бесшумно полезнее.

Кира покачала головой.

– Невыносимый человек.

– Говорили.

Он ушел.

Данила посмотрел на нее поверх ноутбука.

– Поздравляю.

– С чем?

– Вас официально повысили из груза в проблему, участвующую в обсуждениях.

– Большая честь.

– Не обесценивайте. Марк редко соглашается менять правила под давлением.

– Он не изменил. Просто признал, что я все равно не отстану.

– Именно это иногда и называется дипломатией.

Кира посмотрела на окно.

Шторы оставались закрытыми. За ними находился двор, забор, лес и снег, на котором еще лежали следы разведчика. Первый живой след чужой охоты. Не фотография из телефона. Не сообщение. Не фамилия Ратникова. Не голос Марка, рассказывающего о системе, которая существует где-то за пределами привычной жизни.

Человек приехал за ней ночью.

Прошел через лес.

Лежал в снегу.

Смотрел на окно.

Теперь угроза обрела лицо.

Обычное, почти незапоминающееся лицо мужчины, которого можно встретить в любом магазине и не заметить. Именно поэтому Кира больше не могла позволить себе относиться к происходящему как к чужой войне, в которую ее случайно втянули.

Война уже пришла к дому.

Посмотрела в окно.

Сделала фотографию.

И отправила кому-то короткое подтверждение: Кира Воронцова найдена.

Глава 10. Временное перемирие

Кира ожидала, что обсуждение пройдет в гостиной.

Так было бы логично. Там стоял длинный диван, несколько кресел и низкий стол, на котором можно разложить планшеты, документы и чашки с кофе. Окна закрывались плотными шторами. Дверь находилась в поле зрения охраны. Пространства хватало всем: Марку с его привычкой занимать место так, будто любое помещение автоматически превращается в кабинет, Тимуру с его тяжелым молчанием, Даниле с подушками, лекарствами и бесконечными попытками доказать, что свежие швы не мешают полноценной интеллектуальной жизни.

Но Марк выбрал другую комнату.

Небольшой кабинет на первом этаже находился в дальней части дома, за кухней и коридором, ведущим к гаражу. Здесь не было ничего уютного: прямоугольный стол, шесть одинаковых стульев, экран на стене, закрытые шкафы и одно узкое окно под потолком, через которое нельзя рассмотреть ни двор, ни лес. Свет падал сверху ровно и холодно, почти стирая тени. Помещение выглядело так, словно создавалось специально для разговоров, в которых никто не должен отвлекаться на комфорт.

Кира вошла последней.

Марк уже сидел во главе стола. Перед ним лежали план-

шет, блокнот и несколько распечатанных фотографий. Тимур стоял у двери, не занимая стул. Данилу все-таки привели из кухни, но Вера устроила его у стены в кресле с высокой спинкой, положила рядом лекарства и несколько раз предупредила, что при первом признаке ухудшения обсуждение закончится независимо от мнения присутствующих.

– Вы говорите так, будто мое мнение когда-нибудь что-то меняет, – заметил Данила.

– Иногда меняет, – ответила Вера. – Когда совпадает с медицинскими рекомендациями.

– Значит, почти никогда.

– Именно.

Кира села напротив Марка. Не сбоку, не рядом с Данилой и не ближе к двери. Напротив. Положила ладони на край стола и посмотрела на Северцева, давая понять без слов: если мужчина собирается читать очередной список правил, то хотя бы впервые будет делать это человеку, сидящему на равном расстоянии.

Марк заметил.

Разумеется, заметил.

Он вообще замечал слишком многое и редко позволял окружающим забывать об этом.

– Начнем с фактов, – сказал Северцев.

– Хорошее начало, – ответила Кира. – Особенно после трех дней недосказанности.

– Двух.

– Уже кажется, что трех недель.

– Это не редкость в стрессовых обстоятельствах.

– Не превращайте разговор в психологическую консультацию.

– Не собирался.

Тимур опустил взгляд, словно скрывал реакцию. Данила, наоборот, не скрывал ничего и почти улыбался, хотя бледность делала выражение лица усталым.

Марк развернул планшет так, чтобы изображение было видно всем.

На экране появилась схема. Не карта целиком, а несколько прямоугольников, соединенных стрелками. Первый обозначал флешку, найденную в клубе. Второй – карту памяти из рукояти биты. Третий оставался пустым.

– У нас есть основной носитель, – сказал Марк. – На нем архив, который Артём получил или украл у людей Ратникова. Большая часть данных зашифрована. Есть открытая папка с несколькими документами, достаточными для подтверждения подлинности. Карта памяти из биты содержит часть ключа. Не весь ключ.

– Значит, не открывает архив, – сказала Кира.

– Нет.

– Данила проверил?

– Да, – ответил тот. – Несколько раз. Хотел убедиться, что проблема не в моей склонности все усложнять.

– И?

– Проблема не только в ней.

Кира посмотрела на пустой третий прямоугольник.

– Чего не хватает?

– Второго файла, – сказал Марк. – Возможно, физическо-го носителя. Возможно, строки, которую нужно преобразовать. Возможно, пароля, разделенного на части. Артём сделал так, чтобы одной находки было недостаточно.

– Разумно, – сказала Кира.

– Да.

– Если не учитывать, что одну часть спрятал рядом со мной и не предупредил.

– Да.

– Вы удивительно легко соглашаетесь, когда речь идет о чужих ошибках.

Марк посмотрел спокойно.

– Ошибка остается ошибкой, даже если совершил человек, которого мы пытаемся найти.

Фраза прозвучала ровно, без намерения задеть. Но Кира все равно почувствовала неприятное движение внутри. Последние дни она сама думала об Артёме хуже, чем когда-либо позволяла кому-то говорить вслух. Злилась. Вспоминала старые долги, исчезновения, обещания, просьбы приехать и помочь. Понимала, насколько закономерно брат превратил ее в тайник: не потому, что хотел причинить вред, а потому, что привык считать сестру надежной частью собственного мира. Человеком, который всегда останется на месте и под-

хватит, если потребуется.

Но злиться самой оказалось проще, чем слышать спокойное подтверждение от Марка.

– Что вы хотите от меня? – спросила Кира.

– Начать с подробного списка вещей, мест и воспоминаний, которые Артём мог использовать.

– Вещей еще могу понять. Мест тоже. Воспоминаний?

– Сообщение про лодочную станцию показало, что противник имеет доступ к личным деталям вашей семьи. Не исключено, что Артём использовал аналогичный принцип при создании ключа.

– Например?

– Дата. Фраза. Фотография. Слово, которое имеет смысл только для вас двоих. Название места. Номер старой квартиры. Любая информация, которую трудно восстановить постороннему человеку.

Кира откинулась на спинку стула.

– Но они уже восстановили часть.

– Да.

– Значит, если ключ связан с воспоминанием, люди Ратникова тоже могут подобрать.

– Поэтому нужно найти раньше.

– Вы хотите, чтобы я перебрала всю жизнь с братом и решила, какой именно кусок он использовал как замок.

– Да.

– Это займет не один час.

– Понимаю.

– И я должна делать это здесь, под камерами, пока вы решаете, какая часть информации мне положена?

Марк немного помолчал.

– Вот об этом и нужно договориться.

Кира подняла бровь.

– Вы умеете договариваться?

– Иногда.

– Свидетели есть?

Данила тихо произнес:

– Я могу подтвердить, что однажды видел попытку.

– Успешную?

– Доказательств не сохранилось.

Марк бросил на него короткий взгляд.

– Данила.

– Молчу.

– Временно, – сказала Вера.

– Благодарю за веру.

Кира снова посмотрела на Марка.

– Хорошо. Давайте договариваться.

– Первое условие, – сказал он. – Вы участвуете в поиске ключа и получаете доступ к материалам, которые непосредственно связаны с Артёмом, угрозой вам и найденными носителями.

– Не выборочно.

– Выборочно.

– Нет.

– Кира.

– Нет, Марк. Мы уже проходили это. Вы показываете только то, что считаете безопасным. Потом выясняется, что маячок лежал в бите, люди Ратникова знают лодочную станцию, старый телефон спрятан в машине, а разведчик фотографирует окно из леса. Каждый раз ваша дозированная правда приходит позже, чем опасность.

Северцев молчал.

– Я не требую доступ к именам ваших людей, адресам укрытий и всему, что связано с операциями, в которых ничего не понимаю, – продолжила Кира. – Но если информация касается Артёма, меня, клуба, квартиры, вещей или людей Ратникова, которые следят именно за мной, я узнаю сразу. Не после обсуждения в мужском кружке спасателей. Сразу.

Данила тихо кашлянул, скрывая улыбку.

– Мужской кружок спасателей звучит обидно, – сказал он. – Мы предпочитаем более солидное название.

– Например? – спросила Кира.

– Пока не придумал.

– Замолчи, – сказала Вера.

Марк не отвлекся.

– Сразу не всегда возможно.

– Почему?

– Потому что иногда информация непроверенная. Иногда ее раскрытие влияет на вашу реакцию. Иногда нужно

несколько минут, чтобы понять, не является ли очередное сообщение провокацией.

– Несколько минут – не несколько дней.

– Согласен.

Кира замерла.

– Что?

– Согласен. Информация, которая касается вас напрямую, передается после первичной проверки. Без искусственных задержек.

– Кто определяет, что касается напрямую?

– Я.

– Нет.

– Тогда кто?

– Обсуждаем вместе.

Марк едва заметно покачал головой.

– В экстренной ситуации обсуждение невозможно.

– В экстренной – Тимур принимает решение на месте.

Тимур поднял взгляд.

Кира повернулась к нему.

– Вы сами говорили: если ситуация изменится и нужно лечь на пол, бежать или оставаться в машине, я выполняю команду без спора. Хорошо. Согласна. Но после того, как опасность миновала, вы объясняете, что произошло. Не Марк через несколько часов. Вы. Сразу.

Тимур смотрел внимательно.

– Если смогу.

- Без вашего любимого ухода от ответа.
- Иногда сначала нужно проверить периметр.
- После проверки периметра.
- Хорошо.

Марк перевел взгляд с Киры на Тимура.

- Вы уже договорились?
- Частично, – ответила Кира.
- Быстро.
- Он отвечает короче.
- Это помогает?

– Не всегда. Но хотя бы понятно, в какой момент спор закончился.

Тимур молча скрестил руки на груди.

Марк постучал пальцами по столу.

– Хорошо. В экстренной ситуации вы выполняете команды Тимура без обсуждения. После стабилизации получаете объяснение. В остальных случаях решения по вашей безопасности принимаются после обсуждения.

– Не только объяснение. Я участвую в выборе.

– В выборе из вариантов, которые не создают прямую угрозу.

– Вы снова пытаетесь оставить себе право исключать любые неудобные варианты.

- Потому что некоторые варианты действительно опасны.
- Тогда объясняете почему.
- Если это не раскрывает чувствительные детали опера-

ции.

Кира прищурилась.

– Вы физически не способны согласиться без оговорки?

– Нет.

– Это диагноз?

– Профессиональная привычка.

– Очень раздражающая.

– Полезная.

Она подумала несколько секунд.

– Хорошо. Но если вы отказываетесь объяснять причину, я не обязана считать решение совместным.

– Оно и не всегда будет совместным.

– Тогда называйте честно: приказ.

– Хорошо.

– И принимайте последствия.

– Какие?

– Мое сопротивление.

Марк посмотрел прямо в глаза.

– Я и так принимаю.

Между ними повисла тишина.

Кира почувствовала, что разговор наконец перестал быть привычным обменом колкостями. Марк не пытался выиграть. Не пытался убедить, что прав автоматически. Просто обозначал границы и ждал, насколько далеко она готова отступить. Точно так же действовала сама Кира. Ни один не хотел капитулировать. Оба понимали: абсолютная победа од-

ной стороны разрушит возможность работать вместе.

– Второе, – сказала она. – Я получаю доступ к открытым материалам архива.

– Получите.

– Не в пересказе.

– Копию на изолированном ноутбуке.

– С которым можно работать самостоятельно.

– Без внешней сети.

– Это очевидно.

– И под наблюдением.

– Почему?

– Потому что на носителях могут быть данные, которые нельзя копировать или фотографировать.

– У меня нет телефона.

– Могут появиться другие способы.

Кира коротко рассмеялась.

– Вы действительно считаете, что я спрячу документы в носке и убегу через забор?

– Не исключаю.

– Невыносимый человек.

– Мне говорили.

– Хорошо. Работать могу одна, но ноутбук остается в кабинете.

– Да.

– И Данила помогает разбираться, если понадобятся пояснения.

– Если врач разрешит, – сказала Вера.

– Слышали? – произнес Данила. – Настоящая власть находится не у Марка.

– Никто не сомневался, – ответила Кира.

– Рад, что вы быстро ориентируетесь в иерархии.

Вера посмотрела на него.

– Еще немного, и иерархия отправит тебя наверх.

– Молчу.

Кира снова обратилась к Марку.

– Третье. Я участвую в обсуждениях, касающихся поиска Артёма.

– Не во всех.

– Почему?

– Потому что часть поиска связана с людьми, чьи имена вы не должны знать. Если информация утечет, они погибнут.

– Я не собираюсь ничего передавать.

– Вы уже невольно принесли маячок в первый дом.

Удар получился точным.

Кира напряглась.

– Это не одно и то же.

– Но показывает: человек может стать каналом утечки, не желая того.

– Значит, вы по-прежнему считаете меня слабым местом.

– Сейчас – да.

– Очень честно.

– Вы требовали честности.

Кира отвернулась на секунду.

Злость поднялась быстро, но за ней существовало неприязненное понимание. Марк снова говорил то, с чем трудно спорить. Она действительно принесла маячок. Действительно спала рядом с ним. Действительно едва не поехала к лодочной станции после сообщения, которое звучало голосом Артёма. Даже если Кира не собиралась никого предавать, враг уже доказал: использовать можно не только сознательную ложь.

– Хорошо, – сказала она. – Имена ваших людей мне не нужны. Но результат каждого направления поиска сообщайте.

– Если связан с Артёмом – да.

– И если не связан, но влияет на мою безопасность.

– Да.

– И разведчик.

Марк посмотрел внимательнее.

– Что именно?

– Все, что скажет обо мне и Артёме.

– Да.

– Не выжимку. Не интерпретацию. Слова.

– Если разговор записан, получите запись.

– Он записан?

– Да.

– Хорошо.

– Смотреть будете здесь.

– Хорошо.

– Не одна.

– Почему?

– Потому что человек может говорить вещи, рассчитанные на реакцию.

Кира почувствовала раздражение.

– И кто будет сидеть рядом? Вы?

– Возможно.

– Нет.

Марк приподнял бровь.

– Почему?

– Потому что вы начнете объяснять, что именно я должна думать о каждой фразе.

– Не начну.

– Начнете.

– Тогда кто?

Кира посмотрела на Тимура.

Он заметил взгляд, но ничего не сказал.

– Тимур, – произнесла она.

Марк тоже посмотрел на него.

– Почему Тимур?

– Потому что он умеет молчать.

– Сомнительное преимущество.

– Для вас – возможно. Для меня – нет.

Тимур немного помолчал.

– Хорошо.

– Вы быстро соглашаетесь, – сказал Марк.

– Она права.

Северцев едва заметно нахмурился.

– В чем именно?

– Вы будете комментировать.

Данила тихо рассмеялся и сразу поморщился, придерживая бок.

– Простите, – сказал он. – Но ради таких моментов стоило спуститься.

Марк посмотрел на Тимура с выражением человека, который получил неожиданный удар от союзника и еще не решил, стоит ли отвечать.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Запись смотрите с Тимуром.

– Четвертое, – сказала Кира.

– Их много?

– Достаточно.

– Продолжайте.

– Моя квартира. Если мы туда едем, я присутствую при осмотре. Не сижу в машине, пока люди охраны перебирают вещи. Не жду в коридоре. Не узнаю потом, что кто-то забрал коробку, фотографию или старую куртку.

– Тимур входит первым.

– Согласна.

– Проверяет помещение.

– Согласна.

– После этого вы заходите только по его команде.

– Согласна.

Марк замолчал.

Кира улыбнулась.

– Видите? Я умею быть разумной.

– Иногда.

– Не портите момент.

– Постараюсь.

– Все найденное показываете мне до того, как увозите.

– Если безопасно.

– Иначе объясняете почему.

– Да.

– Я участвую в поиске ключа.

– Да.

– И решаю, какие семейные вещи имеют значение.

– Да.

– Ничего не ломаете без согласования.

– Если нет экстренной необходимости.

– Опять оговорка.

– Возможны тайники.

– Тогда сначала говорите.

– Хорошо.

Кира медленно выдохнула.

Переговоры продвигались странно. Каждый уступал ровно столько, чтобы другой не встал из-за стола. Марк сохранял контроль над безопасностью, но впервые признавал

необходимость объяснений. Кира принимала часть ограничений, но не позволяла снова превратить себя в молчаливый объект. Разговор напоминал не попытку договориться, а строительство моста над пропастью: один укладывает доску, другой проверяет, не слишком ли далеко пришлось шагнуть, затем отвечает собственной доской.

– Еще телефон, – сказала она.

Марк сразу ответил:

– Нет.

– Я даже не договорила.

– Смысл понятен.

– Хочу доступ к входящим.

– Через фильтр.

– Какой?

– Данила или человек из его группы проверяет сообщения, ссылки и номера. После этого показываем вам.

– Все?

– Все безопасные.

– Не подходит.

– Другого не будет.

– Вы можете скрыть сообщение Артёма.

– Могу.

– И?

– Но не стану, если оно не создаст прямой угрозы.

– Вы ожидаете, что поверю на слово?

– Нет.

– Тогда нужен контроль.

– Какой?

Кира задумалась.

– Данила.

Марк посмотрел на пациента.

– Что Данила?

– Он видит входящие первым вместе с вами. И сообщает мне, если вы решите что-то скрыть.

Данила приподнял бровь.

– Мне льстит внезапное доверие.

– Не обольщайтесь. Просто вы хуже умеете сохранять серьезный вид, когда врете.

– Несправедливо. Я отлично вру.

– Нет.

– Иногда профессионально.

– Не мне.

Данила улыбнулся.

– Уже интересно.

Марк не выглядел довольным.

– Это лишнее.

– Нет. Это проверка баланса.

– Вы предлагаете устроить внутри группы параллельный контроль.

– Вы сами сказали, что контроль полезен.

– Не в таком виде.

– Потому что теперь контролируют вас?

Тишина стала острее.

Тимур чуть повернул голову к Марку. Данила перестал улыбаться. Даже Вера, стоявшая у окна, посмотрела внимательнее.

Кира понимала: зашла далеко. Возможно, слишком. Марк не относился к людям, которые позволяют оспаривать право принимать решения только потому, что собеседник умеет говорить уверенно. Он выстроил эту систему, собрал людей, продумал укрытия, маршруты и способы связи. Нес ответственность за всех. Требование поставить рядом с ним внутреннего свидетеля звучало почти как прямое недоверие.

Но именно недоверие и существовало.

Притворяться иначе бессмысленно.

Марк сцепил пальцы на столе.

– Вы не доверяете мне.

Это был не вопрос.

– Нет.

– Тимуру доверяете?

Кира посмотрела на мужчину у двери.

– Больше.

Тимур не изменился в лице, но взгляд стал тяжелее.

– Почему?

– Потому что он не обещает больше, чем выполнит. И не пытается спрятать приказ внутри объяснения.

Марк немного помолчал.

– Даниле?

Она посмотрела на пациента.

– Частично.

– Почему частично?

– Потому что он шутит, когда нужно сказать правду.

– Справедливо, – заметил Данила.

– А мне не доверяете совсем.

– Пока нет.

– И все равно хотите участвовать в операции, которую координирую я.

– Именно поэтому хочу участвовать.

Марк смотрел прямо.

– Если я соглашусь на эту схему, вы выполните правила безопасности?

– Те, которые будут объяснены и обсуждены.

– В экстренной ситуации?

– Команды Тимура – да.

– Мои?

Кира не ответила сразу.

Вот она, настоящая граница.

Не телефон.

Не материалы.

Не квартира.

Марк хотел знать, признает ли Кира его право командовать, когда времени на обсуждение не останется. Не из тщеславия. Не ради красивой победы. Потому что система, в которой один человек слушает только второго, может разру-

шиться в самый опасный момент.

– Если Тимура рядом нет, – сказала она, – выполню.

– Без спора?

– В момент опасности – да.

– Потом?

– Потом выслушаете все, что думаю.

Уголок рта Марка едва заметно дрогнул.

– Это неизбежно.

– Значит, договорились.

Он молчал еще несколько секунд.

– Хорошо. Данила получает доступ к входящим вместе со мной. Если сообщение не показываем вам сразу, он знает причину. Если считает, что причина недостаточна, обсуждаем втроем.

– Вчетвером, – сказала Кира.

– С вами.

– Да.

– Хорошо.

Данила положил ладонь на грудь.

– Трогательно. Меня повысили до независимого арбитра.

Вера посмотрела на него.

– Тебя повысили до человека, который сейчас поднимется наверх.

– Мы еще не закончили.

– Ты закончил десять минут назад.

– Марк?

Северцев посмотрел на врача.

– Еще пять минут.

– Три.

– Четыре.

Вера вздохнула.

– Ненавижу этот дом.

– Я тоже, – сказала Кира.

– Наконец-то полное единодушие, – заметил Данила.

Марк перелистнул несколько файлов на планшете.

– Теперь о том, что уже знаем. Разведчик назвался Максимом Лариным. Документов при нем не было, но отпечатки подтвердили личность. Раньше работал в частной охранной структуре. Официально последние два года – инструктор по безопасности в одном из реабилитационных центров Ратникова.

– То есть связь прямая, – сказала Кира.

– Через центр – да.

– Он признал?

– Нет.

– Но фотографию отправил.

– Через приложение на закрытый сервер.

– Данила нашел адрес.

– Адрес промежуточный. Сервер арендован через цепочку компаний. Источник пока не установлен.

– Что Ларин сказал про Артёма?

Марк положил на стол лист бумаги.

– Несколько фраз. Услышал имя от координатора. Знает, что Артём что-то украл. Не знает, где находится сейчас. Или утверждает, что не знает.

Кира взяла лист.

На бумаге были напечатаны короткие реплики. Вопросы. Ответы. Паузы отмечены многоточиями. Ларин действительно говорил мало. Но одна строчка сразу привлекла внимание.

«Девушка нужна не вместо него. Девушка нужна вместе с тем, что он оставил».

Кира перечитала.

– Что это значит?

– Думаю, люди Ратникова уверены: часть архива у вас, – сказал Марк.

– Не просто ключ?

– Возможно, еще что-то.

– Что?

– Пока не знаем.

– Квартира.

– Вероятно.

Она положила лист на стол.

– Значит, поездку нельзя откладывать надолго.

– До вечера, – ответил Марк. – Если периметр останется спокойным и Вера разрешит транспортировать Данилу при необходимости.

– Он должен ехать?

– Нет, – сказал Тимур.

– Категорически, – добавила Вера.

– Я чувствую, что голос пациента снова исключили из процесса, – произнес Данила.

– Правильно чувствуешь.

Кира посмотрела на Марка.

– А если дом снова засветили и к вечеру станет опаснее?

– Тогда квартира подождет.

– Люди Ратникова могут добраться раньше.

– У квартиры наблюдение.

– Ваши люди?

– Да.

– Сколько?

Марк помолчал.

– Достаточно.

Кира почувствовала раздражение, но остановилась. Имена, количество людей, позиции – именно тот уровень деталей, который мужчина не станет раскрывать. Спорить сейчас означало разрушать только что выстроенное перемирие ради информации, которая действительно не поможет.

– Если что-то изменится возле квартиры, сообщите сразу, – сказала она.

– Да.

– Без оговорки?

– Без оговорки.

Это была маленькая победа.

Почти незаметная.

Но Кира почувствовала.

Марк тоже понял, что уступил больше обычного. По выражению лица невозможно определить, раздражало ли его это или, наоборот, приносило облегчение. Возможно, и то и другое.

– Теперь ваша часть, – сказал он.

– Какая?

– Вспоминайте.

– Прямо сейчас?

– Начнем сейчас.

– С чего?

– Когда Артём впервые принес битву в клуб?

Кира нахмурилась.

– Несколько лет назад.

– Точнее.

– Наверное, четыре года. Может, пять.

– Что происходило в его жизни тогда?

– Ничего нового. Очередная работа. Очередной человек, который обещал хорошие деньги за простые поручения. Очередная уверенность, что на этот раз все под контролем.

– Он упоминал Ратникова?

– Нет.

– Компании?

– Какие именно?

Марк открыл список.

Кира просмотрела названия. Большинство не говорили ничего. Строительные фирмы, управляющие компании, логистика, консалтинг, частная охрана. Обычный фон делового мира, на который она никогда не обращала внимания. Потом взгляд остановился на одной строке.

– «Северный маршрут», – сказала она.

Марк поднял глаза.

– Знакомо?

– Артём говорил, что работает с ними.

– Когда?

– Не помню точно. Несколько лет назад. Вozил документы или оборудование. Возможно, занимался поставками. Он каждый раз рассказывал по-разному.

– Что именно говорил?

Кира попыталась восстановить.

– Что есть знакомый. Что компания возит материалы для строительных объектов. Что нужны надежные люди, которые не задают лишних вопросов. Я тогда спросила, почему надежным считается именно Артём, если он трижды забывал документы в машине. Он смеялся.

– Давно?

– Наверное, около трех лет.

– До появления биты или после?

– Не уверена.

Марк записал.

– Еще что?

– Иногда у него появлялись деньги. Потом исчезали. Один раз просил оставить у меня коробку.

– Какую?

Кира нахмурилась.

– Обычную. Из-под обуви или техники. Не помню.

– Что внутри?

– Не знаю. Он сказал, документы.

– Где коробка?

– Возможно, в квартире.

Марк посмотрел внимательнее.

– Возможно?

– Я не проверяла. Положила в кладовку. Потом Артём вроде забирал. Или не забирал. У меня там много старых вещей.

– Когда?

– Года два назад.

– Примерно месяц?

– Зима. Кажется, после Нового года.

– Почему запомнили?

Кира усмехнулась без веселья.

– Потому что он приехал ночью, разбудил, принес коробку и сказал, что заберет через пару дней. Я накричала. Он обещал компенсировать неудобство бутылкой вина. Потом принес дешевое красное, которое невозможно пить. Мы спорили еще неделю.

– Коробка может быть важна.

– Может.

– Где кладовка?

– В квартире. Небольшая ниша возле прихожей.

Марк записал.

– Еще.

– Подождите.

Кира чувствовала, как прошлое начинает менять форму. Привычные бытовые эпизоды, которые раньше воспринимались как очередные проявления братского хаоса, теперь выстраивались в цепь. Артём оставлял вещи. Просил ключи от клуба. Заезжал без предупреждения. Иногда исчезал. Иногда появлялся с деньгами. Иногда уверял, что все нормально, слишком настойчиво, чтобы этому верить.

– Он пользовался моей машиной, – сказала Кира.

– Когда?

– Иногда. Если его была в ремонте. Или если нужно было перевезти что-то, не привлекая внимания.

– Что именно?

– Не знаю. Папки. Коробки. Один раз спортивная сумка.

– Где сумка?

– У него. Наверное.

– Какая?

– Черная, с серой полосой. Обычная.

– Когда последний раз?

– Месяца три назад.

Тимур впервые вмешался:

- Машину проверяли полностью?
- Да, – ответил Марк.
- Обшивку?
- Да.
- Запаску?
- Да.
- Под сиденьями нашли старый телефон.
- Да.

Кира повернулась к Тимуру.

- Вы думаете, могло остаться что-то еще?
- Проверю повторно.
- Уже проверяли.
- Теперь знаем больше.
- Я хочу присутствовать.
- В гараже холодно.
- Переживу.
- Не сейчас.
- Почему?
- Машина на другом объекте.
- Разумеется.

Марк поднял руку, останавливая новый круг спора.

- Вернемся позже. Продолжайте.

Кира закрыла глаза на секунду.

- Вы понимаете, насколько это мерзко?
- Что именно? – спросил Марк.
- Перебирать жизнь и каждый раз думать: он просто был

безответственным братом или сознательно использовал меня как склад?

Северцев не ответил сразу.

– Понимаю, – сказал он.

– Нет.

– Почему считаете, что нет?

– Потому что вы смотрите на это как на задачу. Вещи. Даты. Маршруты. Коробки. Машины. Для вас каждый эпизод – нитка, за которую можно потянуть. А для меня это годы. Разговоры. Ссоры. Моменты, когда я верила, что в этот раз он действительно выкарабкался.

Марк молчал.

Кира почувствовала, что сказала больше, чем собиралась. Но останавливаться уже не хотелось.

– Я злилась на него постоянно, – продолжила она. – Но всегда думала: Артём просто Артём. Ненадежный. Упрямый. Умеющий оказаться в неправильном месте и выбрать худшую возможность из всех доступных. Он не злой. Не преступник. Не человек, который будет сознательно подвергать меня опасности. Просто брат, которому иногда нужно помочь.

– Возможно, так и было в начале, – сказал Марк.

Она посмотрела резко.

– В начале?

– Люди редко входят в подобные системы одним большим шагом. Сначала маленькая услуга. Потом еще одна. Потом

долг. Потом информация, которая не должна выйти наружу. В какой-то момент человек замечает, что больше не может просто уйти.

– Вы его оправдываете?

– Нет.

– Тогда что?

– Объясняю.

– Иногда объяснение звучит как оправдание.

– Иногда понимание механизма помогает найти выход.

Кира усмехнулась.

– Для кого? Для Артёма?

– Для всех.

– Вы уверены, что он заслуживает выход?

Вопрос прозвучал неожиданно даже для нее самой.

В комнате стало тихо.

Данила перестал смотреть на ноутбук. Тимур чуть повернул голову. Марк не отвел взгляда.

– Это решать не мне, – сказал он.

– Удобно.

– Нет. Просто моя задача сейчас – найти его живым и получить архив. Ответственность за поступки наступит потом.

– Какая ответственность?

– Зависит от того, что именно делал.

– А если он участвовал?

– Тогда будет отвечать.

Кира почувствовала боль, почти физическую.

– Даже если помогал вам?

– Даже если помогал.

Она отвернулась.

Ответ был правильным.

И именно поэтому хотелось ненавидеть Марка сильнее.

Он не обещал красивого финала. Не говорил, что Артём жертва и все обязательно простят. Не пытался успокоить. Просто обозначил реальность: брат мог оказаться не только человеком, которого нужно спасать, но и участником преступлений. Возможно, трусливым. Возможно, вынужденным. Возможно, поздно решившим исправить сделанное. Но все равно участником.

Кира вдруг поняла, что до сих пор избегала думать об этом прямо.

Архив украден не случайным свидетелем.

Артём имел доступ.

Знал людей.

Выполнял поручения.

Прятал документы.

Использовал клуб, машину и квартиру.

Не один день.

Годы.

– Продолжим позже, – сказал Тимур.

Марк посмотрел на него.

– Нужно собрать список до выезда.

– Она устала.

– Все устали.

– Тимур прав, – сказала Вера. – Еще немного, и этот разговор перестанет приносить пользу.

Кира хотела возразить, но поняла, что не может. Пальцы сжались слишком сильно, ладони стали холодными. Внутри поднималось ощущение, похожее на злость, но тяжелее. Как будто все воспоминания последних лет одновременно лишились привычных объяснений и потребовали пересмотра.

Марк медленно закрыл блокнот.

– Хорошо. Пауза на час.

– И потом? – спросила Кира.

– Потом продолжим список.

– Вместе.

– Да.

– И просмотр записи Ларина.

– Да.

– С Тимуром.

– Да.

– И открытые файлы.

– После обеда.

Она поднялась.

– Хорошо.

Марк тоже встал.

– Кира.

– Что?

– Это не допрос.

Она коротко рассмеялась.

– Очень похоже.

– Вы можете остановиться в любой момент.

– А ключ подождет?

– Нет.

– Тогда не притворяйтесь, что у меня есть выбор.

Марк несколько секунд молчал.

– Справедливо.

Кира посмотрела внимательно.

– Что?

– Справедливо. Выбор ограничен.

– Вот видите. Иногда честность помещается в одно слово.

– Учусь.

Она вышла.

Тимур последовал за ней.

В коридоре Кира остановилась и повернулась.

– Вы теперь действительно будете ходить за мной по дому?

– Пока объект не проверен полностью.

– Даже если иду в комнату?

– До двери.

– А если хочу побыть одна?

– Будете одна внутри.

– Какая роскошь.

– Дверь закроете.

– И вы останетесь снаружи?

– Да.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– Это должно успокаивать?

– Нет.

– Тогда зачем объясняете?

– Чтобы знали.

Она медленно выдохнула.

– Тимур.

– Что?

– Ларин действительно обычный.

– Да.

– Это хуже.

– Знаю.

– Вы давно видите таких?

– Давно.

– И привыкаете?

Он немного помолчал.

– Нет.

Ответ удивил.

Кира ожидала привычного спокойствия, сухой практичности или фразы о том, что страх мешает работать. Но Тимур не стал изображать человека, для которого чужая опасность превратилась в рутину.

– Тогда как справляетесь? – спросила она.

– Делаю, что нужно.

– Очень содержательно.

– Другого ответа нет.

Она кивнула.

Они поднялись на второй этаж. Возле двери комнаты Кира остановилась.

– Запись Ларина через час.

– Да.

– Вы сядете рядом и не будете комментировать каждую паузу.

– Да.

– Если он скажет что-то про Артёма, не попытаетесь выключить.

– Если не будет прямой угрозы.

– Вы тоже не способны без оговорок.

– Нет.

Кира почти улыбнулась.

– Все-таки заразились от Марка.

– Возможно.

Она закрыла глаза на секунду.

– Еще раз скажете это слово – ударю.

– Чем?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что Кира невольно посмотрела на него.

– Найду.

– Биту пока не вернули.

– Нож на кухне.

– Далеко.

– Лестницу принесете сами.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Отдыхайте.

Кира вошла в комнату и закрыла дверь.

Несколько минут стояла неподвижно, прислонившись спиной к дереву. Потом подошла к окну. Шторы были закрыты, как велел Марк. Раньше она обязательно раздвинула бы, хотя бы из упрямства. Теперь ладонь замерла на ткани.

За окном находился лес.

Не абстрактный, красивый и темный. Настоящий. С глубоким снегом, ветвями, тенями и местами, где может лежать человек с камерой. Смотреть. Ждать. Отправлять фотографию. Нажимать кнопку, после которой где-то на чужом сервере появляется ее лицо и одно слово: подтверждено.

Кира не открыла шторы.

Впервые сделала это не потому, что Марк приказал.

Потому что сама решила: сейчас так разумнее.

Осознание оказалось неприятным.

Но не унижительным.

Она села на кровать и достала из сумки блокнот. На первых страницах оставались старые записи: расписание тренировок, расходы клуба, список покупок, телефон мастера, который обещал починить бойлер. Обычная жизнь выглядела почти неправдоподобно. Кира перелистнула дальше, нашла чистую страницу и написала сверху: «Артём».

Несколько секунд смотрела на имя.

Потом начала составлять список.

Коробка после Нового года.

Спортивная сумка.

Машина.

Ключи от клуба.

Бита.

Старый телефон.

Кладовка.

Фотографии родителей.

Лодочная станция.

Ноутбук отца.

Старые документы.

Каждая строка отзывалась воспоминанием. Каждое воспоминание теперь требовало проверки. Кира писала медленно, иногда останавливаясь, иногда зачеркивая и добавляя новые детали. Почерк становился резче.

Через двадцать минут в дверь постучали.

Настоящий стук. Не бесшумное появление.

Кира подняла голову.

– Войдите.

Тимур открыл дверь, но остался на пороге.

– Марк передал.

В руках у него был тонкий ноутбук.

– Что это?

– Открытые файлы архива. Изолированный. Сети нет.

– Он сказал после обеда.

– Передумал.

Кира посмотрела с подозрением.

– Сам?

– Да.

– Почему?

– Спросите его.

Она встала и взяла ноутбук.

– А вы как думаете?

Тимур немного помолчал.

– Временное перемирие работает в обе стороны.

Кира посмотрела на мужчину.

– Это его слова?

– Мои.

– Удивительно длинная фраза.

– Не привыкайте.

Он уже собирался уйти, когда Кира остановила:

– Тимур.

– Да?

– Спасибо.

Слово далось непросто.

Не потому, что она не умела благодарить. Просто благодарность внутри этого дома казалась опасной. Словно вместе с ней автоматически признаешь право мужчин на все предыдущие решения, принимаешь клетку и соглашаешься считать запреты заботой.

Но Тимур не использовал момент.

Просто кивнул.

– Пожалуйста.

И закрыл дверь.

Кира вернулась к кровати, поставила ноутбук на колени и открыла первую папку.

На экране появились таблицы, даты, названия компаний, платежи и короткие заметки. Мир Артёма, о существовании которого сестра ничего не знала. Сухой, безличный, состоящий из цифр и сокращений. Но где-то внутри этих строк скрывалась причина исчезновения. Причина слезки. Причина, по которой чужой человек лежал ночью в снегу.

Кира начала читать.

Через час вошла в кабинет снова.

На этот раз Марк сидел не во главе стола, а сбоку, возле экрана. Тимур занял место рядом с Кирой. Данила участвовал по видеосвязи из комнаты: Вера все-таки отправила его наверх и лично проследила, чтобы пациент лег. На экране он выглядел недовольным, но живым.

Марк включил запись.

Ларин сидел в подсобном помещении, руки по-прежнему стянуты. Лицо спокойное. Голос ровный. Он отвечал коротко, иногда усмехался, иногда делал паузы. Ничего театрального. Ничего особенно страшного.

Пока не прозвучал вопрос:

– Зачем нужна Кира Воронцова?

Ларин посмотрел прямо в камеру.

– Потому что Воронцов всегда оставляет запасной выход.

– Какой?

– Не знаю.

– Почему тогда сестра?

Мужчина немного помолчал.

– Потому что если у него остается что-то настоящее, он прячет это у нее.

Кира почувствовала, как внутри все сжимается.

На записи Марк спросил:

– Что именно?

Ларин усмехнулся.

– Вы сами знаете.

– Нет.

– Тогда зачем держите ее рядом?

Тишина на записи длилась несколько секунд.

– Говори, – сказал Марк.

Ларин пожал плечами.

– Артём Воронцов трус. Но не дурак. Он понимал: если оставить архив у себя, заберут. Если передать вам – заберут у вас. Если спрятать в банке – найдут. А сестра ничего не знает. Обычная жизнь. Работа. Дом. Машина. Клуб. Человек, который считает, что брат просто снова влип в долги. Лучший сейф – тот, который не понимает, что закрыт.

Кира перестала дышать.

Тимур сидел рядом молча.

Не комментировал.

Не пытался остановить запись.

Не говорил, что это провокация.

Ларин продолжил:

– Только Артём ошибся. Нельзя годами хранить вещи рядом с одним человеком и думать, что никто не заметит закономерность.

– Где он? – спросил Марк на записи.

– Не знаю.

– Кто знает?

– Те, кто выше.

– Ратников?

Ларин усмехнулся.

– Ратников редко знает детали. Ему приносят результат.

– Кто приносит?

– Не знаю.

– Врешь.

– Иногда.

На этом фрагмент закончился.

Экран погас.

В кабинете стало тихо.

Кира сидела неподвижно. Слова Ларина продолжали звучать внутри, хотя запись уже остановилась.

Лучший сейф – тот, который не понимает, что закрыт.

Именно так Артём смотрел на нее все эти годы?

Не только как на сестру. Не только как на человека, который поможет. Как на удобное пространство. Надежное. При-

вычное. Не задающее нужных вопросов, потому что вопросы давно утонули в бесконечной череде мелких неприятностей.

Кира медленно повернулась к Марку.

– Вы знали?

Он не стал притворяться, будто не понимает.

– Допускал.

– Насколько давно?

– После того как нашли записку на флешке.

– И не сказали сразу.

– Не было подтверждения.

– Теперь есть.

– Да.

– Поэтому дали ноутбук раньше.

– Да.

Кира чувствовала злость.

Но странным образом злость не превращалась в желание встать и уйти. Наоборот. Становилась холоднее. Яснее. Полезнее.

– Хорошо, – сказала она.

Марк смотрел внимательно.

– Что хорошо?

– Вы хотите найти ключ. Я тоже.

– Да.

– Значит, ищем вместе.

– На условиях, которые обсудили.

– На условиях, которые будем обсуждать дальше.

– Разумеется.

– И больше никаких безопасных версий для меня.

– Если информация касается вас напрямую – да.

– Я запомнила.

Она поднялась.

– Что теперь?

Марк открыл блокнот.

– Теперь составляем полный список мест, где Артём оставлял вещи.

Кира положила перед ним собственный блокнот.

– Уже начала.

Северцев посмотрел на страницу.

На несколько секунд в его лице появилось что-то почти похожее на уважение. Не снисходительное одобрение и не профессиональный интерес к полезному ресурсу. Настоящее признание: Кира не просто согласилась участвовать. Она начала работать до того, как ее попросили.

– Хорошо, – сказал Марк.

– Только не привыкайте.

– Не планировал.

Кира села напротив.

Тимур остался рядом.

На экране Данила улыбнулся.

– Наконец-то, – произнес он. – Наш кружок спасателей получил нового участника.

– Я не вступала, – сказала Кира.

– Тогда временного консультанта.

– Тоже нет.

– Независимого эксперта по братским тайникам?

Кира подумала.

– Это ближе.

– Запишем.

Марк закрыл глаза на секунду.

– Данила.

– Молчу.

Он, разумеется, не замолчал надолго.

Но впервые Киру это не раздражало.

Потому что теперь она сидела за столом не как пленница, которую допустили к части правды, чтобы успокоить. Не как беспомощный груз, который нужно перевезти, спрятать и уберечь от собственных решений. Не как сестра Артёма, случайно оказавшаяся рядом с архивом.

Она стала участником.

Временно.

С оговорками.

Под охраной.

Без телефона.

За высоким забором.

Но участником.

Перемирие между ней и Марком Северцевым оставалось хрупким. Каждый уступил ровно столько, сколько считал допустимым. Каждый сохранил право спорить дальше. Каж-

дый понимал: при первой серьезной ошибке договор может рассыпаться.

И все же впервые они смотрели не друг на друга через линию фронта.

А в одну сторону.

Туда, где исчез Артём.

Туда, где за цифрами, коробками, ключами и старыми воспоминаниями скрывался человек, превративший собственную сестру в лучший сейф.

Туда, где уже ждали люди Ратникова.

Временное перемирие не означало доверия.

Но иногда, чтобы начать войну по-настоящему, достаточно хотя бы ненадолго перестать воевать друг с другом.

Глава 11. Старый шкафчик

Спортивную сумку Кира вспомнила не сразу.

Она вообще обнаружила, что память работает странно, если заставить себя просматривать прошлое не как последовательность прожитых дней, а как место преступления. Обычные подробности вдруг приобретали значение, которого никогда не имели. Звонок брата среди ночи. Ключи от клуба, одолженные на пару часов. Чужая коробка в кладовке. Старый телефон под сиденьем машины. Бита, годами стоявшая возле стойки с инвентарем. Даже недопитый кофе Артёма теперь казался не бытовой мелочью, а частью картины, которую Кира пока не могла увидеть целиком.

После разговора в кабинете она вернулась в комнату и почти два часа сидела на краю кровати с блокнотом на коленях. За закрытыми шторами шумел лес. Где-то внизу менялись люди охраны, открывались и закрывались двери, коротко звучали команды. Дом продолжал жить в состоянии напряженного ожидания: разведчика увезли, внешний периметр усилили, поездку в квартиру отложили как минимум до вечера. Марк не объяснил, куда именно отправили Ларина и кто будет разговаривать с ним дальше. В рамках нового перемирия Кира получила запись допроса и обещание немедленно сообщить все, что связано с Артёмом. Этого оказалось недостаточно, чтобы почувствовать доверие, но доста-

точно, чтобы впервые не воспринимать закрытую дверь комнаты как прямое оскорбление.

Она писала.

Коробка.

Машина.

Бита.

Ноутбук отца.

Фотографии.

Лодочная станция.

Кладовка.

Ключи от клуба.

Каждая строка тянула за собой воспоминание. Некоторые рассыпались сразу, потому что ничего не значили. Артём постоянно оставлял у сестры вещи, забывал зарядки, перчатки, документы, книги, которые обещал прочитать, но никогда не открывал. Если проверять каждую случайно забытую мелочь, можно было потратить недели и все равно не понять, где заканчивается обычная безответственность брата и начинается сознательный расчет.

Кира закрыла глаза и попыталась вспомнить не предметы, а разговоры.

Не то, что Артём приносил.

То, что просил сохранить.

Разница существовала.

Большинство вещей он забывал случайно. Потом мог неделями не замечать отсутствия. Если Кира напоминала,

смеялся и обещал забрать при случае. Но иногда говорил иначе. Коротко, почти серьезно. Не выбрасывай. Не трогай. Пусть пока полежит. Я потом заберу. В такие моменты привычная легкость оставалась, но звучала слишком нарочито, словно брат заранее репетировал небрежность.

Кира открыла глаза.

Спортивная сумка.

Она лежала в старом шкафчике возле раздевалки.

Несколько недель назад Артём приехал в клуб вечером, когда Кира уже собиралась домой. Тогда ничего необычного не произошло. Подростковая группа закончила тренировку, тренер спорил с отцом одного из учеников из-за пропущенных занятий, уборщица ругалась на грязь в душевых, а Кира пыталась одновременно закрыть кассу, ответить на сообщения и решить, когда вызывать мастера для ремонта бойлера. Артём появился без звонка, как обычно. Принес черную спортивную сумку с серой полосой, прошел в коридор и спросил, свободен ли старый шкафчик возле тренерской.

Кира даже не посмотрела внимательно.

Сказала, что шкафчик не используется, но замок давно заедает. Артём усмехнулся, ответил, что справится, и ушел в раздевалку. Через несколько минут вернулся без сумки. Попросил не выбрасывать, если она будет мешать.

– Заберу через пару дней, – сказал тогда брат.

– Ты всегда говоришь «через пару дней», – ответила Кира, не отрываясь от таблицы.

– В этот раз честно.

– Еще хуже. Когда ты специально уточняешь, что говоришь честно, хочется вызвать полицию заранее.

Он рассмеялся.

И ушел.

Сумка осталась.

Кира собиралась напомнить через неделю, потом забыла. Старый шкафчик стоял в узком коридоре за мужской раздевалкой, куда она почти не заходила без необходимости. Тренеры пользовались другими ячейками. Уборщица не трогала вещи, если их кто-то специально оставил. После нападения клуб закрыли, полиция осматривала помещения, но сумка могла остаться на месте. Если только Артём не забрал раньше. Если только люди Ратникова не нашли. Если только кто-нибудь вообще обратил внимание.

Кира схватила блокнот и почти выбежала из комнаты.

У двери стоял Тимур.

Не прислонившись к стене и не изображая случайное появление. Просто находился в коридоре, в нескольких шагах от порога, с телефоном в руке. После задержания Ларина он действительно не отходил далеко. Видимо, Марк решил, что объект засвечен настолько, что даже внутри дома Кира не должна перемещаться одна.

Она остановилась.

– Вы теперь караулите дверь?

– Пока да.

– Очень успокаивает.

– Не должен успокаивать.

– А зачем тогда?

– Чтобы вы не исчезли в очередное окно.

– В этот раз я собиралась вниз.

– Хорошо.

Кира посмотрела на него внимательнее.

– Я вспомнила вещь.

Тимур мгновенно перестал воспринимать разговор как привычную перепалку.

– Какую?

– Сумку Артёма. Черную, спортивную, с серой полосой. Он оставил в клубе несколько недель назад. В старом шкафчике возле мужской раздевалки.

– Когда точно?

– Не помню. Наверное, недели три назад. Может, четыре.

– Что внутри?

– Не знаю.

– Проверяли?

– Нет.

– Почему?

– Потому что до позавчера считала брата человеком, который просто захламляет чужие помещения. Не международным мастером тайников.

Тимур не ответил. Набрал короткое сообщение.

– Марку?

– Да.

– Я сама могу рассказать.

– Расскажите.

Он убрал телефон.

– Идемте.

На лестнице Кира неожиданно почувствовала возбуждение, почти похожее на облегчение. После долгих часов неизвестности появилась конкретная точка. Не абстрактная квартира, где придется перебирать кладовку, коробки и воспоминания. Не слова Ларина. Не таблицы из архива, смысл которых еще предстояло расшифровать. Реальная вещь в реальном месте. Шкафчик. Сумка. Возможно, внутри лежит вторая часть ключа. Возможно, записка. Возможно, что-то, объясняющее исчезновение Артёма.

Разум сразу напомнил: слишком просто.

Но Кира не хотела слушать.

Марк находился в кабинете. На столе лежали планшет, несколько распечаток и раскрытый ноутбук. Телефон стоял на громкой связи, оттуда доносился голос Данилы. Судя по всему, пациент снова участвовал в работе из комнаты, пока Вера не обнаружила нарушение режима.

– Сумка, – сказал Марк вместо приветствия.

– Черная, с серой полосой, – ответила Кира. – Артём оставил несколько недель назад. Запер в старом шкафчике возле мужской раздевалки. Попросил не выбрасывать.

– Почему вспомнили только сейчас?

Вопрос прозвучал спокойно, но Кира все равно почувствовала раздражение.

– Потому что за последние годы он оставил у меня сотни вещей. Я не вела учет каждой футболки и зарядки.

– Не обвиняю.

– Звучит похоже.

– Уточняю.

– Иногда уточнения тоже раздражают.

Данила тихо сказал через телефон:

– Это естественное свойство марковских уточнений. При-
выкайте.

– Ты должен спать, – произнес Марк.

– Сплю интеллектуально.

– Это не существует.

– У вас недостаточно воображения.

Кира подошла к столу.

– Мы едем в клуб.

Марк поднял взгляд.

– Нет.

Она почти рассмеялась.

– Мы только что договорились, что я участвую в поиске
ключа.

– Участвуете.

– Сумка в клубе.

– Ее заберут люди Тимура.

– Нет.

– Кира.

– Нет, Марк. Мы уже обсудили условия. Если вещь связана с Артёмом, я участвую. Я знаю шкафчик. Знаю помещение. Знаю, что могло измениться. И хочу увидеть сумку до того, как кто-нибудь начнет вскрывать ее в гараже без меня.

– Клуб является местом нападения. Там работала полиция. Возможно, осталось наблюдение людей Ратникова. После звонка Ларина мы не можем считать безопасным ни один маршрут.

– Значит, организуйте безопасный.

– Безопасных нет.

– Тогда менее опасный.

Марк смотрел внимательно.

– Это не прогулка к квартире.

– К квартире вы тоже не хотели ехать.

– И правильно не хотели, судя по разведчику у забора.

– Но сумка может содержать ключ.

– Поэтому заберем.

– Вместе.

– Нет необходимости подвергать вас риску.

– Необходимость есть. Вы хотите, чтобы я не считала себя грузом? Перестаньте оставлять в доме при первом реальном действии.

– Вы участвуете в анализе.

– Я участвую в разговорах. Это не одно и то же.

Марк замолчал.

Тимур стоял у двери, не вмешиваясь. Кира чувствовала его внимание, но не понимала, поддержит мужчина или снова скажет, что риск неоправдан.

– Клуб уже осматривали, – произнес Марк наконец. – Снаружи работают камеры. Внутри часть помещений опечатана. Любой вход может привлечь внимание.

– У меня есть право войти в собственный клуб.

– Официально – да. Фактически ваше появление там подтвердит, что вы живы и участвуете в поисках.

– Ларин уже отправил фотографию окна. Они знают, что я жива.

– Не знают, где окажетесь дальше.

– Поэтому я не поеду одна.

– Кира.

Она положила блокнот на стол.

– Вы сами сказали: без моего участия не поймете, какие вещи важны. Даже если ваши люди принесут сумку, внутри может находиться мелочь, значение которой знаете только вы или Артём. Фотография. Бумажка. Старый ключ. Номер. Вы потеряете время на пересказ. А если кто-то следит за клубом, время работает против нас.

Данила сказал:

– Она права.

Марк перевел взгляд на телефон.

– Ты из принципа выбираешь неудобную сторону?

– Нет. Из любви к логике. И немного из любви к неудоб-

ным сторонам.

– Вера знает, что ты работаешь?

– Сейчас не об этом.

– Узнает.

– Угрозы стали совсем низкими.

Марк снова посмотрел на Киру.

– Поездка короткая. Вход только после проверки. Выполняете команды Тимура без споров. Если он скажет возвращаться – возвращаетесь. Независимо от того, нашли сумку или нет.

– Согласна.

– Если ситуация меняется, не пытаетесь спасти вещи, людей или собственное чувство достоинства.

– Последнее особенно трудно.

– Кира.

– Согласна.

– Бронежилет.

– Уже поняла.

– И никакой самостоятельности.

Она улыбнулась.

– У вас слишком широкое определение самостоятельности.

– Поэтому уточняю: идете только туда, куда разрешит Тимур. Ничего не трогаете до проверки. Не отходите от него дальше чем на несколько шагов.

– Вы хотите привязать меня ремнем?

– Если понадобится.

Кира посмотрела на Тимура.

– Это угроза?

Он ответил спокойно:

– Нет.

– Тогда что?

– Возможность.

Данила тихо рассмеялся.

– Я бы на вашем месте не проверял.

– Никто не спрашивал, – сказала Кира.

– Именно поэтому советы особенно ценны.

Марк взял телефон и начал отдавать распоряжения. Говорил коротко, без лишних объяснений. Две машины. Проверка района. Вход через соседнее помещение. Наблюдение по внешнему контуру. Отдельная группа возле запасного выезда. Никто не должен подходить к главному входу. Никакой связи по обычным каналам.

Кира слушала и постепенно понимала: вылазка, которую она мысленно представляла почти простой поездкой до клуба, превращается в небольшую операцию. Именно так, вероятно, и выглядела реальность этих мужчин. Любое перемещение требовало маршрутов, резервных машин, людей на точках, связи, проверки камер и готовности развернуться в любой момент. Нельзя просто сесть за руль и приехать. Нельзя войти через знакомую дверь. Нельзя довериться привычному городу, потому что привычность давно стала самой опасной иллюзией.

– Двадцать минут на подготовку, – сказал Марк.

– Я готова.

– Тогда наденьте куртку и спускайтесь в гараж.

– Вы едете?

– Да.

Кира не ожидала.

– Думала, останетесь в доме и будете командовать по телефону.

– Могу, если предпочитаете.

– Не предпочитаю.

– Тогда идите.

Она направилась к двери.

– Кира, – сказал Марк.

Кира обернулась.

– Что?

– Если Тимур скажет уходить, вы уходите.

– Уже договорились.

– Повторяю.

– Вы всегда повторяете то, что считаете особенно важным?

– Пока не уверен, что слышали.

– Я слышу вас значительно лучше, чем хотелось бы.

– Хорошо.

– И все равно могу не согласиться.

– Но выполните.

Кира посмотрела ему прямо в глаза.

– В момент опасности – да.

– Этого достаточно.

Она вышла.

В комнате Тимур помог надеть бронежилет. Кира не ожидала, что предмет окажется настолько тяжелым. Плотные пластины давили на плечи, ограничивали движение, заставляли держать спину иначе. Поверх жилета пришлось надеть свободную темную куртку, найденную в доме. В зеркале отражалась почти обычная женщина, только одежда сидела странно, а выражение лица стало серьезнее.

– Неудобно, – сказала Кира.

– Так и должно быть, – ответил Тимур.

– Почему полезные вещи всегда неудобные?

– Не всегда.

– Назовите удобную.

Он задумался.

– Кофе.

Кира посмотрела на него через зеркало.

– Это была шутка?

– Нет.

– Жаль. Уже начала надеяться.

Тимур проверил застёжки, поправил край жилета и отступил.

– Дышать можете?

– Пока да.

– Руки поднимите.

Кира подняла.

– Повернитесь.

Она повернулась.

– Вы наслаждаетесь?

– Нет.

– Очень похоже на подготовку ребенка к зимней прогулке.

– Ребенок меньше спорил бы.

– Сомневаюсь.

Он посмотрел на нее внимательнее.

– Страшно?

Кира уже собиралась автоматически ответить «нет», но остановилась. После Ларина ложь выглядела слишком очевидной.

– Да, – сказала она.

Тимур кивнул.

– Хорошо.

– Что хорошего?

– Значит, будете внимательнее.

– Вы умеете поддерживать.

– Не моя специализация.

– Уже заметила.

Он взял со стола небольшую гарнитуру.

– В ухо.

– Я тоже буду слышать связь?

– Только меня и Марка.

– Почему не всех?

– Лишний шум мешает.

Кира вставила наушник.

– Проверка.

Голос Тимура прозвучал одновременно рядом и внутри уха, от чего она вздрогнула.

– Слышу.

– Если скажу остановиться – останавливаетесь. Пригнуться – пригибаетесь. Назад – идете назад.

– Даже если впереди сумка?

– Особенно если впереди сумка.

– Хорошо.

Он открыл дверь.

– Идите рядом.

– Это приказ?

– Да.

Кира почти улыбнулась.

– Иногда вы удивительно честны.

– Удобнее.

Через двадцать минут две машины выехали из гаража.

Кира сидела на заднем сиденье рядом с Тимуром. Марк устроился впереди, рядом с водителем. Вторая машина шла немного позади, затем исчезла из зеркал после первого поворота. Маршрут менялся несколько раз. Они въехали в поселок, свернули на узкую дорогу, проехали мимо небольшого магазина, затем вернулись на шоссе и снова ушли в сторону города. Кира пыталась следить, но быстро перестала пони-

мать, где находятся. Тимур смотрел в окно. Марк время от времени получал сообщения и отвечал короткими фразами.

– Чисто, – сказал он после очередного звонка. – Возле клуба без движения. Полицейская машина уехала сорок минут назад. Камеры внешнего кольца работают.

– А люди Ратникова? – спросила Кира.

– Не видим.

– Это не значит, что их нет.

Марк посмотрел в зеркало заднего вида.

– Быстро учитеcь.

– Среда располагает.

– Поэтому не задерживаемся.

Город встретил их привычной жизнью.

Это оказалось почти оскорбительным. Светофоры переключались с красного на зеленый. Люди переходили улицы, разговаривали по телефону, несли пакеты из магазинов. Возле остановки стояла женщина с ребенком. Курьер на велосипеде ругался на водителя такси. У кафе сидела компания студентов, несмотря на холод. Никто не выглядел человеком, способным лежать в снегу возле чужого забора. Никто не знал, что в темной машине проезжает женщина в бронежилете, которая несколько дней назад считала главной проблемой неисправный бойлер в клубе.

– Странно, – сказала Кира.

– Что? – спросил Тимур.

– Все продолжается.

– Что именно?

– Город. Люди. Магазины. Машины. Как будто ничего не произошло.

Тимур посмотрел в окно.

– Для них не произошло.

– А для нас?

– Произошло.

– Очень философски.

– Не планировал.

Марк ничего не сказал, но Кира заметила, как он на секунду поднял взгляд от телефона.

До клуба они не доехали напрямую.

Машина свернула за два квартала, остановилась во дворе старого административного здания и въехала в подземный паркинг. Там уже ждал другой автомобиль – неприметный серый кроссовер. Пересели быстро. Кира не задавала вопросов. Начала понимать: мужчины меняют машины не ради драматичности, а потому что любая камера, номер или случайный свидетель могут стать следующей ниткой.

Через несколько минут кроссовер остановился возле склада, примыкающего к задней части здания клуба. Кира знала это место. Соседнее помещение много лет арендовала небольшая компания, торговавшая строительными материалами. Между складами существовал служебный коридор, которым иногда пользовались для доставки оборудования. Формально дверь оставалась закрыта, но старый хозяин зда-

ния никогда не менял замок.

– У вас есть ключ? – спросила Кира.

Тимур достал связку.

– Теперь есть.

– Не хочу знать, откуда.

– Правильно.

Впереди уже работала группа охраны. Один мужчина стоял возле двери склада, другой исчез внутри. Все выглядело почти буднично: темные куртки, обычные машины, никаких заметных оружейных ремней и команд вслух. Если кто-то наблюдает из соседнего окна, увидит нескольких людей, приехавших по хозяйственным делам.

Тимур вышел первым.

Марк повернулся к Кире.

– Ждете.

– Пока Тимур проверяет.

– Да.

– Знаю.

– Хорошо.

Она смотрела через окно.

Складская дверь открылась. Тимур вошел. Прошла минута. Потом еще одна. Кира ощущала, как каждая секунда растягивается. Знакомое здание находилось совсем рядом, за стеной. Там клуб, стойка администратора, разбитые зеркала, засохшая кровь, вещи, оставленные после нападения. Там шкафчик. Сумка. Возможно, ключ.

Голос Тимура прозвучал в наушнике:

– Коридор чистый. Идем.

Марк вышел первым, открыл ее дверь.

– Рядом со мной, – сказал он.

Кира выбралась из машины.

Воздух пах снегом, влажным бетоном и металлической пылью. Они быстро пересекли несколько метров до склада. Внутри стояли поддоны, коробки и рулоны утеплителя. Свет не включали. Только фонари, направленные вниз. Тимур ждал возле дальней стены, где небольшая металлическая дверь вела в служебный проход.

– Дальше я первый, – сказал он. – Кира за мной. Марк сзади.

– Я помню правила.

– Повторяю.

– Вы сговорились.

– Возможно.

Она бросила на него взгляд.

– Не начинайте.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Тимур открыл дверь.

Коридор встретил знакомым запахом клуба: резина, пыль, старое дерево, спортивная магнезия и что-то резкое, химическое, оставшееся после уборки. Видимо, помещение уже частично привели в порядок после полицейского осмотра. Свет не горел. Вдалеке виднелась слабая полоска аварийной

лампы. Кира знала этот проход слишком хорошо. Здесь подростки бегали после тренировок, спорили, толкались, забывали бутылки с водой. Здесь уборщица оставляла тележку. Здесь Артём однажды пытался починить лампу и едва не обесточил половину здания.

Теперь коридор выглядел чужим.

Узким.

Опасным.

Тимур двигался медленно, проверяя каждую дверь. Один человек охраны шел впереди по другой стороне, почти не попадаясь в поле зрения. Марк оставался позади Киры. Она чувствовала его присутствие, но не оборачивалась.

Первой появилась дверь мужской раздевалки.

Кира остановилась.

– Там, – сказала тихо. – Через раздевалку и направо. За тренерской.

Тимур поднял руку.

– Ждите.

Он вошел внутрь один.

Несколько секунд не происходило ничего. Кира смотрела на темный проем и ощущала, как сердце ускоряется. Вчера она спорила, требовала участия, доказывала, что больше не груз. Теперь тело напоминало: участие не состоит только из права задавать вопросы. Оно означает стоять в темном коридоре и ждать, пока человек впереди проверяет помещение, где может находиться кто угодно.

– Чисто, – сказал Тимур.

Кира вошла.

Раздевалка выглядела почти обычно. Ряды деревянных скамеек, металлические шкафчики, крючки на стенах. Только несколько дверей оставались открытыми после осмотра полиции, а на полу возле душевой лежала перевернутая пластиковая корзина. Свет фонарей выхватывал знакомые вещи отдельными фрагментами.

Кира прошла вперед.

– Дальше.

Тимур остановил ладонью.

– Я первый.

– Там маленький коридор.

– Знаю.

– Откуда?

– Схему смотрел.

– Конечно.

Он проверил дверь, затем открыл.

За ней действительно находился короткий проход, заканчивающийся небольшой тренерской комнатой. Вдоль стены стояли старые шкафчики, которыми почти никто не пользовался. Один из них отличался выцветшей наклейкой с эмблемой клуба. Дверца немного провисла. Замок выглядел так, будто открывается только после долгого спора и удара ладонью в нужное место.

Кира указала.

– Этот.

Тимур подошел, осмотрел пол, ручку, края дверцы.

– Трогали недавно, – сказал он.

– Откуда знаете?

– Пыль.

Кира пригляделась. На металле действительно виднелась чистая полоса возле замка. Кто-то открывал шкафчик после того, как помещение надолго осталось без людей. Возможно, Артём. Возможно, полиция. Возможно, люди Ратникова.

– У полиции был доступ, – сказал Марк за спиной.

– Спрашиваем потом, – ответил Тимур.

Он надел перчатки, попробовал ручку. Заперто.

– Ключ? – спросил.

Кира покачала головой.

– Замок открывался любым маленьким ключом, если немного поднять дверцу. Иногда отверткой.

Тимур посмотрел на нее.

– Надежно.

– Клуб не секретная база.

– Уже заметил.

Он достал тонкий инструмент, поднял дверцу и через несколько секунд повернул замок. Металл тихо щелкнул.

Кира задержала дыхание.

Тимур открыл шкафчик.

Внутри лежала спортивная сумка.

Черная ткань, серая полоса вдоль боковой части, потер-

тые ручки. Именно та. Кира узнала сразу. Артём носил ее много лет: в поездки, на тренировки, иногда использовал вместо чемодана. Один из бегунков молнии отсутствовал, вместо него была продета тонкая металлическая скрепка. На боку оставалось небольшое белое пятно краски после ремонта в квартире.

Сумка выглядела совершенно обычной.

Но бита тоже выглядела обычной.

– Не трогайте, – сказал Тимур.

– Даже не собиралась.

Он осмотрел шкафчик фонариком, затем достал небольшое устройство и провел вдоль сумки.

– Сигнала нет.

– Это хорошо? – спросила Кира.

– Пока да.

– Маячок?

– Не вижу.

– Открывайте.

Тимур не спешил.

– Сначала наружу.

– Почему?

– Мало места.

– Если внутри что-то важное, я хочу видеть.

– Увидите.

– Здесь.

– Нет.

Кира уже собиралась спорить, когда в наушнике прозвучал чужой голос:

– Машина остановилась у главного входа.

Все замерли.

Марк мгновенно поднял телефон.

– Какая?

– Белый седан. Один человек внутри. Двигатель работает.

Тимур закрыл шкафчик, не забирая сумку.

Кира почувствовала, как внутри поднимается протест.

– Мы оставим?

– Пока да, – сказал он.

– Но сумка здесь.

– Знаю.

– Если человек войдет, заберет.

– Не войдет.

– Откуда вы знаете?

Тимур посмотрел прямо в глаза.

– Назад.

Одно слово.

Спокойное.

Короткое.

Без объяснений.

Вчера Кира обещала выполнить команду в экстренной ситуации. Сейчас все внутри требовало возразить. Сумка находилась в нескольких шагах. Артём оставил ее специально. Возможно, внутри лежит ключ. Уйти означало снова по-

терять время, позволить неизвестному человеку забрать находку, которую они только что обнаружили.

Но Тимур не отводил взгляда.

Кира развернулась.

– Хорошо.

Он кивнул один раз.

– Идем.

Они вышли в раздевалку. Марк шел последним. Наушник ожил снова:

– Человек вышел. Подходит к двери клуба.

– Описание, – сказал Марк.

– Мужчина, около пятидесяти. Темное пальто. Без сумки.

В руках телефон.

– Лицо видим?

– Да. Отправил фото.

Марк посмотрел на экран.

Кира заметила изменение.

– Знаете?

– Нет.

– Тогда что?

– Похож на сотрудника управляющей компании здания.

– Может просто приехать по работе.

– Может.

– И мы уходим из-за обычного человека?

– Из-за неизвестности, – сказал Тимур.

Они дошли до служебного коридора.

Тимур остановился возле двери склада, прислушался. Все тихо.

– В машину, – сказал он.

Кира шагнула внутрь склада, но остановилась.

– Мы не забрали сумку.

– Заберем позже.

– А если позже не будет?

– Кира.

– Нет. Мы пришли именно за ней.

– Ситуация изменилась.

– Один человек возле главного входа.

– Которого не ждали.

– Возможно, сантехник.

– Возможно.

– Ненавижу это слово.

– Назад.

Она смотрела на Тимура несколько секунд.

– Мы можем наблюдать из машины.

– Да.

– И если он уйдет, вернуться?

– Решим.

– Не «посмотрим»?

– Решим.

Кира стиснула зубы и пошла дальше.

В машине Марк сразу открыл планшет. На экране появились камеры возле клуба. Белый седан стоял у входа. Муж-

чина в пальто действительно находился возле двери и разговаривал по телефону. Выглядел совершенно обычно: седые волосы, папка под мышкой, недовольное выражение лица. Никакой скрытности. Никакого оружия. Никаких попыток проверить окна или обойти здание.

Через несколько минут он достал ключ, открыл дверь и вошел внутрь.

– У него есть доступ, – сказала Кира.

– Да, – ответил Марк.

– Кто это?

– Проверяем.

Тимур говорил по телефону с человеком наблюдения.

– Не братъ. Только следить. Если идет в служебную часть – сообщить.

Кира смотрела на камеры.

Мужчина появился в холле клуба, прошел к стойке администратора, остановился, осмотрел разбитую дверь, затем направился в сторону кабинета. В руках по-прежнему оставалась папка. Двигался без спешки, будто действительно приехал оценить ущерб или встретиться с полицией.

– Это может быть представитель владельца здания, – сказала Кира.

– Может, – ответил Марк.

– Тогда мы зря ушли.

– Нет.

– Почему?

– Потому что осторожность дешевле ошибки.

Она хотела возразить, но промолчала.

Эта фраза звучала как квинтэссенция Марка Северцева. Осторожность дешевле ошибки. Ради нее можно менять дома, машины, маршруты, откладывать поездки и уходить из помещения, когда находка находится в нескольких шагах. Возможно, именно поэтому мужчина до сих пор оставался жив. Возможно, именно поэтому рядом с ним выживали другие.

Кира посмотрела на Тимура.

Он сидел рядом, слегка повернувшись к окну, но продолжал следить за экраном телефона. Спокойный. Сосредоточенный. Не раздраженный ее спором. Не довольный тем, что команда выполнена. Просто готовый действовать дальше.

Кира вдруг поняла, что действительно развернулась по одному слову.

Не потому, что Марк заранее установил правило.

Потому что сказал Тимур.

Осознание оказалось странным. Немного неприятным. Немного успокаивающим.

– Идет в зал, – сообщил голос в наушнике.

На экране мужчина появился в тренировочном помещении. Долго стоял возле разбитого зеркала, что-то фотографировал. Затем прошел по коридору в сторону раздевалок.

Кира выпрямилась.

– Он идет к шкафчику.

– Не обязательно, – сказал Марк.
– Там больше нечего смотреть.
Тимур уже открыл дверь машины.

- Ждите.
- Я с вами.
- Нет.
- Мы договорились.
- Сейчас ждете.
- Тимур.
- Кира.

Тон изменился.
Всего немного.

Она остановилась.

- Почему?
- Если идет за сумкой, нельзя показывать, что знаем.
- Вы хотите проследить.
- Да.
- А если заберет?
- Возьмем позже.
- А если уничтожит?

Марк посмотрел на камеры.

- Тогда поймем, что сумка важна.

Кира чувствовала, как внутри растет напряжение.

- Она и так важна.
- Возможно.
- Марк.

– Но не знаем кому.

Мужчина на экране исчез из поля зрения камеры.

Прошла минута.

Потом вторая.

Кира сжимала пальцы на коленях. Хотелось выйти. Вернуться. Пройти по коридору. Открыть шкафчик раньше незнакомца. Забрать сумку, прижать к себе и не позволить исчезнуть еще одной части прошлого.

Тимур оставался рядом.

Не удерживал физически.

Просто сидел.

Через три минуты мужчина снова появился в холле.

Сумки у него не было.

Он разговаривал по телефону, помахал папкой кому-то за стеклом и вышел наружу. Сел в седан. Машина уехала.

Кира медленно выдохнула.

– Значит, не за сумкой, – сказала она.

– Похоже, – ответил Марк.

– Кто он?

На телефон пришло сообщение.

Северцев прочитал.

– Представитель владельца здания. Приехал проверить ущерб после полицейского осмотра.

– Обычный человек.

– Да.

– И мы зря выбежали.

– Нет, – сказал Тимур. – Проверили.

Кира посмотрела на него.

– Вы всегда настолько спокойно относитесь к потере времени?

– Если сохраняет жизнь.

– Сумка осталась.

– Вернемся.

– Сейчас?

– Через пять минут.

– Почему не сразу?

– Пусть уедет дальше.

– Разумно.

Тимур повернул голову.

– Что?

– Ничего. Просто сказала, что разумно.

– Слышал.

– И?

– Непривычно.

Кира почувствовала, как уголок губ поднимается.

– Не привыкайте.

– Не планировал.

Вернулись тем же путем.

На этот раз коридор казался еще теснее. Возможно, потому что после короткой тревоги тело оставалось напряженным. Возможно, потому что Кира знала: шкафчик уже открывали, сумка действительно лежит внутри, и совсем скоро

придется увидеть, зачем Артём оставил ее.

Тимур снова проверил раздевалку и маленький проход. Потом открыл старый шкафчик.

Сумка оставалась на месте.

Он осторожно достал ее, поставил на пол и провел сканером вдоль ткани. Никакого сигнала. Проверил дно, ручки, молнии, боковые карманы. Затем посмотрел на Марка.

– Чисто по радиоканалу.

– Открывай, – сказал Северцев.

Кира присела рядом.

Тимур бросил на нее взгляд.

– Не трогайте.

– Не трогаю.

Он медленно расстегнул молнию.

Внутри лежали спортивная футболка, свернутые тренировочные брюки, старые перчатки, полотенце и пара кроссовок. Обычный набор. Почти слишком обычный. Кира узнала вещи Артёма. Футболку он носил несколько лет назад, пока ткань не растянулась. Перчатки покупал вместе с ней, долго спорил о цвете и выбрал черные только потому, что Кира сказала, будто красные выглядят нелепо. Кроссовки давно следовало выбросить.

– Это все? – спросила она.

Тимур не ответил.

Проверял.

Карман за карманом. Подкладку. Швы. Дно. Подошвы

кроссовок. Свернутую одежду. Полотенце. Вещи постепенно перекладывались на чистую пленку, разложенную на полу.

Ничего.

Ни карты памяти.

Ни флешки.

Ни ключа.

Ни телефона.

Кира почувствовала, как надежда медленно превращается в раздражение.

– Он просто оставил старые вещи.

– Не спешите, – сказал Марк.

– Вы снова.

Тимур взял сумку за ручки, перевернул, проверил внутренний карман и нащупал что-то под подкладкой.

– Есть.

Кира замерла.

Мужчина осторожно раздвинул ткань. В одном месте шов был распорот и зашит заново почти незаметно. Тимур достал маленький плоский пакет.

Внутри находилась фотография.

Не цифровой носитель.

Не карта.

Обычный бумажный снимок, немного выцветший, с загнутым углом.

Кира протянула руку.

Тимур посмотрел на Марка. Тот кивнул.

Фотографию передали ей.

Она узнала момент сразу, хотя прошло много лет.

Лето. Лодочная станция. Старый деревянный настил над водой. Кира лет четырнадцати, худая, загорелая, с мокрыми волосами и злым выражением лица. На ней слишком большая футболка отца поверх купальника. Рядом Артём – восемнадцатилетний, худой, растрепанный, смеющийся во весь рот. Он держит сестру за плечи и явно только что сказал что-то раздражающее. За спиной темнеет вода. Возле края кадра видна рука отца, который, вероятно, и фотографировал.

Кира помнила этот день.

Она наконец решилась прыгнуть с настила сама. Не потому, что перестала бояться глубины. Просто устала от шуток Артёма. Брат прыгнул следом, хотя отец ругался, что не нужно мешать. Потом вытащил ее на берег, смеялся и говорил, что мелкая наконец научилась делать безумные вещи без чужой помощи.

Снимок много лет лежал в семейном альбоме.

Потом исчез.

Кира не замечала.

До сегодняшнего дня.

На обратной стороне что-то было написано.

Почерк Артёма.

Она перевернула фотографию.

Всего одна строка:

«Ты всегда держишь самое важное ближе, чем думаешь».

Кира прочитала молча.

Потом еще раз.

Слова не изменились.

Не стали яснее.

Не открыли ничего.

Только породили новое раздражение.

– Что это значит? – спросил Марк.

– Не знаю.

– Фраза знакомая?

– Нет.

– Он когда-нибудь говорил так раньше?

– Не помню.

Марк протянул руку.

Кира не отдала сразу.

Смотрела на фотографию.

Семейный снимок неожиданно ощущался почти чужим.

Не потому, что воспоминание стало хуже. Наоборот. Потому что Артём взял один из самых теплых моментов прошлого и превратил в часть схемы. Спрятал в сумке. Зашил подкладку. Оставил подсказку. Рассчитывал, что когда-нибудь сестра найдет и поймет.

Почему нельзя было просто сказать?

Почему каждый его поступок обязательно требовал чужой догадки, чужого риска, чужой готовности снова спасать?

– Кира, – тихо сказал Тимур.

Она подняла глаза.

– Что?

– Дайте Марку посмотреть.

– Я вижу.

– Нужно проверить снимок.

– На что?

– На скрытые метки. Код. Микротекст. Возможно, что-то под слоем бумаги.

Кира стиснула фотографию чуть сильнее.

– Не порвем, – сказал Тимур.

Не «отдайте».

Не «нужно».

Не очередной приказ.

Просто обещание.

Кира медленно протянула снимок Марку.

Он взял аккуратно, за края, осмотрел обе стороны.

– Даниле нужно показать, – сказал Северцев.

– Фото отправим после сканирования, – ответил Тимур.

Кира посмотрела на пустую сумку.

– Ключа нет.

– Нет, – сказал Марк.

– Только подсказка.

– Возможно.

Она почти автоматически повернулась к нему с раздражением, но остановилась. В этот раз слово подходило.

– Что значит «держишь ближе»? – спросил Марк.

- Не знаю.
- Вещь, которую постоянно носите.
- Телефон?
- Проверили.
- Ключи?
- Проверили поверхностно.
- Сумка?
- Проверяли.
- Бита?
- Уже нашли одну часть.
- Может, речь именно о ней.
- Тогда зачем отдельная записка?

Кира задумалась.

Марк прав. Если Артём хотел только указать на битую, сообщение с просьбой взять ее уже выполнило задачу. Фотография должна вести дальше.

– Ближе, чем думаешь, – повторила она. – Может быть, квартира.

– Почему?

– Потому что дом. Семья. Альбом. Фотография была в альбоме у родителей. Потом альбом забрала я.

– Где он?

– В квартире. В кладовке или на верхней полке шкафа.

– Проверим сегодня, если ситуация позволит.

– Я еду.

– Обсудим после возвращения.

– Мы уже обсудили условия.

– Они не отменяют оценку риска.

Кира хотела возразить, но в наушнике снова прозвучал голос охраны:

– Движение на перекрестке. Темный универсал. Стоит без фар.

Тимур мгновенно закрыл сумку.

– Уходим.

На этот раз Кира не спорила.

Она поднялась, отступила к двери и пошла следом. Марк забрал пакет с фотографией. Тимур нес сумку. Коридор казался длиннее, чем прежде. На каждом шаге Кира ждала крика, выстрела или звука приближающихся людей, но здание оставалось тихим.

Они прошли склад, вышли к машине.

– Внутрь, – сказал Тимур.

Кира села.

Марк занял переднее сиденье. Тимур положил сумку в багажник, быстро обошел автомобиль и устроился рядом с Кирой сзади. Машина тронулась сразу.

– Универсал? – спросил Марк.

Водитель ответил:

– Пошел следом за первой машиной.

– Значит, ведем по резервному маршруту.

– Да.

Кира посмотрела через заднее стекло.

Вторая машина их группы выехала в другую сторону. Если универсал действительно наблюдает, последует за ней. Серый кроссовер, в котором сидели Кира, Марк и Тимур, свернул во двор, проехал между домами и выскочил на параллельную улицу.

– Это они? – спросила Кира.

– Не знаем, – ответил Марк.

– Универсал мог просто стоять.

– Мог.

– И снова осторожность дешевле ошибки.

Северцев посмотрел в зеркало.

– Быстро учитесь.

Кира отвернулась к окну.

Город снова мелькал за стеклом: магазины, аптеки, светофоры, люди. Теперь она замечала каждую припаркованную машину. Каждого человека, стоящего возле остановки. Каждое окно. Обыденность больше не успокаивала. Наоборот. Ларин тоже выглядел обычно. Мужчина возле клуба оказался обычным представителем владельца здания. Универсал мог принадлежать обычному человеку. Или не принадлежать.

Как жить в мире, где опасность не отличается внешне от фона?

– Вы привыкли? – спросила она.

Тимур повернул голову.

– К чему?

– Смотреть на каждую машину и думать, не следит ли.

– Нет.

– Но делаете.

– Да.

– Утомительно.

– Да.

Кира посмотрела на него внимательнее.

– Вы сегодня особенно разговорчивы.

– Вы задаете короткие вопросы.

– Значит, секрет найден.

Тимур почти улыбнулся.

Машина остановилась в другом подземном паркинге. Пересели снова. Кира уже не спрашивала зачем. Через несколько минут они выехали на дорогу к поселку.

Марк все это время изучал фотографию. Сначала через увеличенное изображение на планшете, затем под светом телефона. Наконец передал снимок назад Тимуру.

– Видишь что-то?

Тот осмотрел.

– Нет.

– На переднем плане?

– Настил. Вода. Люди.

– Может, место указывает не только на воспоминание.

Кира подняла голову.

– Вы думаете, нужно ехать на лодочную станцию.

– Не сейчас.

– Но записка может вести туда.

– Может.

– И поддельное сообщение тоже вело туда.

– Именно.

Она почувствовала, как внутри снова поднимается холод.

– То есть люди Ратникова знали о записке.

– Или догадались о месте независимо.

– Или видели фотографию раньше.

– Да.

– Если Артём спрятал снимок в сумке, как они узнали?

Марк посмотрел через зеркало.

– Возможно, был второй экземпляр. Возможно, переписка. Возможно, сам Артём рассказал кому-то. Возможно, сумку уже вскрывали.

– Шов выглядел старым?

Тимур ответил:

– Да.

– Но шкафчик недавно открывали.

– Да.

– Значит, кто-то мог проверить и оставить обратно.

– Мог.

Кира закрыла глаза на секунду.

Опять.

Любая находка породила не ответ, а несколько новых вопросов. Телефон вел к сообщению. Сообщение – к бите. Бита – к карте и маячку. Карта – к неполному ключу. Сумка – к

фотографии. Фотография – к лодочной станции или альбому, или чему-то, что Кира носит при себе и не замечает.

Артём словно создавал лабиринт.

Возможно, специально.

Возможно, пытался защитить архив.

Но Кира все сильнее хотела найти брата хотя бы ради того, чтобы впервые не спасать, не утешать и не выслушивать очередное объяснение, а просто ударить. Не битой. Ладонью. По плечу. Достаточно сильно, чтобы Артём наконец понял: нельзя годами превращать чужую жизнь в тайник и называть это заботой.

Когда они вернулись во второй дом, Данила уже ждал в гостиной.

Вера стояла возле дивана, скрестив руки на груди. Видимо, пациент каким-то образом снова добрался вниз, несмотря на запреты. Он выглядел уставшим, но заинтересованным. Ноутбук лежал на столе.

– Вы нашли? – спросил Данила.

Марк передал пакет с фотографией.

– Не ключ.

– Тогда что?

– Подсказку.

Данила взял снимок, перевернул и прочитал.

– Очень по-артёмовски.

Кира остановилась.

– Вы знали его настолько хорошо?

– Достаточно, чтобы понять: он любил оставлять впечатление человека, придумавшего хитрый ход.

– Иногда ход действительно хитрый.

– Иногда. А иногда просто заставляет всех бегать кругами.

– Тоже заметила.

Данила положил фотографию на стол и увеличил скан на ноутбуке.

– Посмотрим.

Кира сняла куртку, расстегнула бронежилет и почувствовала облегчение, когда тяжелые пластины перестали давить на плечи. Тимур забрал жилет, но не ушел. Встал возле стены, наблюдая за экраном.

Марк сел рядом с Данилой.

– Можно вытащить больше деталей?

– Скан нужен нормальный. Но пока попробую.

На экране появилось увеличенное изображение. Лодочная станция. Вода. Деревянный настил. Подростки. Рука отца на краю кадра. За спиной Артёма виднелась старая табличка, почти стертая временем. На ней невозможно было разобрать текст.

– Что там? – спросил Марк.

Кира прищурилась.

– Название станции. Когда-то было написано. Уже тогда почти выцвело.

– Помните?

– «Прибой». Кажется.

Данила увеличил участок.

– Может быть важно.

– Почему?

– Название. Пароль. Кодовое слово.

– Слишком просто.

– Иногда простое лежит ближе всего.

Кира посмотрела на записку.

– «Ты всегда держишь самое важное ближе, чем думаешь».

– Может означать не предмет, – сказал Данила. – Может быть, знание. Слово, которое уже у вас в голове. Не нужно искать носитель. Нужно вспомнить.

– «Прибой»?

– Попробуем как часть ключа.

Он ввел слово.

Ничего.

Попробовал латиницей. С большой буквы. С цифрами, обозначающими год фотографии. Несколько вариантов.

Архив не открылся.

– Нет, – сказал Данила. – По крайней мере, не напрямую.

Кира села в кресло.

– Еще идеи?

– Много. Но сначала нужен хороший скан и проверка бумаги.

Марк посмотрел на часы.

– Поездку в квартиру переносим на завтра.

Кира мгновенно подняла голову.

– Почему?

– Поздно. Район клуба мог быть под наблюдением. Универсал пока не идентифицирован. Дом засвечен частично. Нужно перестроить внешний контур.

– Но фотография может вести к альбому.

– Завтра.

– Марк.

– Кира.

– Мы договорились обсуждать.

– Обсуждаем. Я считаю выезд сейчас неоправданным.

– А я считаю, что люди Ратникова тоже могут искать альбом.

– За квартирой наблюдают.

– Если войдут?

– Узнаем.

– И позволим?

– Возможно.

– Что?

Марк смотрел спокойно.

– Если они считают, что ключ в квартире, иногда полезнее увидеть, что именно ищут.

Кира встала.

– Вы хотите позволить им войти в мой дом.

– Если это даст информацию.

– Нет.

– Обсудим отдельно, если ситуация возникнет.

– Она уже возникла.

– Пока нет.

Кира чувствовала, как перемирие начинает трещать раньше, чем успело закрепиться.

– В моей квартире вещи родителей.

– Понимаю.

– Нет. Не понимаете. Для вас это объект. Место возможного тайника. Для меня дом.

– Именно поэтому не хочу отправлять вас туда ночью после сомнительного наблюдения у клуба.

– Но готовы впустить людей Ратникова.

– Не готов. Рассматриваю вариант контролируемого наблюдения.

– Пока они роются в моих вещах.

– Если войдут, мы можем взять их и узнать больше.

Кира смотрела на него с яростью.

– Вы все превращаете в ловушки.

– Иногда иначе нельзя.

– А если они что-то заберут?

– Не позволим.

– Если повредят?

– Не позволим.

– Вы слишком уверены.

– Потому что люди будут внутри.

Она замолчала.

Разум говорил, что Марк прав. Уехать ночью в квартиру после вылазки в клуб действительно опасно. Если за районом наблюдали, новое движение только увеличит риск. Если люди Ратникова попытаются войти, слежка позволит узнать, что именно им нужно. Это логично.

Но мысль о чужих руках в квартире вызывала почти физическое отвращение.

Сначала фотографии из леса.

Потом старый телефон в машине.

Маячок в бите.

Сумка в шкафчике.

Теперь квартира.

Границы собственной жизни исчезали одна за другой.

– Мне нужно подумать, – сказала Кира.

Марк кивнул.

– Хорошо.

– И получить фотографию.

– После сканирования.

– Оригинал.

– Почему?

– Потому что она моя.

Марк посмотрел на Данилу.

Тот пожал плечами.

– После проверки бумаги не вижу проблемы.

– Хорошо, – сказал Северцев. – Оригинал вернем.

Кира немного успокоилась.

Совсем немного.

– А сумка?

– Проверим полностью, – ответил Тимур. – Потом отдадим.

– Вещи Артёма тоже.

– Да.

Она поднялась.

– Я пойду наверх.

– Отдохните, – сказал Марк.

– Не командуйте.

– Советую.

– Еще хуже.

Кира направилась к лестнице.

Тимур пошел следом.

На втором этаже она остановилась возле двери комнаты.

– Вы снова дежурите?

– Да.

– Почему?

– Объект пока не проверен полностью.

– После каждого найденного разведчика вы будете стоять под дверью?

– Если понадобится.

Кира посмотрела на него внимательно.

– Сегодня в клубе я выполнила команду.

– Да.

– Хотя хотела остаться.

– Знаю.

– И вы удивлены?

Тимур немного подумал.

– Нет.

– Почему?

– Потому что обещали.

Ответ прозвучал просто.

Кира неожиданно почувствовала что-то теплое и болезненное одновременно. Не комплимент. Не попытку задобрить. Обычная уверенность: если она сказала, то выполнит. Тимур не считал ее безрассудным ребенком. Не ожидал автоматически худшего. Просто знал, что Кира будет спорить до последнего, но однажды данное слово удержит.

– Вы слишком хорошо думаете обо мне, – сказала она.

– Нет.

– Очень трогательно.

– Думаю точно.

– Еще трогательнее.

Уголок его рта дрогнул.

– Отдыхайте.

Кира уже открыла дверь, но остановилась.

– Тимур.

– Да?

– Вы верите, что Артём жив?

Он не ответил сразу.

– Да.

– Почему?

– Потому что иначе не было бы смысла искать вас так осторожно.

– Они могли просто хотеть ключ.

– Могли.

– Но?

– Если ключ спрятан у вас, Артём нужен, чтобы проверить, получили ли все.

Кира почувствовала холод.

– Это должно успокаивать?

– Нет.

– Вы всегда говорите правду именно тогда, когда лучше было бы соврать?

– Стараюсь.

– Невыносимый человек.

– Говорили.

Она вошла в комнату и закрыла дверь.

На кровати лежал блокнот. Кира села, открыла чистую страницу и положила рядом ручку. Некоторое время просто смотрела на список, составленный утром.

Потом добавила новые строки.

Спортивная сумка.

Старый шкафчик.

Фотография со станции.

Альбом родителей.

Слово «Прибой».

Записка.

«Ты всегда держишь самое важное ближе, чем думаешь».

Она перечитала.

Что Артём имел в виду?

Бита была рядом много лет.

Телефон лежал в машине.

Фотография – в сумке.

Альбом – в квартире.

Но «ближе» звучало иначе.

Не «у тебя дома».

Не «среди старых вещей».

Не «там, где мы были детьми».

Ближе.

Кира закрыла глаза.

Рядом с ней находилось не так много вещей, которые она носила постоянно. Ключи. Кошелек. Телефон, теперь изъятый Марком. Небольшая цепочка на шее, подарок матери. Часы отца, которые она иногда надевала, но последние недели почти не снимала. Брелок от машины. Старая фотография родителей в кошельке. Резинка для волос на запястье.

Она открыла глаза.

Посмотрела на часы.

Старые механические часы отца сидели на левой руке. Потертый кожаный ремешок. Круглый циферблат. Небольшая царапина возле стекла. Отец носил их много лет. После его смерти вещи долго лежали в коробке, потом Кира отнесла

часы мастеру, заменила механизм и начала надевать время от времени. Артём однажды просил дать посмотреть. Сказал, что хочет такие же. Потом вернул.

Кира медленно сняла часы.

Сердце ударило быстрее.

Она положила их на ладонь и внимательно осмотрела.

Ничего необычного.

Задняя крышка выглядела обычной. Ремешок тоже. Но после биты обычность перестала что-либо доказывать.

Кира поднялась и открыла дверь.

Тимур стоял в коридоре.

Посмотрел сначала на ее лицо, потом на часы в руке.

– Что?

Кира протянула ладонь.

– Возможно, я поняла, что значит «ближе».

Он взял часы осторожно.

– Ваши?

– Отцовские. Артём держал их в руках несколько месяцев назад. Просил показать. Потом вернул.

Тимур осмотрел.

– Не трогали с тех пор?

– Носила.

– Часто?

– Почти каждый день.

– В душ?

– Снимала.

– Ночью?

– Иногда.

– Могли заметить, если тяжелее?

Кира задумалась.

– Не знаю. Они механические. И всегда были тяжелыми.

Тимур посмотрел на нее.

– Марку.

Они спустились вместе.

В кабинете Данила все еще изучал фотографию. Марк разговаривал по телефону. Увидев часы в руке Тимура, он сразу закончил разговор.

– Что?

Кира положила блокнот на стол.

– Артём написал: «Ты всегда держишь самое важное ближе, чем думаешь». Часы отца. Я ношу их почти каждый день. Несколько месяцев назад Артём просил дать посмотреть. Вернул через пару дней.

– Зачем брал?

– Сказал, хочет заказать похожие. Я не подумала.

Марк посмотрел на Тимура.

– Проверить.

Тот уже достал небольшой сканер.

Кира стояла рядом, наблюдая. Прибор тихо запищал. Тимур провел еще раз, медленнее.

– Есть дополнительный металл внутри, – сказал он.

Кира почувствовала, как ладони становятся холодными.

– Это может быть механизм.

– Может.

– Но?

Тимур осмотрел заднюю крышку.

– Есть следы вскрытия.

Данила поднял голову от ноутбука.

– Покажите.

Марк поднес часы ближе к камере.

– Можно открыть? – спросил Тимур.

Все посмотрели на Киру.

Вопрос удивил сильнее, чем должен был.

Еще несколько дней назад мужчины просто забрали бы вещь, проверили и сообщили результат позже, когда сочли безопасным. Теперь Тимур действительно ждал разрешения.

Кира кивнула.

– Открывайте.

Он взял инструмент, осторожно поддел заднюю крышку.

Металл щелкнул.

Внутри находился механизм.

Обычные шестеренки, пружины, мельчайшие детали.

И тонкая круглая пластина, которой там явно не должно быть.

Тимур достал ее пинцетом и положил на чистую поверхность.

Пластина выглядела почти как часть часов. Маленькая, металлическая, с едва заметной гравировкой по краю. На од-

ной стороне находился ряд символов. Не слово. Не дата. Не понятный код. Просто короткая комбинация букв и цифр.

Данила наклонился ближе к экрану.

– Вот это уже интереснее.

– Второй ключ? – спросила Кира.

– Возможно, токен. Возможно, часть пароля. Нужно проверить.

Она смотрела на раскрытые часы отца.

На механизм.

На пустое место, где несколько месяцев находилась чужая тайна.

Все это время носила ключ на запястье.

Спала рядом.

Работала.

Ездила по городу.

Встречалась с людьми.

И не знала.

Артём действительно превратил ее в сейф.

Не метафорически.

Буквально.

Кира почувствовала, как внутри поднимается горячая, тяжелая злость.

– Он вскрыл часы отца, – сказала она.

Никто не ответил.

– Взял вещь отца. Вставил туда свою тайну. И вернул мне, не сказав ни слова.

– Кира, – тихо произнес Тимур.

– Нет. Не надо. Не объясняйте, что он пытался защитить архив. Не говорите, что так было безопаснее. Не надо превращать очередную мерзость в разумный ход.

Тимур молчал.

Марк тоже.

Данила смотрел на экран без улыбки.

– Он знал, что я буду носить, – продолжила Кира. – Знал, что не выброшу. Знал, что никто не полезет внутрь. Потому что это часы отца. Потому что я берегу их. Потому что он мой брат и прекрасно понимает, какие вещи для меня важны.

Голос дрогнул, но Кира не позволила себе остановиться.

– Он использовал не просто меня. Он использовал память о родителях.

Тимур медленно положил часы на стол.

– Мы вернем как было.

– Это ничего не изменит.

– Знаю.

– Нет. Вы не знаете.

Он посмотрел прямо в глаза.

– Не знаю. Но вернем аккуратно.

Кира отвернулась.

За окном кабинета темнел лес. Шторы были закрыты не полностью, оставляя тонкую полоску света. Еще утром это раздражало бы. Теперь Кира подошла и задернула ткань до

конца сама.

Без приказа.

Без спора.

Потом вернулась к столу.

– Проверьте пластину, – сказала она.

Данила кивнул.

– Сделаем.

– И если это ключ, открываем архив при мне.

Марк ответил:

– Да.

– Сразу.

– После технической проверки.

Кира посмотрела на него.

– Не начинайте.

– Носитель может быть защищен.

Она закрыла глаза на секунду.

– Хорошо. После проверки. Но я присутствую.

– Да.

– И больше никаких задержек.

– Если сможем открыть – увидите.

Кира села.

Тимур аккуратно закрыл корпус часов, не вставляя пластину обратно. Положил вещь в мягкий пакет и передал ей.

– Возьмите.

Она не ожидала.

– Уже?

– Часы ваши.

Кира взяла.

Пакет почти ничего не весил, но казался тяжелее бронежилета.

– А пластина?

– Проверим отдельно.

Она кивнула.

В кабинете снова началась работа. Данила давал инструкции через экран. Марк подключал защищенный ноутбук. Тимур готовил устройство для считывания. Кира сидела рядом и смотрела на отцовские часы в прозрачном пакете.

Фотография из старого шкафчика привела к ответу.

Не полному.

Но настоящему.

Артём оставил подсказку не для Марка. Не для Данилы. Не для кого-то из людей, способных разбираться в шифрах, серверах и чужих схемах.

Для нее.

Для сестры, которая должна была вспомнить.

Понять.

Найти.

Это могло бы показаться знаком доверия.

Если бы не одно обстоятельство.

Артём доверял Кире хранить самое важное.

Но не доверял знать, что именно она хранит.

Глава 12. Следовательские привычки

Пластина из часов оказалась не ключом.

По крайней мере, не тем ключом, который можно было вставить в программу, нажать несколько кнопок и немедленно увидеть содержимое архива. Данила установил это довольно быстро, хотя сначала потребовал увеличить изображение гравировки, потом заставил Тимура несколько раз изменить угол освещения и наконец настоял, чтобы металлический круг поместили в отдельный считыватель. На экране появились цифры, шестнадцатеричные последовательности, короткие строки команд и несколько окон, смысл которых Кира не понимала. Она сидела рядом, не пытаясь изображать техническую грамотность, и следила только за лицом Данилы на экране ноутбука. Обычно мужчина комментировал происходящее бесконечными шутками, но теперь молчал слишком долго. Это означало одно из двух: либо проблема действительно сложная, либо Вера наконец подобрала дозу обезболивающего, способную временно победить его характер.

– Пластина пассивная, – сказал Данила наконец. – Электроники нет. Радиометки тоже. Никакого сигнала она не передает. По сути это жетон с гравировкой.

– И зачем он нужен? – спросила Кира.

– Последовательность символов похожа на часть шифровального ключа. Не сам ключ, а один элемент. Возможно, идентификатор. Возможно, пароль для второго контейнера. Возможно, подсказка, указывающая, где лежит еще одна часть.

– Сколько частей вообще может быть?

Данила задумался.

– Учитывая характер вашего брата, подозреваю, что к концу недели нам придется искать записку внутри детского альбома, карту памяти в старом телевизоре и завершающий пароль на обороте школьного дневника.

Кира посмотрела холодно.

– Очень смешно.

– Простите.

Он действительно перестал улыбаться.

– Проверим несколько вариантов. Но быстро не обещаю. Артём явно хотел, чтобы архив нельзя было открыть одной удачной находкой.

– Он хотел, чтобы все остальные бегали по городу и разгадывали его загадки, пока сам прячется неизвестно где.

– Возможно, – произнес Марк.

Кира мгновенно повернула голову.

– Только не вы.

Северцев стоял возле окна кабинета, скрестив руки на груди. Шторы оставались закрытыми, но Марк все равно

время от времени смотрел в сторону ткани, словно привычка контролировать внешний мир не исчезала только потому, что увидеть ничего нельзя. За последние несколько часов он стал еще более собранным. Не жестким – таким Марк был почти всегда. Скорее сосредоточенным до неприятного предела, будто мысленно уже раскладывал новые сведения на десятки направлений и определял, какие люди, машины и адреса потребуются дальше.

– Я просто не исключаю, что Артём не может выйти на связь, – сказал он.

– Знаю.

– И что часть его решений могла быть вынужденной.

– Знаю.

– Тогда почему злитесь?

Кира посмотрела на часы отца, лежавшие перед ней в мягком пакете.

– Потому что вы говорите так, будто каждое его решение можно объяснить необходимостью.

– Объяснить – не оправдать.

– Уже слышала.

Марк не стал продолжать. За последние сутки он научился останавливаться чуть раньше, чем разговор превращался в бесполезную ссору. Не всегда. Иногда следовательские привычки все-таки побеждали даже здравый смысл. Но теперь между ними существовало временное перемирие, и оба относились к нему почти настороженно, словно к хрупкой

конструкции, способной рухнуть от одного неудачного слова.

Тимур стоял у стола, аккуратно убирая пластину в прозрачный контейнер. Двигался спокойно, как всегда. Никаких лишних жестов. Никакого желания вмешиваться в разговор, пока никто не нуждается в прямой защите от собственной вспыльчивости. Но Кира уже понимала: мужчина слышит каждую фразу. Даже если смотрит на приборы и делает вид, будто полностью занят техническими мелочами.

– Часы можно забрать? – спросила она.

Тимур поднял глаза.

– Да.

– Они работают?

– Должны. Механизм не поврежден.

– Вы уверены?

– Проверим у мастера позже.

– Не нужно.

– Кира.

– Я не хочу отдавать их еще одному человеку.

Тимур немного помолчал.

– Хорошо.

Он передал пакет.

Кира взяла часы и на секунду задержала пальцы на холодном корпусе через прозрачный пластик. Надеть обратно не решилась. Не потому, что боялась очередного спрятанного устройства. Тимур проверил внимательно. Просто вещь

изменилась. Еще утром часы были памятью об отце, привычной тяжестью на запястье, почти незаметной после многих месяцев ношения. Теперь внутри них обнаружилась чужая тайна. Даже если пластину вынули, даже если механизм остался прежним, Кира уже не могла смотреть на круглый циферблат без мысли о брате, который держал вещь в руках, вскрывал корпус, прятал металл и возвращал сестре так спокойно, будто ничего не произошло.

– Я пойду, – сказала она.

– Куда? – спросил Марк.

Кира подняла взгляд.

– В комнату.

– Через час нужно поговорить.

– Мы и так разговариваем с момента пробуждения.

– Не о том.

– А о чем?

Марк посмотрел на блокнот Киры, лежавший возле ноутбука. На страницах стояли короткие записи: коробка, сумка, машина, клуб, часы, лодочная станция, фотографии, старый альбом. За последние несколько часов список разросся, но ясности не прибавилось.

– О последних месяцах жизни Артёма, – сказал Северцев. – Подробно.

Кира почувствовала усталость раньше, чем разговор начался.

– Зачем?

– Потому что ключ может находиться не только среди старых вещей. Возможно, Артём оставил что-то недавно. Возможно, пытался намекнуть. Возможно, приходил к вам после того, как понял, что за ним следят.

– И вы хотите разобрать каждый разговор.

– Да.

– Каждую встречу.

– Если понадобится.

– Каждую просьбу.

– Да.

Она коротко рассмеялась без веселья.

– Вы представляете, сколько их было?

– Нет. Поэтому спрашиваю.

– В этом и проблема. У Артёма вся жизнь состоит из просьб. Забрать. Передать. Одолжить. Не выбрасывать. Подождать. Не задавать вопросы. Если я начну вспоминать каждую, мы закончим через месяц.

– Начнем с последнего месяца.

– Потом?

– Посмотрим.

Кира сжала пакет с часами.

– Не сегодня.

– Сегодня.

– Марк.

– Чем дольше ждем, тем больше времени у людей Ратникова. Они уже знают про вас, клуб, первый дом, часть се-

мейных деталей. Возможно, ищут следующий тайник параллельно с нами.

– Я понимаю.

– Тогда поговорим через час.

– Вы слышали, что сказала?

– Да.

– И?

– Считаете, что устали слишком сильно. Я считаю, что разговор нельзя откладывать.

– Удивительно. Ваше мнение снова важнее.

– Сейчас – да.

Тимур медленно закрыл контейнер с пластиной.

Кира посмотрела на Северцева.

– Мы договаривались.

– Именно. Вы участвуете в поиске.

– Участвую не значит позволяю допрашивать себя тогда, когда вы решили.

– Это не допрос.

– Вы уже говорили.

– И повторяю.

– От повторения ничего не меняется.

Марк выдержал взгляд.

– Через час, Кира.

Она хотела ответить резче. Возможно, именно этого ждала какая-то упрямая часть характера, привыкшая защищать пространство хотя бы спором, если физически выйти за за-

бор нельзя. Но злость оказалась слабее усталости. Кира сунула часы в карман толстовки, забрала блокнот и вышла из кабинета.

Тимур последовал за ней.

Она услышала шаги в коридоре, остановилась возле лестницы и медленно обернулась.

– До двери? – спросила Кира.

– Да.

– Даже сейчас?

– Объект не признан безопасным.

– Ларина увезли.

– Один разведчик не означает, что других нет.

– Вы собираетесь повторять это каждый раз, когда я захочу пройти по дому одна?

– Если понадобится.

Кира несколько секунд смотрела на мужчину.

– Вы можете хотя бы иногда сделать вид, что не следуете за мной?

– Могу идти дальше.

– Это будет еще хуже.

– Тогда останусь на расстоянии.

– Великолепный выбор.

Они поднялись на второй этаж. Тимур шел в нескольких шагах позади, не приближаясь без необходимости. В обычных обстоятельствах это раздражало бы сильнее. Теперь Кира ловила себя на странной двойственности: контроль по-

прежнему казался невыносимым, но мысль о пустом коридоре и закрытой двери уже не успокаивала так, как раньше. После фотографии из леса, после Ларина, после маячка в бите даже собственное желание остаться одной приходилось проверять на разумность.

Возле двери комнаты Тимур остановился.

– Через час Марк придет сам? – спросила Кира.

– Скорее всего.

– Пусть не приходит.

– Передать?

– Да.

– Вы все равно поговорите.

Она прищурилась.

– На чьей вы стороне?

Тимур немного подумал.

– Сейчас – на стороне разговора.

– Даже если не хочу?

– Даже если не хотите.

– Почему?

– Потому что ключ нужен раньше, чем люди Ратникова доберутся до следующей вещи.

– Вы звучите как Марк.

– Иногда он прав.

– Очень опасная мысль.

– Да.

Кира открыла дверь.

– Я не хочу разговаривать через час.

– Хорошо.

– Вы передадите?

– Да.

– И?

– Через час посмотрим.

Она почти улыбнулась против воли.

– Ненавижу, когда вы позволяете себе шутить.

– Редко.

– Именно поэтому хуже.

Тимур кивнул и отошел к стене.

Кира закрыла дверь.

Комната встретила тишиной. После постоянных разговоров, экранов, ноутбуков и чужих голосов она почти давила. Кира села на кровать, достала часы из пакета и положила рядом. Несколько минут смотрела на них, не прикасаясь. Потом все-таки взяла, провела пальцем по царапине на стекле и вспомнила отца.

Он никогда не считал время особенно важным. Мог задержаться на работе, забыть о встрече, уйти в гараж на пятнадцать минут и вернуться через три часа. Мать ругалась, Кира смеялась, Артём защищал отца с той легкой преданностью, которая в детстве казалась естественной. При этом часы носил всегда. Старые, механические, не особенно дорогие. Иногда снимал возле раковины, когда мыл руки. Иногда позволял Кире поднести к уху и услышать тихое тиканье.

Говорил, что хорошая вещь работает ровно, если не мешать ей быть собой.

После аварии часы долго лежали в коробке вместе с другими вещами. Кира не могла надеть. Потом однажды решилась. Отнесла мастеру, заменила ремешок, начала носить сначала редко, потом почти каждый день. Артём заметил не сразу. Или сделал вид, что не замечает. Несколько месяцев назад попросил дать на пару дней, потому что хотел сфотографировать модель и найти похожие.

Кира отдала.

Без вопросов.

Потому что это был Артём.

Потому что он всегда просил.

Потому что она устала спрашивать.

Именно последняя мысль задела сильнее остальных.

Кира положила часы обратно.

Не только брат привык, что сестра придет, поможет и не станет слишком долго разбираться. Она сама привыкла жить именно так. Быстрее решить проблему, чем выяснять причины. Проще одолжить деньги, чем слушать объяснения. Легче отдать ключи, позволить оставить коробку или закрыть глаза на очередную странность, чем снова тратить силы на разговор, который все равно закончится обещанием исправиться.

В какой-то момент забота превратилась в усталость.

А усталость – в невниманье.

Через час в дверь действительно постучали.

Не Марк.

Тимур.

Кира посмотрела на часы на тумбочке. Ровно шестьдесят минут. Ни больше ни меньше.

– Войдите.

Тимур открыл дверь и остался на пороге.

– Марк ждет в кабинете.

– Я передавала, что не приду.

– Передал.

– И?

– Он ждет.

– Вы всегда так точно исполняете неприятные поручения?

– Нет.

– Тогда зачем сейчас?

– Потому что разговор нужен.

Кира поднялась.

– Если бы я отказалась окончательно?

– Марк пришел бы сюда.

– Без разрешения?

– Постучал бы.

– Какая деликатность.

Тимур немного помолчал.

– Кира, можно отложить на час. Не на день.

Она посмотрела внимательнее.

– Это ваша идея?

– Да.

– Почему?

– Вы устали.

– Марк не считает достаточной причиной.

– Марк считает, что время ограничено.

– И вы тоже.

– Да.

– Тогда зачем предлагаете час?

– Потому что уставший человек вспоминает хуже.

Ответ был настолько простой и разумный, что Кира почувствовала раздражение почти автоматически.

– Вы умеете спорить лучше него.

– Не спорю.

– Именно поэтому.

Она взяла блокнот.

– Пойдемте.

В кабинете находились только Марк и Тимур. Данила участвовал через экран ноутбука, но камера была выключена. Возможно, Вера наконец заставила пациента лежать и не изображать полноценного участника операции. Голос иногда появлялся в динамиках, но звучал тише обычного. На столе стояли три кружки с кофе, лежали распечатки и чистый блокнот Марка.

Кира села напротив.

– Где Данила?

– Слушает, – сказал Марк. – Если понадобится.

– Вера запретила работать?

– Да.

Из динамика донеслось:

– Не запретила. Ограничила свободу интеллектуальной деятельности.

– Ты должен спать, – сказал Марк.

– Я сплю с открытыми ушами.

– И закрытым ртом.

– Не злоупотребляйте властью.

Кира почти улыбнулась.

– Он все-таки участвует.

– Номинально, – ответил Марк.

– Я слышу оскорбление, – произнес Данила.

– Отлично. Значит, слух в порядке.

Марк открыл блокнот.

– Начнем с последнего месяца.

Кира откинулась на спинку стула.

– Вы всегда так быстро переходите от человеческого разговора к протоколу?

– Это и есть человеческий разговор.

– Для вас, возможно.

– Кира.

– Хорошо. Спрашивайте.

Марк не сразу посмотрел в записи. Сначала задержал взгляд на ее лице, словно пытался определить, действительно ли она готова или только решила выдержать разговор из упрямства.

– Когда вы видели Артёма в последний раз до клуба?

– Неделю назад.

– Точнее.

– В прошлую среду. Вечером.

– Где?

– У меня в квартире.

– Почему пришел?

– Не сказал.

– Просто приехал?

– Он часто приезжал без предупреждения.

– В каком состоянии?

Кира задумалась.

– Уставший. Нервный. Но пытался выглядеть нормально.

– Что именно вы заметили?

– Ничего особенного.

– Вы сказали «нервный».

– Потому что сейчас понимаю. Тогда не обратила внимания.

– Что делал?

– Ходил по кухне. Дважды проверил телефон. Спросил, закрываю ли дверь на оба замка. Потом пошутил, что я становлюсь слишком осторожной.

– Он спрашивал о расписании дня?

– Нет.

– О клубе?

– Немного.

– Конкретнее.

Кира почувствовала раздражение.

– Спросил, когда заканчиваются вечерние тренировки.

Кто обычно закрывает. Есть ли уборщица после девяти.

Марк поднял глаза.

– И вы не сочли странным?

Вопрос прозвучал ровно, но Кира услышала в нем то, чего, возможно, не было: скрытое недоумение. Почти обвинение.

– Нет.

– Почему?

– Потому что он иногда оставался в клубе. Тренировался.

Встречался с кем-то. Брал ключи.

– Когда последний раз?

– Не помню.

– Примерно.

– За несколько дней до этого.

– Зачем?

– Сказал, хочет забрать вещи.

– Какие?

– Не уточнил.

– Вы не спросили.

– Нет.

Марк сделал запись.

Кира следила за движением ручки и постепенно ощущала, как разговор начинает раздражать не вопросами, а их точно-

стью. Северцев не говорил ничего обвиняющего напрямую. Просто заставлял шаг за шагом проговаривать то, что Кира уже сама поняла: признаки существовали. Не один. Не два. Много. Артём вел себя странно. Проверял двери. Задавал вопросы о клубе. Оставлял вещи. Брал часы. Использовал машину. Исчезал. Но сестра не хотела складывать детали в картину.

– Он оставался надолго? – спросил Марк.

– В квартире?

– Да.

– Около часа.

– Разговаривали?

– Немного.

– О чем?

– Ни о чем важном.

– Решать буду я.

Кира мгновенно напряглась.

– Нет.

Марк остановился.

– Что?

– Не вам решать, какой разговор с моим братом важный.

– Тогда расскажите весь.

– Мы говорили о клубе. О работе. О деньгах. Он снова просил одолжить.

– Сколько?

– Двести тысяч.

– Для чего?

– Не сказал.

– И вы дали?

– Нет.

– Почему?

– Потому что устала.

Марк сделал запись.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– Что?

– Ничего.

– Вы подумали.

– Конечно.

– Тогда говорите.

– Вы часто давали ему деньги раньше?

– Иногда.

– Насколько часто?

– Не знаю. Раз в несколько месяцев. Иногда чаще.

– Крупные суммы?

– Для меня – да.

– Возвращал?

– Иногда.

– А иногда нет.

– Да.

– Вы знали, на что тратит?

– Нет.

– Спрашивали?

– Раньше. Потом перестала.

– Почему?

Кира сжала пальцы на блокноте.

– Потому что ответы всегда были одинаковые. Временные проблемы. Неудачная сделка. Нужно закрыть долг. Кто-то подставил. Через неделю вернет. Через месяц все исправит. Можно было час разговаривать и получить десять объяснений, которые ничего не меняют.

– Поэтому перестали задавать вопросы.

– Да.

– И просто давали деньги.

– Иногда.

– Или отказывали.

– Иногда.

Марк снова записал.

Кира почувствовала, как злость поднимается выше.

– Вы хотите сказать, что я сама виновата?

Северцев поднял взгляд.

– Нет.

– Именно это звучит между строк.

– Я спрашиваю.

– Нет. Вы методично ведете к выводу. Я не задавала вопросов. Не замечала очевидного. Отдавала ключи. Позволяла оставлять вещи. Давала деньги. Значит, сама позволила превратить себя в сейф.

– Я этого не сказал.

– Но подумали.

– Не в таком виде.

– А в каком?

Марк немного помолчал.

– Что вы устали.

Ответ остановил злость всего на секунду.

Кира смотрела на него.

– Очень глубокое наблюдение.

– Вы привыкли разбирать последствия вместо причин.

Потому что причины каждый раз были одинаковыми. Артём приходил с проблемой, вы пытались решить. Если спрашивали слишком подробно, он уходил от ответа или обещал исправиться. Через некоторое время возникала следующая проблема. В какой-то момент человек действительно перестает выяснять детали. Не потому, что глупый. Потому что сил нет.

Кира не ожидала.

Она готовилась отбиваться от холодной логики, от очередного следовательского вопроса, от формулировки, превращающей последние годы жизни в список пропущенных сигналов. Но Марк говорил иначе. Все так же спокойно. Без мягкости, которую он, вероятно, считал опасной роскошью. Однако в голосе впервые не было дистанции человека, изучающего показания. Он не оценивал. Понимал.

От этого стало хуже.

– Не надо, – сказала Кира.

– Что?

– Объяснять меня мне самой.

Марк кивнул.

– Хорошо.

– Продолжайте вопросы.

Он посмотрел в блокнот.

– Когда вы отказали Артёму в деньгах, как отреагировал?

– Спокойно.

– Разозлился?

– Нет.

– Давил на жалость?

– Почти нет.

– Почти?

Кира вздохнула.

– Сказал, что понимает. Что я и так слишком часто помогала. Потом улыбнулся. Пошутил, что наконец научится самостоятельно решать проблемы, раз младшая сестра перестала быть банкоматом.

– Именно так?

– Почти.

– Что почувствовали?

Она резко посмотрела.

– Это имеет отношение к ключу?

– Может иметь отношение к тому, понял ли Артём: дальше не сможет использовать привычную схему.

– Вы говорите о нем как о мошеннике.

– Он мог манипулировать вами, даже если любил.

Кира замолчала.

Слова задели слишком точно.

Артём действительно любил. В этом она никогда не сомневалась. В детстве дрался с мальчишками во дворе, если кто-то обижал сестру. После смерти родителей звонил почти каждый вечер, пока Кира не перестала просыпаться от кошмаров. Помогал ремонтировать первую квартиру, хотя сломал половину инструментов и едва не затопил соседей. Приезжал, если Кира заболела. Привозил продукты. Смешил, когда смеяться не хотелось. Помнил мелочи, которые забывали другие.

И одновременно использовал.

Просил.

Лгал.

Прятал.

Оставлял часы с жетоном.

Обе правды существовали вместе.

Именно поэтому болело сильнее.

– Я почувствовала облегчение, – сказала Кира тихо.

Марк не записал сразу.

– Когда отказали?

– Да.

– Почему?

– Потому что впервые сказала нет и не передумала через пять минут.

– Обычно передумывали?

– Иногда.

– Он знал?

– Наверное.

– Поэтому не давил?

Кира посмотрела на него холодно.

– Не превращайте каждый его жест в расчет.

– Я пытаюсь понять поведение.

– Вы пытаетесь разобрать человека на мотивы, пока от него ничего не останется.

– Это моя работа.

– Именно.

Марк положил ручку.

– Пауза?

– Нет.

– Вы злитесь.

– Я злюсь с момента знакомства.

– Сейчас иначе.

Кира отвернулась.

Тимур стоял возле двери и молчал. Не вмешивался. Но взгляд оставался внимательным. Кира почти физически чувствовала его готовность остановить разговор, если он станет слишком тяжелым. Возможно, именно поэтому не хотела останавливаться. Если прервать сейчас, Марк все равно вернется к вопросам позже. А неприятная правда никуда не исчезнет.

– Продолжайте, – сказала она.

Марк немного помолчал.

– Что было после отказа?

– Он остался еще минут двадцать. Пил кофе. Говорил о чем-то обычном. Потом спросил, ношу ли часы каждый день.

В кабинете стало тише.

– Так и спросил? – уточнил Марк.

– Да.

– Почему вы не вспомнили раньше?

Кира почувствовала, как внутри снова поднимается вина.

– Потому что вопрос не показался странным. Он сам брал часы незадолго до этого. Сказал, что нашел похожую модель и хочет понять, удобно ли носить каждый день.

– Что ответили?

– Что почти не снимаю.

– Он уточнял, когда снимаете?

Кира закрыла глаза на секунду.

– Да.

– Что именно спросил?

– Сплю ли в них. Не мешает ли ремешок. Снимаю ли в душе.

– И вы ответили.

– Да.

Марк не записывал.

Кира посмотрела на него с раздражением.

– Записывайте.

– Помню.

– Конечно.

– Он проверял, останется ли жетон при вас.

– Уже поняла.

– Кира.

– Что?

– Это не ваша вина.

Она рассмеялась.

На этот раз резко, почти зло.

– Разумеется. Вы всегда говорите это после того, как десять минут доказываете обратное.

– Я не доказывал.

– Вы перечислили каждую деталь, которую я пропустила. Каждый вопрос. Каждую просьбу. Каждый момент, когда нормальный человек должен был заметить. Но я не заметила. Потому что устала. Потому что Артём всегда был Артёмом. Потому что проще было не спрашивать. И теперь вы говорите, что это не моя вина.

– Да.

– Удобно.

– Нет.

Марк встал из-за стола.

Движение оказалось неожиданным. Не резким, но достаточным, чтобы Кира напряглась. Северцев обошел стол и остановился не слишком близко. Не нависал. Не пытался со-

кратить дистанцию силой. Просто впервые отказался от позиции следователя напротив опрашиваемого.

– Вы действительно могли заметить раньше, – сказал он. Кира замерла.

– Что?

– Могли задавать больше вопросов. Могли не отдавать ча-сы. Могли не давать ключи. Могли проверить сумку. Могли отказать Артёму намного раньше.

Каждое слово ударило.

Но Марк продолжил:

– И это ничего не меняет. Потому что человек, которому вы доверяли, сознательно рассчитывал на вашу усталость. Использовал привычки. Использовал любовь. Использовал память о родителях. Ответственность за это лежит не на вас.

Кира смотрела молча.

– Вы не обязаны были относиться к брату как к подозреваемому, – сказал Марк. – Не обязаны проверять каждую вещь, разбирать каждую просьбу и искать тайники в подарках отца. Это ненормальный способ жить рядом с близким человеком.

В голосе все еще не было мягкости.

Но теперь не было и холодной дистанции.

Только усталое, жесткое понимание.

– Вы говорите как человек, который слишком часто видел подобное, – сказала Кира.

Марк немного помолчал.

– Видел.

– В работе?

– Не только.

Ответ прозвучал коротко. Дальше мужчина не объяснил, и Кира впервые не стала требовать. Не потому, что потеряла интерес. Просто почувствовала границу. Личную. Ту, которую Марк, в отличие от рабочих запретов, не собирался обозначать словами.

Она села обратно.

– Хорошо. Продолжаем.

Северцев вернулся на место, но не сразу взял ручку.

– Можно позже.

– Нет.

– Вы уверены?

– Если остановимся сейчас, буду думать до ночи. Лучше закончить хотя бы последний месяц.

Марк кивнул.

– После разговора у Артёма дома вы виделись еще раз?

– Нет.

– Созванивались?

– Дважды.

– Когда?

– Через два дня. Потом в воскресенье.

– Первый разговор?

– Короткий. Он спросил, все ли нормально в клубе.

– Еще что?

– Не приезжал ли кто-нибудь. Не спрашивал ли его. Не

было ли странных звонков.

– И вы не насторожились.

Кира почувствовала раздражение, но Марк добавил:

– Я спрашиваю не для обвинения.

– Знаю.

– Что подумали?

– Что у него проблемы с очередными людьми, которым должен деньги. Такое уже бывало.

– Он говорил про долги?

– Нет. Я сама решила.

– Почему?

– Потому что это было привычное объяснение.

– Удобное?

Она посмотрела резко.

Марк не отвел взгляд.

– Да, – сказала Кира после паузы. – Удобное. Проще считать, что Артём снова занял деньги, чем признать: происходит что-то хуже.

– Вы боялись узнать?

Вопрос прозвучал спокойно.

Кира ответила не сразу.

– Наверное.

– Чего именно?

– Что однажды его проблема окажется слишком большой.

– И вы не сможете решить.

– Да.

– Поэтому не спрашивали.

– Да.

Марк сделал запись.

На этот раз Киру не раздражало движение ручки. Потому что она уже сказала главное сама. Не под давлением. Не потому, что Северцев загнал вопросами в угол. Просто правда наконец получила форму.

Она действительно боялась.

Не Ратникова тогда. О нем Кира ничего не знала.

Боялась момента, когда Артём придет, улыбнется своей виноватой улыбкой и попросит о чем-то, что сестра не сможет исправить. Поэтому каждый раз предпочитала оставаться в пределах знакомого сценария. Долг. Работа. Машина. Документы. Небольшая ложь. Небольшая помощь. Еще один шанс.

Пока сценарий не закончился выстрелами в клубе.

– Второй звонок, – сказал Марк.

– В воскресенье. Артём спросил про сумку.

– Как именно?

– Лежит ли на месте.

– Вы проверили?

– Нет. Ответила, что никто не трогал.

– Откуда знали?

– Уборщица сообщила бы, если бы выбросила. Тренеры не пользуются старым шкафчиком.

– Он спросил только про сумку?

– Еще про фотографию.

Марк остановился.

– Какую?

Кира нахмурилась.

– Не знаю. Тогда не поняла. Он спросил: «У тебя осталась та старая фотография с воды?» Я ответила, что альбом где-то в кладовке. Он сказал: «Хорошо». Потом сменил тему.

– Не уточнил?

– Нет.

– Вы не спросили зачем?

– Нет.

– Почему?

Кира прикрыла глаза.

– Потому что устала.

Слова прозвучали почти беззвучно.

В кабинете стало тихо.

Тимур по-прежнему стоял у двери. Данила молчал в динамиках. Марк смотрел на Киру, но теперь не записывал.

– Я действительно устала, – сказала она. – Не в тот день. Раньше. Годы назад. Сначала каждый раз пыталась разговаривать. Злилась. Требовала объяснить. Убеждала найти нормальную работу. Предлагала помощь не деньгами, а делом. Юриста. Психолога. Финансового консультанта. Что угодно. Он соглашался. Потом исчезал. Возвращался с новой историей. В какой-то момент я поняла: если снова начну спрашивать, получу только очередную ложь. И перестала.

Никто не перебивал.

– Иногда мне было стыдно, – продолжила Кира. – Потому что он брат. Единственный близкий человек, который остался после родителей. Я должна была замечать. Должна была продолжать пытаться. Но когда он звонил, я сначала смотрела на экран и думала не о том, что случилось. Думала: пожа-луйста, только не новая проблема. Не сегодня. У меня нет сил сегодня.

Голос стал тише.

– А потом брала трубку.

Тимур чуть сдвинулся с места.

Не подошел.

Просто стал ближе настолько, чтобы Кира заметила присутствие.

Марк медленно положил ручку.

– Вы не обязаны были спасать его каждый раз, – сказал он.

Кира усмехнулась.

– Легко говорить.

– Нет.

– У вас нет такого брата.

– Нет.

– Тогда не знаете.

– Знаю другое.

Она подняла взгляд.

Марк смотрел прямо, без привычной защиты.

– Если человек годами использует вашу готовность прий-

ти, однажды помощь перестает быть помощью, — сказал он. — Она становится частью механизма, который позволяет ему не останавливаться.

Кира почувствовала боль.

Потому что понимала: Северцев прав.

Возможно, не полностью. Возможно, человеческие отношения нельзя свести к простой формуле. Артём не планировал каждую просьбу как манипуляцию. Иногда действительно нуждался. Иногда искренне собирался исправиться. Иногда любил сестру настолько, насколько вообще умел любить. Но существовала и другая сторона: пока Кира подхватывала, Артём мог продолжать падать. Пока закрывала долги, он мог снова рисковать. Пока переставала задавать вопросы из усталости, он получал пространство для новых секретов.

— Вы считаете, я должна была бросить, — сказала она.

— Нет.

— А что?

— Признать, что не можете отвечать за его решения.

— Сейчас он пропал.

— Да.

— Возможно, у людей Ратникова.

— Да.

— И я должна спокойно признать, что не отвечаю?

— Нет. Сейчас мы будем искать. Но искать — не значит оправдывать каждое действие и снова не замечать цену.

Кира смотрела на Марка долго.

Впервые мужчина говорил не как следователь.

Не как человек, который собирает данные, строит схему и выбирает минимально рискованный маршрут.

Как человек, который тоже однажды кого-то не смог спасти.

Она не знала кого.

Не спрашивала.

Но чувствовала слишком ясно.

– Что было во время второго звонка еще? – спросил Марк после паузы.

Кира выдохнула.

– Артём сказал, что скоро все закончится.

– Именно так?

– Да.

– Каким тоном?

– Слишком спокойно.

– Вы заметили?

– Заметила.

– Что ответили?

– Спросила, во что он опять влез.

– И?

– Он рассмеялся. Сказал: «Ни во что новое, мелкая. В том и проблема».

Марк записал фразу дословно.

– Еще?

– Спросил, помню ли я лодочную станцию.

– До поддельного сообщения?

– Да.

В кабинете снова стало тише.

– Как сформулировал?

– Сказал: «Помнишь, как отец учил тебя не бояться воды?» Я ответила, что помню. Он сказал: «Иногда полезно». Потом добавил, что перезвонит позже.

– Перезвонил?

– Нет.

– Вы звонили?

– Несколько раз. Не ответил.

– И не начали искать?

Вопрос прозвучал слишком резко.

Кира почувствовала удар.

– Нет.

Марк молчал.

– Скажите, – произнесла она. – Давайте. Вы хотите спросить, почему я не поехала к нему сразу. Почему не поняла. Почему не проверила. Почему ждала до сообщения про клуб.

– Я хочу понять.

– Нет. Вы хотите найти точку, где все можно было изменить.

– Иногда она есть.

– А иногда нет.

– Да.

– Тогда перестаньте искать во мне плохого свидетеля.

Марк нахмурился.

– Я не считаю вас свидетелем.

– Вы только этим и занимаетесь. Сидите напротив, задаёте вопросы, записываете, возвращаетесь к каждой детали. Почему не заметили? Почему не спросили? Почему не проверили? Почему не поехали? Потому что я не знала, Марк. Потому что Артём всю жизнь влипал в неприятности. Потому что каждый раз обещал разобраться. Потому что я устала бояться за него. Потому что однажды позволила себе жить так, будто он взрослый человек и отвечает за себя сам.

Слова вырывались быстрее, чем Кира успевала остановить.

– И знаете что? Возможно, это была ошибка. Возможно, если бы я приехала в воскресенье, все было бы иначе. Возможно, если бы позвонила еще двадцать раз, нашла сумку, проверила часы, просмотрела сообщения, задала правильный вопрос, Артём сейчас сидел бы здесь и снова объяснял, почему все под контролем. Но я не сделала. Потому что не могла больше жить только его катастрофами.

Марк не перебивал.

– И если хотите обвинить, обвиняйте прямо, – закончила Кира. – Не прячьтесь за точными вопросами.

Тишина стала почти физической.

Даже Данила не позволил себе шутку.

Марк медленно закрыл блокнот.

– Я не обвиняю вас.

– Тогда почему спрашиваете именно так?

– Потому что привык.

Ответ прозвучал неожиданно просто.

– К чему?

– Искать момент, когда цепочка могла пойти иначе.

– И находить виноватого.

– Иногда.

– Удобная профессия.

– Нет.

Северцев встал, прошел несколько шагов к окну и остановился возле закрытых штор. Спинай к Кире. Впервые за весь разговор мужчина выглядел не собранным, а уставшим. Не физически. Глубже. Словно привычка держать все под контролем на секунду дала трещину.

– Когда-то я тоже задавал недостаточно вопросов, – сказал Марк.

Кира замерла.

Он продолжил, не оборачиваясь:

– Потом долго задавал слишком много. Всем. Включая людей, которые уже ничего не могли изменить.

– Тот свидетель? – спросила она тихо.

Марк молчал несколько секунд.

– Не только.

Больше не объяснил.

Но этого хватило.

Кира вдруг увидела его иначе. Не мягче. Не лучше. Марк по-прежнему оставался человеком, способным запереть в доме ради безопасности, забрать телефон, скрыть часть правды и считать оговорку обязательной частью каждого согласия. Но за привычкой контролировать существовала не только профессиональная гордость. Страх. Старый, глубоко спрятанный, превратившийся в метод работы. Если найти каждую деталь, задать каждый вопрос, закрыть каждый выход, возможно, следующая катастрофа не повторится.

Не повторится человек, которого не удалось спасти.

– Марк, – сказала Кира.

Он повернулся.

– Что?

– Я не хочу, чтобы вы жалели.

– Не жалею.

– Хорошо.

– Но буду спрашивать иначе.

Она смотрела внимательно.

– Это обещание?

– Постараюсь.

– Очень расплывчато.

– Не привык обещать то, чего не уверен, что выполню.

Кира почти усмехнулась.

– Разумеется.

Марк вернулся к столу, но блокнот не открыл.

– На сегодня достаточно.

– Остались вопросы.

– Остались.

– И время ограничено.

– Да.

– Почему останавливаемся?

– Потому что дальше вы начнете отвечать не точнее, а
больнее.

Кира замолчала.

Это было новое.

Не решение за нее, замаскированное заботой.

Не приказ.

Признание границы.

– Хорошо, – сказала она.

Марк кивнул.

– Последнее. После второго звонка Артём писал?

– Одно сообщение.

– Какое?

Кира достала блокнот, нашла страницу, куда успела пере-
писать текст по памяти.

– «Не злись. Скоро объясню. Если попрошу приехать, сна-
чала подумай».

Марк замер.

– Сначала подумай?

– Да.

– Точно?

– Точно.

Тимур впервые за разговор вмешался:

– Поддельное сообщение требовало не тянуть.

Кира посмотрела на него.

– Да.

– Значит, Артём пытался предупредить заранее.

Марк быстро открыл блокнот.

– Когда пришло сообщение?

– В воскресенье вечером. После звонка.

– С какого номера?

– Его обычного.

– Телефон сейчас у кого-то другого.

– Возможно.

– Сохранилось?

– На моем телефоне.

– Проверим.

Кира почувствовала, как усталость на секунду отступает.

– Это важно.

– Да, – сказал Марк. – Очень.

– Почему раньше не вспомнила?

Вопрос прозвучал, но уже иначе. Без скрытого обвинения.

Почти осторожно.

Кира задумалась.

– Потому что Артём постоянно писал подобное. «Не злись». «Скоро объясню». «Потом расскажу». Я перестала воспринимать всерьез.

Марк кивнул.

– Понимаю.

Всего одно слово.

Без записанной оценки.

Без попытки разобрать реакцию.

Именно поэтому Кира поверила.

Из динамиков прозвучал голос Данилы:

– Если позволите техническому заключенному вставить слово, фраза действительно меняет картину.

– Говори, – сказал Марк.

– Поддельное сообщение построено так, чтобы Кира действовала сразу: не верить никому, уйти из дома, взять биту, приехать одна. Но настоящее сообщение Артёма, если оно настоящее, содержит противоположную установку: сначала подумать. Возможно, он понимал, что его телефон попадет в чужие руки. Или уже попал.

– Мог заранее оставить маркер, – сказал Тимур.

– Именно. Фразу, которую поддельватель не учел.

Кира почувствовала холод.

– Значит, сообщение с лодочной станцией точно не его.

– Вероятнее всего, – сказал Данила. – Полную уверенность дадут метаданные вашего телефона. Но логика уже сильная.

– А если они знали и про эту фразу?

– Тогда составили приманку плохо, – произнес Марк. – Сомневаюсь.

Кира закрыла глаза на секунду.

Впервые за несколько дней появилась не надежда даже. Нечто меньшее, осторожнее. Доказательство, что Артём не просто использовал сестру и исчез. Возможно, пытался защитить. Неудачно. Поздно. Своим обычным способом, снова оставляя загадки вместо честного разговора. Но все-таки пытался.

– Он знал, что телефон заберут, – сказала она.

– Возможно, – ответил Марк.

Кира посмотрела.

Северцев на секунду замер.

– Вероятно, – исправился он.

Она неожиданно улыбнулась.

– Учитесь.

– Медленно.

– Но прогресс есть.

Марк закрыл блокнот окончательно.

– Проверим сообщение. Потом вернемся к списку. Не сегодня.

– Хорошо.

Кира поднялась.

Тимур открыл дверь кабинета, но не вышел первым. Подождал рядом. Кира направилась в коридор и остановилась уже за порогом.

– Марк.

Северцев поднял взгляд.

– Что?

– Спасибо.

Слово прозвучало неловко.

Почти неправильно.

Не за вопросы. Не за выводы. Не за запреты. Даже не за решение остановиться вовремя.

За то, что в какой-то момент перестал смотреть на нее как на источник данных.

Марк понял.

– Не за что, – сказал он.

Кира вышла.

Тимур пошел рядом.

Они поднялись на второй этаж молча. Возле двери комнаты Кира остановилась, но не вошла сразу.

– Вы все слышали, – сказала она.

– Да.

– И ничего не сказали.

– Не нужно было.

– Обычно вы вмешиваетесь, когда считаете, что кто-то заходит слишком далеко.

– Марк остановился сам.

– Не сразу.

– Но остановился.

Кира посмотрела на Тимура.

– А если бы не остановился?

Он ответил спокойно:

– Остановил бы.

– Его?

– Разговор.

– Каким образом?

Тимур немного подумал.

– Придумал бы.

– Очень содержательно.

– Другого ответа нет.

Кира почти улыбнулась.

– Вы верите, что настоящее сообщение Артёма сохранилось?

– Да.

– И что он специально написал «сначала подумай»?

– Похоже.

– Значит, жив?

На этот раз Тимур не торопился.

– Не знаю.

Она выдохнула.

– Честно.

– Да.

– Ненавижу честность, когда она не помогает.

– Но лучше лжи.

– Не всегда.

– Почти всегда.

Кира открыла дверь.

– Вы останетесь снаружи?

– Да.

– До вечера?

– Возможно.

Она бросила на него взгляд.

– Вы специально.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Немного.

Кира вошла в комнату и закрыла дверь.

На кровати лежали часы отца. Она села рядом, вынула их из пакета и осторожно надела на запястье. Ремешок лег привычно. Корпус стал немного легче без пластины, но разницу почти невозможно было заметить. Стрелки двигались ровно. Тиканье оставалось тихим, знакомым.

Несколько минут Кира смотрела на циферблат.

Потом открыла блокнот и добавила новую строку:

«Сообщение: если попрошу приехать, сначала подумай».

Ниже написала:

«Артём понимал, что его голосом могут воспользоваться».

Ручка замерла.

Еще ниже Кира вывела:

«Я видела признаки. Но это не значит, что обязана была жить как следователь».

Слова дались трудно.

Именно поэтому она не зачеркнула.

За дверью оставался Тимур. Внизу Марк проверял старые сообщения. Где-то в комнате лежал раненый Данила и,

вероятно, снова пытался работать вопреки запретам Веры. За забором находился лес, в котором совсем недавно лежал человек с камерой. В городе существовали чужие машины, закрытые серверы, квартиры, клубы и тайники. Артём по-прежнему оставался неизвестно где.

Но после разговора Кира впервые почувствовала не только ярость.

Еще и границу.

Между тем, за что отвечал брат.

И тем, за что отвечала она сама.

Марк Северцев привык искать момент, когда все можно было изменить. Возможно, потому что однажды опоздал. Возможно, потому что до сих пор пытался переписать собственное прошлое каждым новым расследованием.

Кира тоже долго искала такой момент.

Первый долг.

Первую ложь.

Первую просьбу не задавать вопросы.

Первый раз, когда отдала ключи.

Первый раз, когда решила не перезванивать.

Но теперь поняла: прошлое невозможно исправить бесконечным допросом самой себя.

Можно только увидеть.

Признать.

И дальше действовать иначе.

Часы на запястье продолжали идти.

Ровно.

Тихо.

Словно ничего не произошло.

Но Кира уже знала: самые опасные тайники скрываются не внутри вещей.

Иногда они годами существуют внутри привычек.

Внутри любви.

Внутри усталости человека, который слишком долго пытался спасти другого и однажды перестал замечать, насколько близко подобралась настоящая беда.

Глава 13. Урок правильного падения

Часы отца продолжали идти.

Кира заметила это раньше, чем окончательно проснулась. Лежала с закрытыми глазами, слушала тихое равномерное тиканье и несколько секунд пыталась убедить себя, что находится дома. В собственной квартире. В спальне, где за стеной шумит старый холодильник, а из окна доносится гул утренних машин. Что последние дни были слишком длинным, слишком подробным кошмаром, рожденным усталостью и бесконечными проблемами Артёма. Сейчас достаточно открыть глаза, встать, поставить чайник, проверить сообщения и решить, как провести обычный рабочий день.

Потом память вернулась сразу.

Стрельба в клубе.

Данила с простреленным боком.

Тимур у служебного выхода.

Марк с его правилами.

Маячок внутри биты.

Металлическая пластина в часах отца.

Ларин в подсобном помещении.

Фотография, сделанная из леса.

Кира открыла глаза.

Комната оставалась чужой. Безликие стены, плотные шторы, темное кресло возле окна, небольшая тумбочка и дверь, за которой, вероятно, снова находился Тимур или кто-нибудь из охраны. Ночью она несколько раз просыпалась от ощущения чужого присутствия, но не выходила проверить. Не потому, что смирилась с надзором. Просто после разговора с Марком усталость стала почти физической тяжестью, прижимавшей к кровати сильнее любого запрета.

Часы лежали на запястье.

Кира подняла руку и посмотрела на циферблат. Стрелки показывали восемь сорок две. Корпус казался прежним. Потертая сталь, царапина возле края стекла, старый кожаный ремешок, который давно следовало заменить. Если не знать о металлической пластине, несколько месяцев скрывавшейся внутри, невозможно заметить никакой разницы.

Обычная вещь.

Именно обычные вещи теперь пугали сильнее оружия.

Оружие хотя бы не притворялось чем-то другим.

Кира села на кровати и несколько минут смотрела на закрытые шторы. Вчера она сама задернула их полностью. Не по приказу Марка. Не потому, что Тимур стоял рядом и терпеливо ждал выполнения очередного правила. Просто поняла: за лесом действительно может находиться человек с камерой. Реальный мужчина, у которого мерзнут руки, промокают ботинки и снег падает на плечи. Человек, приехавший ночью не ради абстрактной игры, а ради одного снимка окна.

Иногда признание опасности не означало капитуляцию.

Иногда было только здравым смыслом.

Эта мысль не нравилась Кире именно потому, что слишком часто совпадала с тем, что говорил Марк Северцев.

Она умылась, оделась и вышла в коридор.

Тимура возле двери не было.

Кира остановилась.

Потом посмотрела направо, налево, прислушалась. Коридор оставался пустым. Внизу слышались голоса, шум воды и короткий металлический звон посуды. Никакой молчаливой фигуры у стены. Никакого спокойного взгляда, заранее оценивающего, собирается ли она спускаться на завтрак или искать новое окно.

Свобода неожиданно ощущалась подозрительно.

Кира сделала несколько шагов к лестнице и обнаружила Тимура внизу, возле входной двери. Он разговаривал с одним из людей охраны, показывая что-то на телефоне. На нем была темная футболка и спортивные брюки, волосы еще оставались влажными после душа. Куртка висела на спинке стула рядом. Мужчина выглядел менее официально, чем обычно, но это ничего не меняло. Даже без оружия напоказ и тяжелой верхней одежды Тимур занимал пространство так, словно любое помещение автоматически становилось безопаснее только потому, что он вошел.

Кира спустилась.

Тимур поднял взгляд.

- Доброе утро.
- Вы сегодня не караулите дверь.
- Нет.
- Почему?
- Периметр проверили.
- И признали безопасным?
- Относительно.
- Очень обнадеживает.

Человек охраны коротко кивнул и вышел. Тимур убрал телефон.

- Вы спали?
 - Иногда.
 - Голова не болит?
- Кира посмотрела настороженно.
- Это медицинский опрос?
 - Нет.
 - Тогда зачем спрашиваете?
 - Вы выглядите уставшей.
 - Вы тоже.
 - Я привык.
 - А я, видимо, должна привыкнуть позже?
 - Не должны.

Ответ прозвучал просто.

Кира почувствовала, что готовая колкость теряет смысл. Последние дни разговоры с Тимуром постоянно развивались именно так. Мужчина не спорил ради спора, не защищал

каждое решение и не пытался воспользоваться любым случаем, чтобы напомнить о собственной правоте. Просто говорил то, что считал точным. Иногда это раздражало сильнее марковских объяснений. Иногда неожиданно обезоруживало.

– Где остальные? – спросила она.

– Марк в кабинете. Данила наверху. Вера запретила спускаться до обеда.

– И он послушался?

– Пока.

– Значит, обезболивающее действительно работает.

– Или ноутбук у него в комнате.

– Скорее второе.

Тимур почти незаметно кивнул в сторону кухни.

– Поешьте.

– Не командуйте.

– Советую.

– Удивительно, что вы не меняете формулировку.

– Работает.

Кира вошла на кухню.

Завтрак стоял на столе. Яичница, хлеб, сыр, кофе, фрукты. Нож лежал на прежнем месте, на отдельной салфетке возле ее чашки. Кира заметила и невольно улыбнулась. Маленькая бессмысленная проверка превратилась почти в ритуал. Никто не убрал прибор. Никто не решил, что после вчерашнего утра можно вернуть стол к обычному порядку.

Она села и налила кофе.

Тимур остался у стойки.

– Вы будете стоять и смотреть, как я ем?

– Нет.

– А что будете делать?

– Ждать Марка.

– В кухне?

– Да.

Кира взяла нож и отрезала кусок хлеба.

– Не отберете?

– Пока вы смотрите на хлеб, нет.

– Значит, прогресс.

– Возможно.

Она выразительно подняла глаза.

– Вы специально.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Иногда.

Кира вздохнула и занялась завтраком.

После вчерашнего разговора с Марком аппетит почти исчез, но организм не интересовался эмоциональными обстоятельствами. Несколько дней на кофе, хлебе и постоянном напряжении начали сказываться. Руки иногда дрожали. Голова становилась тяжелой ближе к вечеру. Даже простые вещи требовали больше усилий. Кира ела медленно, стараясь не думать о металлической пластине, лежавшей теперь в защищенном контейнере, о зашифрованном архиве и о том,

что поездка в квартиру по-прежнему оставалась под вопросом.

Марк появился через несколько минут.

В руках планшет. Темная рубашка. Собранное выражение лица. Никаких признаков того, что вчерашний разговор хотя бы немного изменил привычный порядок мира. Северцев вошел на кухню, посмотрел сначала на Киру, затем на Тимура и положил планшет на стол.

– Доброе утро.

– Уже второе пожелание за десять минут, – сказала Кира. – Начинаю подозревать заговор.

Марк сел напротив.

– Есть новости.

Она сразу отложила вилку.

– Об Артёме?

– Нет.

Кира почувствовала, как короткая надежда исчезает быстрее, чем успела сформироваться.

– Тогда о чем?

– Пластину из часов проверили. Гравировка содержит последовательность, которая подходит как идентификатор для второго слоя шифрования. Но сама по себе архив не открывает.

– Данила говорил.

– Теперь подтверждено.

– И что дальше?

– Пробуем сочетать с данными из карты памяти. Пока без результата.

– Значит, нужен еще пароль.

– Вероятно.

– Или очередная вещь, которую Артём засунул в семейную реликвию.

Марк посмотрел внимательно.

– Возможно.

Кира сжала губы, но спорить не стала.

– Квартира?

– Наблюдение не зафиксировало попыток проникновения.

– Поэтому едем сегодня?

– Если внешний контур останется спокойным – после обеда.

– Я еду.

– Да.

Ответ прозвучал без спора.

Кира даже не сразу поверила.

– И захожу после Тимура.

– Да.

– Участвую в поиске.

– Да.

– Ничего не забираете без объяснения.

– Если безопасно.

– Разумеется.

– Еще условия?

Она задумалась.

– Я хочу сначала проверить кладовку. Потом альбом. Потом коробку с вещами родителей.

– Хорошо.

– Не будете одновременно переворачивать остальные комнаты силами охраны.

– Первичный осмотр сделаем до вашего входа.

– На людей и угрозы. Не на вещи.

– Да.

– Это подозрительно легко.

Марк поднял бровь.

– Мы договорились.

– Вы умеете соблюдать договоренности?

– Иногда.

– Свидетели есть?

Тимур ответил:

– Есть.

Кира посмотрела на него.

– Вы теперь официальный гарант порядочности Марка Северцева?

– Нет.

– Жаль. Должность перспективная.

– Не соглашусь.

Марк открыл планшет.

– Есть еще один вопрос.

– Какой?

– После вчерашнего разговора мы проверили сообщение Артёма на вашем телефоне. Метаданные соответствуют обычной отправке с его номера. В тот момент аппарат находился в районе центра города.

– Значит, писал он.

– Скорее всего.

– «Если попрошу приехать, сначала подумай».

– Да.

– Он знал, что кто-то может воспользоваться телефоном.

– Или предполагал.

Кира почувствовала, как пальцы сильнее сжимают чашку.

– Где именно находился телефон?

Марк показал карту.

На экране выделялся небольшой участок в центре города. Несколько кварталов, офисные здания, парковки, торговый центр, старые жилые дома.

– Точнее определить нельзя, – сказал Северцев. – Слишком широкая зона покрытия.

– Камеры?

– Проверяем.

– Когда будет результат?

– Не знаю.

– Хорошо.

Марк посмотрел внимательнее.

– Вы не злитесь на ответ?

– Злюсь. Просто экономлю силы.

– Разумно.

– Не привыкайте.

Она допила кофе и поднялась.

– До выезда несколько часов. Что мне делать?

Марк ответил:

– Продолжить список воспоминаний.

– Нет.

– Почему?

– Потому что вчера уже провела половину дня, разбирая собственную жизнь как место преступления. Сегодня до поездки хочу сделать что-нибудь другое.

– Например?

Кира посмотрела на Тимура.

– Например, получить обратно биту.

Он ответил сразу:

– Нет.

– Почему?

– Ее еще проверяют.

– На что? Маячок достали. Карту тоже.

– Полость нужно закрыть. Дерево осмотреть полностью.

– Сколько времени занимает посмотреть на деревянную палку?

– Зависит от палки.

– Удивительно содержательно.

Марк вмешался:

- Биту вернут после проверки.
- Хорошо. Тогда дайте что-нибудь другое.
- Что именно? – спросил Тимур.
- Оружие.

На кухне стало тихо.

Кира ожидала немедленного отказа. Возможно, даже очередной лекции. Но Тимур только посмотрел внимательнее.

– Какое?

Вопрос удивил.

- Любое, которым я смогу защититься.
- Пистолет – нет.
- Я не просила пистолет.
- Нож?

Кира посмотрела на прибор в руке.

- Вряд ли кухонный.
- Нож требует подготовки.
- Тогда что?

Тимур немного подумал.

– Газовый баллончик. Фонарь. Возможно, складная дубинка после тренировки.

- После какой тренировки?
- После нормальной.

Кира скрестила руки на груди.

- Я несколько лет занималась в клубе.
- Чем?
- Софтболом раньше. Потом общей физической подго-

товкой. Иногда спаррингами.

– Иногда?

– Когда тренеры позволяли.

– С кем?

– С девушками. Иногда с мужчинами моего веса.

– В перчатках.

– Разумеется.

Тимур кивнул.

– Это полезно.

– Какая щедрость.

– Но недостаточно.

Кира почувствовала раздражение.

– Чтобы что?

– Чтобы уверенно пользоваться дубинкой в тесном помещении. Чтобы освободиться от захвата. Чтобы правильно падать. Чтобы не потерять равновесие, если вас толкнут. Чтобы не сломать себе запястье, пытаясь остановить падение рукой.

– Я умею падать.

– Нет.

Ответ прозвучал спокойно.

Именно поэтому задел сильнее.

– Вы не видели.

– Видел.

– Когда?

– На заборе.

– Я не падала. Вы поймали раньше.

– Именно.

Кира поставила чашку на стол.

– Хотите сказать, что без вас я бы разбилась о сугроб?

– Нет. Скорее ушибли бы плечо или подвернули ногу.

– Очень серьезная катастрофа.

– Если за вами идут вооруженные люди – да.

Марк посмотрел на Тимура.

– У нас есть время?

– До выезда – есть.

– Тогда проведи тренировку.

Кира перевела взгляд с одного мужчины на другого.

– Вы сейчас решили организовать урок самообороны без моего участия в обсуждении?

– Вы сами попросили оружие, – сказал Марк.

– Попросила оружие. Не унижительную демонстрацию того, насколько плохо подготовлена.

– Демонстрация не обязательна, – ответил Тимур. – Можно просто не брать дубинку.

Кира прищурилась.

– Вы специально провоцируете?

– Нет.

– Очень похоже.

– Хотите получить оружие – нужно понимать, как будете действовать.

– Хорошо.

Ответ прозвучал быстрее, чем она успела подумать.

Тимур посмотрел спокойно.

– Хорошо?

– Да. Проверим.

– Проверим что?

– Насколько я действительно беспомощна.

В лице мужчины ничего не изменилось.

– Я не говорил, что беспомощны.

– Говорили другими словами.

– Нет.

– Тогда что сказали?

– Что у ваших возможностей есть границы.

– У всех есть.

– Да.

– У вас тоже.

– Да.

– Значит, проверим и ваши.

Марк тихо выдохнул.

– Не превращайте тренировку в соревнование.

Кира посмотрела на него.

– Вы боитесь за Тимура?

– За вас.

– Очень трогательно.

– Практично, – сказал Тимур.

Она перевела взгляд.

– Через десять минут, – произнес он. – Внизу есть зал.

– У вас в каждом безопасном доме тренажерный зал?

– Не в каждом.

– И лестницы?

– Иногда.

– Прекрасно.

Тимур взял чашку и вышел.

Кира проводила его взглядом.

Марк остался за столом.

– Не пытайтесь доказать что-либо ценой травмы, – сказал он.

– Не командуйте.

– Советую.

– Вы тоже заразились.

– Чем?

– Его словом.

Северцев едва заметно усмехнулся.

– Идите переодеваться.

– Вот теперь точно командуете.

– Да.

Кира поднялась наверх.

Спортивные брюки и футболка нашлись среди вещей, оставленных в шкафу. Она переоделась быстро, собрала волосы и несколько секунд смотрела на себя в зеркало. Лицо выглядело усталым. Под глазами появились тени. На щеке еще оставалась тонкая царапина после клуба. Часы отца она сняла и положила на тумбочку. Не хотелось снова рисковать вещью во время тренировки.

Тело ощущалось иначе, чем несколько дней назад.

Напряжение накопилось. Плечи болели. Спина отзывалась неприятной тяжестью после сна в чужих кроватях и поездок в машине. На ладони оставалась маленькая ссадина, почти зажившая. Но вместе с усталостью существовало желание двигаться. Не сидеть. Не вспоминать. Не читать таблицы. Не ждать очередного сообщения.

Проверить.

Убедиться.

Хотя бы несколько минут иметь дело с чем-то понятным.

Сила.

Равновесие.

Боль.

Ошибки.

В отличие от Артёма, шифров и чужих тайников, тело не умело лгать.

Внизу Тимур ждал у двери небольшого зала.

Помещение находилось рядом с гаражом. Светлые стены, маты на полу, несколько мешков, стойка с перчатками, скамья, гантели, турник. Ничего лишнего. Не полноценный спортивный клуб, но достаточно для регулярных тренировок. Кира сразу отметила: оборудование использовали часто. На матах виднелись следы, груши потемнели от ударов, возле стены лежали свернутые бинты.

Тимур уже переоделся в спортивную футболку. Без куртки и толстовки он выглядел еще массивнее, но не тяжело-

весно. Движения оставались легкими, собранными. Никакой демонстративной разминки. Никакого желания произвести впечатление. Просто человек, который знает собственное тело слишком хорошо, чтобы тратить время на показуху.

Кира вошла.

– Где зрители?

– Не будет.

– Марк не хочет увидеть мое унижение?

– У него работа.

– Данила?

– Вера запретила спускаться.

– И это его остановит?

– Дверь комнаты закрыта.

– На замок?

– Нет.

– Тогда ненадолго.

Тимур указал на маты.

– Обувь снимите.

Кира сняла.

– С чего начнем?

– С простого.

– Вы всегда так говорите перед чем-то неприятным?

– Нет.

Он подошел ближе.

– Представьте, что вас хватают за запястье.

– Хорошо.

Тимур взял ее правую руку.

Не сильно. Пальцы сомкнулись спокойно, без давления. Кира ощущала тепло ладони и сразу почувствовала раздражение от собственной реакции. Слишком близко. Слишком ясно. Вчера мужчина стоял рядом в коридоре, сегодня помогал надевать бронежилет, несколько дней назад ловил под забором. Но в тренировочном зале прикосновение воспринималось иначе. Не случайность, не необходимость эвакуации, не попытка остановить.

Осознанный контакт.

Кира выдернула руку резким движением назад.

Не получилось.

Тимур даже не изменил положение.

– Не тяните против силы, – сказал он.

– Вы специально держите крепче.

– Нет.

Она попробовала снова. Повернула кисть, шагнула назад, рванула.

Ладонь осталась в захвате.

– Отпустите.

Тимур разжал пальцы.

Кира потерла запястье.

– Вы значительно тяжелее.

– Да.

– Сильнее.

– Да.

– Очень полезное открытие.

– Именно поэтому не нужно соревноваться в силе.

Он снова протянул руку.

– Еще раз.

– И что делать?

– Ищите слабое место захвата. Не пытайтесь вырваться туда, где пальцы сомкнуты плотнее всего. Поворачивайте кисть к большому пальцу.

Тимур взял ее руку.

– Локоть ближе к телу. Не отводите. Шаг вперед, не назад. Повернули кисть. Теперь резко вниз и к себе.

Кира выполнила.

На этот раз рука выскользнула почти легко.

Она посмотрела с удивлением.

– Вы отпустили.

– Нет.

– Тогда почему?

– Потому что сделали правильно.

– Еще раз.

Тимур повторил захват.

Кира попробовала быстрее. Повернула кисть, дернула вниз. Освободилась, но неловко отступила и едва не потеряла равновесие.

– Не спешите отходить, – сказал он. – Освободиться мало. Нужно сразу создать расстояние или ударить.

– Куда?

– Зависит от ситуации.

– Удобный ответ.

– Если человек один и не вооружен – в колено, голень, пах, нос. Если вооружен – задача не победить. Уйти с линии атаки и бежать.

– Бежать.

– Да.

– Не драться.

– Нет.

Кира скрестила руки.

– А если уйти нельзя?

– Тогда делаете столько, сколько нужно, чтобы появилась возможность уйти.

– Очень вдохновляюще.

– Я не пытаюсь вдохновить.

– Уже заметила.

Он посмотрел спокойно.

– Еще раз.

Они повторили движение несколько раз. Потом Тимур изменил захват: взял обеими руками, потянул ближе. Кира попыталась использовать прежний прием и сразу поняла, что он не работает. Слишком много силы. Слишком мало пространства.

– Теперь что?

– Не дергайтесь.

– Очень полезно.

– Чем сильнее тянете назад, тем устойчивее он стоит.

– Значит, вперед?

– Да. Шаг ближе. Локоть вверх. Резко повернуться всем корпусом.

Кира попробовала.

Ничего.

Тимур не сдвинулся.

– Еще раз, – сказал он.

Она повторила. На этот раз чуть быстрее, с поворотом бедер. Руки освободились, но Кира оказалась слишком близко, почти врезалась плечом в грудь мужчины. Отступила сразу.

Тимур ничего не сказал.

Но несколько секунд между ними существовало неприятно ясное ощущение расстояния, которое исчезло и снова появилось слишком быстро.

– Что потом? – спросила Кира.

– Удар локтем.

– В вас?

– В условного противника.

– Вы будете условным?

– Да.

– И позвольте ударить?

– Не в полную силу.

– Бойтесь?

– За ваш локоть.

Она почувствовала раздражение.

– У вас невероятный талант говорить вещи, которые звучат снисходительно.

– Это не снисходительность.

– А что?

– Ваш локоть действительно пострадает больше.

Кира посмотрела на его грудь.

– Убедительно.

– Бить нужно не сюда. Повернитесь.

Тимур встал позади.

Кира сразу напряглась.

Руки мужчины легли на предплечья, удерживая достаточно мягко, чтобы не причинять боли, но достаточно уверенно, чтобы тело мгновенно вспомнило клуб, забор и все моменты, когда чужая сила решала за нее, куда двигаться. В груди поднялась злость. Не на Тимура даже. На само ощущение невозможности освободиться немедленно.

Она рванулась вперед.

Захват стал плотнее.

– Стойте, – сказал он.

– Отпустите.

– Кира.

– Я сказала отпустите.

Руки исчезли сразу.

Тимур отступил.

Несколько секунд она стояла спиной, стараясь восстановить дыхание. Никакой боли. Никакой реальной угрозы.

Только память тела, слишком быстро превратившая учебный прием в опасность.

– Все нормально? – спросил Тимур.

Кира повернулась.

– Да.

Он не выглядел убежденным.

– Сделаем паузу.

– Нет.

– Кира.

– Я сказала нормально.

– Вы напряглись раньше приема.

– Потому что вы стояли сзади.

– Именно.

– И что?

– Если хотите тренироваться, нужно различать страх и действие.

– Не объясняйте мне мои чувства.

– Не объясняю. Спрашиваю, продолжать ли.

Она сжала пальцы.

Тимур ждал спокойно.

Никакого давления. Никакой жалости. Не подходил ближе. Не пытался сказать, что реакция естественна и не нужно стыдиться. Просто оставлял решение ей.

Кира выдохнула.

– Продолжать.

– Хорошо.

– Только предупредите сначала.

– Хорошо.

Он подошел медленнее.

– Захват сзади за руки. Не сильный. Готовы?

– Да.

Тимур встал позади и снова удержал предплечья.

На этот раз Кира заставила себя не дергаться сразу.

– Первое, – сказал он. – Не пытайтесь вырвать обе руки назад. Не получится. Второе – опустите центр тяжести. Согните колени. Чуть вперед. Теперь шаг в сторону. Не назад. Сторону выбираете по тому, где слабее захват. Потом удар пяткой по стопе, голенью или коленом. Локтем назад – в корпус или лицо, если достаете.

– А если он выше?

– Бейте ниже.

– Очень поэтично.

– Работает.

Кира согнула колени, сместилась в сторону, резко наступила Тимуру на ногу. Не в полную силу. Он даже не поморщился.

– Сильнее, – сказал мужчина.

– Вы уверены?

– Да.

Она повторила.

На этот раз ударила жестче.

Тимур немного изменил положение.

– Хорошо. Теперь локоть назад.

Кира развернулась и ударила.

Он перехватил локоть ладонью раньше, чем движение дошло до цели.

– Не телеграфируйте.

– Что?

– Вы заранее отвели плечо. Противник увидит. Движение короче.

– Вы легко говорите.

– Поэтому тренируем.

Еще раз.

Потом снова.

Кира постепенно начала понимать механику. Не магический прием, позволяющий маленькой женщине одним красивым движением победить мужчину вдвое сильнее. Просто способ использовать секунду. Ошибку. Неудобное положение. Боль. Короткий момент, когда захват ослабевает.

Тимур не обещал большего.

И именно поэтому урок становился ценнее.

– Теперь падение, – сказал он.

Кира посмотрела подозрительно.

– Вы собираетесь сбить меня с ног?

– Постепенно.

– Успокаивает.

– Большинство людей при падении выставляют руку.

– Естественно.

– И ломают запястье.

– Значит, что делать?

– Группироваться. Подбородок к груди. Не падать на локоть. Не пытаться остановить пол всем весом через одну ладонь. Распределять удар. Сначала покажу.

Тимур встал на мат, присел и легко перекатился назад, почти бесшумно. Движение выглядело настолько простым, что Кира сразу почувствовала подозрение.

– И все?

– Попробуйте.

Она попробовала.

Через секунду затылок едва не встретился с матом, спина неприятно ударилась, а рука все-таки инстинктивно ушла назад.

Тимур поймал запястье раньше, чем Кира перенесла вес.

– Вот.

– Я поняла.

– Еще раз.

– Не нужно держать меня как ребенка.

– Тогда не ставьте руку.

Кира посмотрела зло.

– Вы раздражаете.

– Помогает запомнить.

Она повторила.

На этот раз подбородок прижала к груди, спину округлила, но движение все равно получилось тяжелым. Мат встре-

тил неприятно. Не больно, но совсем не так легко, как у Тимура.

– Лучше, – сказал он.

– Вы издеваетесь.

– Нет.

– Это было ужасно.

– Но руку не сломали.

– Большое достижение.

– Для первого раза – да.

Кира поднялась.

– Еще.

Он показал падение в сторону. Потом вперед с уходом на предплечья. Потом назад после толчка. Сначала осторожно, почти медленно. Потом быстрее.

Через несколько повторений тело начало уставать. Футболка прилипла к спине. Дыхание стало тяжелее. На коленях появилось неприятное жжение от матов. Тимур по-прежнему двигался спокойно, словно только начинал разминку.

Кира злилась.

Не потому, что не получалось совсем.

Наоборот. Получалось достаточно, чтобы увидеть огромную разницу между тренировочным ощущением собственной подготовленности и реальной способностью действовать под давлением. В клубе она привыкла считать себя человеком, который умеет постоять за себя. Не профессионалом. Не бойцом. Но достаточно сильной, быстрой и упрямой, что-

бы не позволить случайному мужчине решить исход драки одним захватом.

Теперь Тимур показывал: многое зависит не от смелости.

От привычки.

От повторения.

От спокойствия в ту секунду, когда тело хочет рвануться не туда.

– Толкну сильнее, – предупредил он.

– Хорошо.

– Не сопротивляйтесь до последнего. Если теряете равновесие – падайте правильно.

– Я не собираюсь падать.

– Именно это и проблема.

Тимур положил ладонь на ее плечо и толкнул.

Не резко.

Но достаточно.

Кира сделала шаг назад, второй, попыталась удержаться, почувствовала, что мат уходит из-под ног, и все-таки выставила руку.

Тимур оказался рядом раньше.

Перехватил за талию и не дал упасть.

Кира замерла.

Слишком близко.

Снова.

Его рука лежала на боку, удерживая легко и надежно. Лицо оказалось на расстоянии, которое невозможно игнориро-

вать. Дыхание мужчины оставалось ровным. Взгляд – внимательным, спокойным, без малейшего намека на насмешку.

У Киры сердце ударило быстрее.

От падения.

Только от падения.

– Я бы удержалась, – сказала она.

– Нет.

– Вы не дали проверить.

– Проверил.

– Самоуверенно.

– Вы уже переносили вес на руку.

Кира выпрямилась.

Тимур сразу отпустил.

– Еще раз, – сказал он.

Она смотрела несколько секунд.

– Вам нравится ловить меня?

Вопрос прозвучал раньше, чем Кира решила, стоит ли произносить.

Тимур замер.

Совсем немного.

Но заметно.

– Предпочитаю, чтобы вы не падали неправильно, – сказал он.

– Очень дипломатично.

– Это правда.

– Не вся.

Он посмотрел прямо.

– Сейчас достаточно.

Кира почувствовала, как внутри возникает странное напряжение, совсем не связанное с тренировкой. Что-то опасное. Неуместное. Особенно потому, что мужчина не пытался приблизиться и не позволял себе ни одного лишнего жеста.

Она отступила на шаг.

– Еще раз.

– Хорошо.

На этот раз Тимур толкнул жестче.

Кира потеряла равновесие, но заставила себя не вытягивать руку. Подбородок к груди. Спина округляется. Удар распределяется по мату. Неприятно, но терпимо.

Она осталась лежать несколько секунд.

Потом подняла голову.

Тимур стоял рядом.

– Лучше, – сказал он.

– Только лучше?

– Хорошо.

– Уже ближе.

Он протянул руку.

Кира посмотрела, затем взялась и поднялась.

– Теперь попробуем освобождение от захвата за корпус, – сказал мужчина.

– Сзади?

– Сначала спереди.

– Очень предусмотрительно.

– Да.

Он подошел.

– Я удержу не в полную силу.

– Почему?

– Потому что в полную вы не освободитесь.

Слова снова задели.

– Даже с приемом?

– Даже с приемом.

– Тогда зачем тренироваться?

– Чтобы освободиться от человека, который слабее меня. Или менее опытен. Или держит неудобно. Или не ожидает сопротивления. Чтобы выиграть секунду. Чтобы понять, когда сопротивление бесполезно и нужно искать другой момент.

– Вы удивительно вдохновляющий наставник.

– Ложная уверенность опаснее страха.

Кира замолчала.

Тимур говорил спокойно. Не снисходительно. Не пытаясь поставить на место. Именно так, как Марк говорил о рисках, только без неприятной привычки превращать человека в элемент схемы.

– Хорошо, – сказала она. – Показывайте.

Он обхватил руками.

Не слишком крепко.

Но расстояние исчезло.

Кира ощутила ладони на спине, тепло тела, запах чистой ткани и едва заметный терпкий аромат. Захват был учебным. Она знала. Мужчина заранее предупредил. Дверь зала оставалась открыта. За стеной находились люди. Ничего угрожающего.

И все же дыхание сбилось.

Тимур заметил сразу.

– Остановиться?

Кира подняла глаза.

– Нет.

– Уверены?

– Да.

– Тогда не пытайтесь разорвать руки. Слишком сильный захват. Работайте ногами. Колено. Голень. Стопа. Голова, если есть расстояние. Локти, если освободите пространство. Цель – заставить ослабить руки хотя бы на секунду.

– А если вы не ослабите?

– Тогда не освободитесь.

– Проверим.

Она резко ударила коленом.

Тимур успел сместиться.

– Предсказуемо, – сказал он.

– Потому что вы знали.

– Враг тоже может знать.

Кира попробовала наступить на стопу. Он снова изменил положение.

Она разозлилась.

Ударила локтем в бок. Тимур перехватил движение и удержал еще надежнее.

– Вы все блокируете.

– Да.

– Это нечестно.

– Нападение редко бывает честным.

Кира резко выдохнула.

– Отпустите.

Тимур сразу разжал руки и отошел.

– Вы специально показываете невозможность.

– Да.

– Зачем?

– Потому что должны знать границу.

– Уже поняла. Если нападет человек вашего размера, нужно смириться.

– Нет.

– А что?

– Ждать момент. Не тратить силы бессмысленно. Смотреть, что он хочет. Куда ведет. Ослабляет ли захват. Есть ли рядом предметы. Дверь. Стена. Люди. Возможность закричать. Вы не обязаны победить сразу. Иногда задача – продержаться до следующей возможности.

Кира смотрела.

– Вы говорите как человек, которому приходилось учить этому раньше.

Тимур не ответил сразу.

– Приходилось.

– Кого?

– Разных людей.

– Женщин?

– В том числе.

– После нападений?

Он немного помолчал.

– Иногда до. Иногда после.

Кира почувствовала, как злость ослабевает.

Тимур не превращал тренировку в красивую игру, потому что слишком хорошо понимал цену неправильной уверенности. Возможно, видел людей, которые считали, что один прием решит все. Возможно, вытаскивал тех, кто сопротивлялся не в тот момент. Возможно, приходил поздно.

– Хорошо, – сказала она тише. – Еще раз.

Он снова подошел.

– Сначала научитесь создавать пространство.

– Как?

– Ладонь под подбородок. Не давите на горло. Резко вверх и в сторону. Одновременно шаг назад и удар коленом. Не пытайтесь быть аккуратной, если ситуация настоящая.

– Сейчас аккуратной быть?

– Желательно.

Кира положила ладонь ему под подбородок.

– Так?

– Ближе к основанию.

– Вы удивительно спокойно позволяете трогать лицо.

– Это тренировка.

Она почувствовала тепло кожи под пальцами и сразу убрала руку чуть быстрее, чем требовалось.

Тимур посмотрел внимательнее, но ничего не сказал.

– Еще раз, – произнес он.

Кира повторила.

На этот раз движение вышло точнее. Ладонь вверх, шаг назад, колено. Тимур ослабил захват и отступил.

– Получилось, – сказала она.

– Потому что я позволил.

Раздражение вернулось мгновенно.

– Вы могли хотя бы одну секунду не портить.

– Важно понимать разницу.

– Между учебой и реальностью.

– Да.

– Но движение правильное?

– Правильное.

– Тогда иногда можно просто сказать.

– Хорошо.

Она посмотрела подозрительно.

– Вы сейчас издеваетесь?

– Нет.

– Учитесь у Данилы.

– Плохая идея.

Из коридора раздался голос:

– Я все слышу.

Кира повернулась.

Данила стоял в дверях.

В спортивных брюках, футболке и с выражением довольства, совершенно не соответствующим его состоянию. Одной рукой держался за косяк, другой придерживал бок. Лицо оставалось бледным, но в глазах уже сиял привычный интерес к чужим разговорам.

За спиной появилась Вера.

– Я оставила тебя одного на три минуты.

– И успешно дошел.

– Вернись в комнату.

– Не могу. Здесь образовательный процесс.

– У тебя температура.

– Незначительная.

– Даня.

Он посмотрел на Киру.

– Видите, как выглядит настоящая диктатура?

– Вы еле стоите.

– Это клевета.

Тимур подошел.

– Наверх.

– Не трогай. Дойду.

– Нет.

– Тимур.

– Вера сказала наверх.

– У тебя патологическая зависимость от ее приказов.

– Только разумных.

– То есть мои ты не выполняешь?

– Редко.

Данила вздохнул.

– Неблагодарная компания.

Тимур осторожно придержал его под локоть. Вера встала с другой стороны.

Перед уходом Данила посмотрел на Киру.

– Не позволяйте ему убедить вас, что любой спор решается правильным падением.

– А разве нет?

– Иногда помогает хороший удар.

– Наверх, – сказала Вера.

– Уже иду.

– Тебя ведут.

– Не разрушайте достоинство окончательно.

Они исчезли в коридоре.

Кира повернулась к Тимуру, который вернулся через минуту.

– Он действительно невозможный.

– Да.

– Но вы все равно терпите.

– Свой.

Снова это слово.

Простое.

Тяжелое.

Кира неожиданно подумала об Артёме. О том, сколько раз оправдывала именно так. Свой. Брат. Единственный близкий человек. Даже когда злилась. Даже когда отказывалась дать деньги. Даже когда понимала: снова лжет.

Разница существовала.

Тимур не позволял Даниле делать все, что тот хочет. Не закрывал глаза. Не выдавал бесконечные шансы без границ. Если Вера говорила лежать – относил наверх, несмотря на шутки и возмущение. Забота не означала согласие с любым безрассудством.

Кира почувствовала неприятное узнавание.

Возможно, именно этого ей не хватало с Артёмом.

Не способности спасать.

Способности остановить.

– Что? – спросил Тимур.

Она поняла, что слишком долго молчит.

– Ничего.

– Продолжим?

– Да.

– Теперь освобождение от захвата за волосы.

Кира нахмурилась.

– Вы серьезно?

– Да.

– Ненавижу заранее.

– Полезно.

– У вас все полезно, что неприятно.

– Не все.

– Кофе?

– Например.

Она встала на мат.

– Хорошо. Показывайте.

Тимур подошел, но не прикоснулся сразу.

– Предупреждаю: возьму за хвост. Не дергаю сильно. Готовы?

Кира собрала волосы плотнее.

– Да.

Он взял.

Даже мягкий захват вызвал неприятное ощущение. Кира инстинктивно потянулась рукой к его запястью.

– Правильно, – сказал Тимур. – Первое – прижать его руку к голове обеими ладонями. Не пытаться просто оторвать. Зафиксировали. Теперь поворачиваетесь в сторону большого пальца. Быстро. Корпусом. Захват ослабевает. Потом уходите или бьете.

Она выполнила.

С первого раза неловко.

Со второго лучше.

На третьем Тимур немного усилил захват, и Кира почувствовала боль.

Злость вспыхнула мгновенно.

Она резко развернулась, ударила предплечьем, почти попала в грудь, сместилась в сторону и неожиданно зацепила мужчину ногой.

Тимур потерял равновесие всего на секунду.

Но этого хватило.

Он шагнул назад.

Кира замерла.

– Я вас сдвинула.

– Да.

– Вы почти упали.

– Нет.

– Почти.

– Нет.

Она улыбнулась.

– Значит, все-таки есть прогресс.

– Есть.

– И вы признаете?

– Да.

– Удивительно.

Тимур посмотрел внимательнее.

– Но вы забыли уйти.

Кира не сразу поняла.

Мужчина сделал короткое движение.

Через секунду она оказалась на мате.

Не жестко. Не больно. Тимур перехватил, контролируя падение, но Кира все равно ощутила внезапность, удар спиной

и возмущение, которое вспыхнуло раньше, чем успела вдохнуть.

Он стоял сверху, не удерживая.

– Что это было?

– Вы остались рядом после удачного приема.

– Потому что думала, что закончили.

– Противник не закончил.

– Вы обманули.

– Да.

Кира села.

– Это тренировка.

– Именно.

– И вы специально ждали, пока расслаблюсь.

– Да.

– Нечестно.

– Да.

– И даже не извинитесь?

– Нет.

Она смотрела на него несколько секунд.

Потом неожиданно рассмеялась.

Не громко. Но искренне.

Впервые за несколько дней смех не был реакцией на абсурд, усталость или шутки Данилы. Просто ситуация оказалась слишком точной. Тимур действительно не собирался играть по правилам красивого урока. Не давал почувствовать себя победительницей после одного правильного дви-

жения. Не оставлял удобной иллюзии. И именно поэтому доверять его словам становилось легче.

– Вы ужасный наставник, – сказала Кира.

– Почему?

– Не умеете хвалить.

– Умею.

– Когда?

– Когда есть за что.

– Я вас почти уронила.

– Вы заставили изменить положение.

– Это и есть почти уронила.

– Нет.

– Невыносимый человек.

– Говорили.

Он протянул руку.

Кира взялась и встала.

– Еще раз, – сказала она.

Тренировка продолжалась почти час.

Тимур показывал простые вещи. Не эффектные. Не похожие на сцены из фильмов. Как закрыть голову руками, если удар неизбежен. Как уходить с линии атаки, а не отступать прямо назад. Как использовать стену не только как препятствие, но и как опору. Как не пытаться удерживать сумку, если за нее тянут. Как падать на бок. Как подняться с пола, не поворачиваясь спиной к человеку. Как держать дистанцию. Как не смотреть только на руки, забывая про ноги. Как

кричать не бессмысленно, а конкретно: «Пожар», «Вызовите полицию», «У него нож».

Кира ошибалась.

Злилась.

Повторяла.

Иногда получалось.

Иногда Тимур останавливал одним коротким движением, и тогда раздражение становилось почти физическим. Но мужчина ни разу не позволил себе улыбнуться снисходительно. Не сказал, что для женщины она держится хорошо. Не похвалил за смелость там, где требовалась техника. Не пытался сделать урок приятнее, чем он есть.

Только объяснял.

Показывал.

Исправлял.

– Теперь дубинка, – сказал он наконец.

Кира вытерла лоб полотенцем.

– Заслужила?

– Нет.

– Тогда почему?

– Нужно показать границы.

– Ваше любимое занятие.

Тимур взял со стойки короткую тренировочную палку из мягкого материала и протянул ей.

– Держите.

Кира взяла.

– Не как биту. Кисть расслабленнее. Не зажимайте слишком сильно. Иначе быстро устанете. Удар короткий. Не размахивайтесь от плеча, если человек близко. Цели: кисть, предплечье, колено, голень. Не пытайтесь красиво выбить оружие одним движением.

– А если по голове?

– Только если угроза жизни реальная.

– В клубе я ударила по руке.

– Правильно.

– Вы видели?

– Да.

– И что подумали?

Тимур не ответил сразу.

– Что вы не замерли.

Кира смотрела.

– Это хорошо?

– Да.

– Но?

– Но следующий человек может быть быстрее. Или не даст времени поднять биту. Или ударит первым.

– Вы не способны оставить комплимент без продолжения.

– Не комплимент. Факт.

– Уже поняла.

Он показал положение рук.

– Пробуйте.

Кира нанесла несколько ударов по тренировочной лапе.

Сначала слишком широко. Потом короче. Тимур исправлял локоть, угол кисти, положение ног. Иногда касался предплечья или плеча, направляя движение. Каждый раз спокойно. Деловито. Без лишнего контакта.

Но Кира все равно замечала.

Слишком отчетливо.

Близость Тимура постепенно превращалась в отдельную опасность. Не такую, от которой нужно бежать. Хуже. Ту, которую хочется проверить еще раз, хотя разум предупреждает: последствия окажутся сложнее, чем один неудачный шаг на мате.

– Сильнее, – сказал он.

Кира ударила.

– Короче.

Еще раз.

– Не заваливайтесь вперед.

Она исправила.

– Хорошо.

Кира остановилась.

– Что?

– Сказал хорошо.

– Без оговорки?

Тимур задумался.

– Для начала.

– Вот. Все-таки испортили.

– Вы ждали.

– Нет.

– Ждали.

Она улыбнулась.

– Возможно.

Он посмотрел с едва заметным удивлением.

– Заразилась, – сказала Кира.

– Похоже.

Дверь открылась.

Марк стоял на пороге.

– Закончили?

Кира перевела взгляд.

– Вы всегда появляетесь, когда становится интересно?

– Не знал, что здесь интересно.

– Тогда зачем пришли?

– Есть новости по квартире.

Она сразу положила тренировочную дубинку.

– Что случилось?

– Возле подъезда появился человек, которого раньше видели рядом с одной из компаний Ратникова. Внутрь не вошел. Стоит в машине через дорогу.

– Они наблюдают.

– Да.

– Значит, выезд отменяется?

Марк не ответил сразу.

– Возможно.

Кира почувствовала раздражение.

– Мы договорились обсуждать.

– Именно поэтому пришел.

– И?

– Есть два варианта. Отложить и продолжить наблюдение.

Или использовать поездку как контролируруемую проверку: подъехать другим маршрутом, войти через соседний подъезд и посмотреть, как отреагирует человек снаружи.

– Ловушка.

– Да.

Кира вытерла руки полотенцем.

– Вы опять превращаете все в ловушку.

– Это может дать ответ.

– И риск.

– Да.

– Насколько большой?

Марк посмотрел на Тимура.

– Оценим.

Тимур взял полотенце, вытер ладони.

– Сколько людей возле дома?

– Пока один. Возможно, смена. Возможно, наблюдатель.

– Машина?

– Серый седан. Номера проверяют.

– Внутренние камеры?

– Чисто.

– Запасной выход?

– Под наблюдением нашей группы.

Тимур немного подумал.

– Можно провести.

Кира почувствовала короткое удовлетворение.

– Значит, едем.

Марк посмотрел на нее.

– Это не решено.

– Тимур сказал можно.

– Сказал можно провести. Не что стоит проводить.

– Разница исключительно марковская.

– Разница существенная.

Кира повернулась к Тимуру.

– Вы как считаете?

Он ответил не сразу.

– Если отложим, человек может уйти. Если поедem, покажем, что вы участвуете в поиске. Возможно, это спровоцирует противника.

– Хорошо или плохо?

– Зависит от готовности.

– Вашей?

– Всех.

– Моей?

– Особенно.

Кира сжала тренировочную палку.

– Я готова.

Тимур посмотрел на предмет в ее руке, потом в глаза.

– После одного урока – нет.

Слова задели.

– Вы сами сказали, что прогресс есть.

– Есть.

– Тогда почему?

– Потому что готовность не измеряется желанием поехать.

– А чем?

– Способностью выполнить команду, если придется уйти за минуту до находки. Не остановиться ради вещи. Не спорить. Не пытаться доказать, что справитесь сама.

Кира молчала.

Он говорил о старом шкафчике. О сумке, оставленной в нескольких шагах. О том моменте, когда пришлось развернуться по одному слову.

Тогда она смогла.

Но Тимур хотел знать, сможет ли снова.

– Выполню, – сказала Кира.

– Даже если увидите Артёма?

Вопрос ударил неожиданно.

Она замерла.

– Что?

– Если войдете в квартиру и увидите брата. Или человека, похожего на него. Или услышите голос. Если скажу назад – уходите?

Кира открыла рот, но не ответила сразу.

Перед глазами мгновенно возник Артём. Не абстрактный. Живой. Уставший. Возможно, раненый. Стоящий в

собственной квартире. Зовущий по имени. Просящий помочь. Смеющийся своей обычной виноватой улыбкой.

Сможет ли Кира уйти?

Если Тимур скажет.

Если не будет объяснений.

Если каждая клетка тела требует остаться.

Она не знала.

И именно поэтому поняла, насколько честным должен быть ответ.

– Не уверена, – сказала Кира.

Тимур кивнул.

Без разочарования.

Без нравоучений.

Просто принял.

– Значит, пока не готовы.

Кира почувствовала вспышку злости.

– А вы бы ушли?

– Если ситуация требует.

– Даже если там ваш человек?

– Да.

– Легко говорить.

– Нелегко.

– Но говорите.

– Потому что приходилось.

В зале стало тихо.

Марк не вмешивался.

Кира смотрела на Тимура и впервые ясно поняла: муж-чина не рассуждает теоретически. Он уже оставлял кого-то. Возможно, ради других. Возможно, потому что иначе погиб-ло бы больше людей. Возможно, потом возвращался. Воз-можно, не успевал.

В его спокойствии снова проступила цена, которую он ни-когда не объяснял.

– Хорошо, – сказала Кира тише. – Тогда что нужно?

– Еще потренироваться.

– Сколько?

– Не один час.

– А квартира?

Марк ответил:

– Наблюдение продолжаем. Выезд отложим до решения группы.

– Я не согласна.

– Обсудим.

– Но не сейчас.

– Через час.

Кира закрыла глаза.

– Вы оба ужасные люди.

– Возможно, – сказал Марк.

Она посмотрела на него.

– И вы туда же.

Тимур забрал тренировочную палку.

– На сегодня достаточно.

– Я не устала.

– Устали.

– Вы снова объясняете мне мои ощущения.

– Нет. Вижу, что рука дрожит.

Кира посмотрела.

Правая кисть действительно слегка дрожала от напряжения. Совсем немного, но отрицать бессмысленно.

– Еще десять минут, – сказала она.

– Нет.

– Тимур.

– Иначе завтра не сможете нормально двигаться.

– Завтра?

– Будет следующий урок.

Она замерла.

– Вы согласны продолжать?

– Да.

– Почему?

– Хотите научиться.

Ответ прозвучал просто.

Кира почувствовала неожиданное тепло.

Не от похвалы. Не от признания способностей. От того, что Тимур не воспринял тренировку как одноразовый способ поставить ее на место. Не пытался доказать беспомощность и закончить. Действительно собирался учить.

– Хорошо, – сказала она. – Завтра.

– Завтра.

Марк уже направился к двери.

– Через час в кабинете.

– Вы сегодня особенно любите назначать разговоры, – сказала Кира.

– Работа такая.

– Следовательские привычки.

Он посмотрел через плечо.

– Похоже.

Северцев вышел.

Кира осталась с Тимуром.

Мужчина начал убирать тренировочные палки на стойку. Двигался спокойно, будто последний час не произошло ничего особенного. Кира подошла к скамье, взяла бутылку воды и сделала несколько глотков. Сердце по-прежнему билось быстрее. Мышцы постепенно начинали напоминать о каждом падении.

– Тимур.

Он повернулся.

– Что?

– Вы специально спросили про Артёма.

– Да.

– Чтобы доказать, что я не готова.

– Чтобы вы сами поняли.

– Это марковский прием.

– Возможно.

– Не начинайте.

Почти улыбка.

– Хорошо.

Кира поставила бутылку.

– А если бы я сказала, что уйду?

– Не поверил бы.

– Почему?

– Вы не знаете.

– Могла бы солгать.

– Могли.

– И тогда?

– Во время операции выяснилось бы хуже.

Она кивнула.

Честно.

Снова.

С Тимуром все время приходилось сталкиваться не с приятной версией реальности, а с настоящей. Не той, где достаточно быть смелой. Не той, где упрямство автоматически становится силой. Не той, где несколько тренировок превращают человека в неуязвимого героя.

Тело имеет границы.

Страх существует.

Сила распределена несправедливо.

Иногда правильное действие – ударить.

Иногда – упасть.

Иногда – отступить.

И самое сложное не победить противника.

Самое сложное – понять, когда перестать доказывать, что можешь победить одна.

– Спасибо, – сказала Кира.

Тимур замер.

– За что?

– За то, что не делали вид, будто после часа тренировки я смогу разбрасывать вооруженных мужчин по комнате.

– Не сможете.

– Вот именно.

– Пожалуйста.

– И за отсутствие снисходительности.

Он посмотрел внимательнее.

– Вы бы заметили.

– Конечно.

– Поэтому нет смысла.

– Очень романтично.

На этот раз пауза стала длиннее.

– Вы часто используете это слово рядом со мной, – сказал

Тимур.

Кира почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

– Вас беспокоит?

– Не знаю.

– Удивительно честно.

– Да.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Слишком долго для обычного разговора.

Слишком мало для чего-то большего.

Кира первой отвела взгляд.

– Мне нужно переодеться.

– Да.

– Вы снова пойдете до двери?

– Да.

– После тренировки не доверяете моей способности подниматься по лестнице?

– Доверяю.

– Тогда зачем?

– Объект не признан безопасным.

– Конечно.

Она направилась к выходу.

Тимур пошел рядом.

На лестнице мышцы уже начали болеть. Не сильно. Но достаточно, чтобы Кира понимала: завтра каждое движение напомнит о сегодняшнем уроке. На середине пути она машинально взялась за перила.

– Болит? – спросил Тимур.

– Нет.

– Врете.

– Немного.

– Горячий душ. Потом растяжка.

– Вы будете контролировать?

– Душ – нет.

– Какая деликатность.

– Растяжку могу показать.

Кира посмотрела через плечо.

– Сегодня?

– После разговора с Марком.

– Я подумаю.

– Сначала подумайте, – сказал Тимур.

Фраза прозвучала случайно.

И все же Кира остановилась.

Те же слова.

Сообщение Артёма.

Если попрошу приехать, сначала подумай.

Тимур тоже понял. Выражение лица изменилось совсем
немного.

– Простите, – сказал он.

– Ничего.

Несколько секунд они молчали.

– Хороший совет, – произнесла Кира.

– Да.

Она продолжила подниматься.

Возле комнаты Тимур остановился, как обещал. Не во-
шел. Не напомнил о безопасности. Не потребовал отчета.
Просто дождался, пока Кира откроет дверь.

– Тимур.

– Да?

– Завтра не начинайте с захвата за волосы.

– Почему?

– Ненавижу.

– Значит, нужно повторить.

Кира посмотрела зло.

– Вы ужасный человек.

– Полезный прием.

– Я передумала благодарить.

– Поздно.

Он позволил себе едва заметную улыбку.

Настоящую.

Короткую.

Почти мгновенно исчезнувшую.

Но Кира успела увидеть.

И почему-то именно эта улыбка оказалась опаснее всех захватов, падений и чужих приказов.

Она вошла в комнату и закрыла дверь.

Несколько минут стояла неподвижно, прислонившись спиной к дереву. Тело болело. Ладони горели. На колене проступало небольшое красное пятно после неудачного падения. За дверью Тимур задержался еще на несколько секунд, потом шаги удалились.

Кира подошла к зеркалу.

В отражении по-прежнему стояла она сама.

Уставшая.

Злая.

Растрепанная.

Не беспомощная.

Но и не неуязвимая.

Раньше разница казалась унижительной. Теперь впервые – полезной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.